

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3, 2012

История. Филология. Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

**РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:**

- Д. И. Польшвинный**, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карнова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Адрес редакции
153025 Иваново, ул. Ермака 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ*История*

- Корников А. А.** Герб графов Шереметевых: история и современность 3
Ильин Ю. А. Дискуссии о профсоюзах и перестройке партийного аппарата: по материалам резолюций конференций иваново-вознесенской губернской партийной организации (январь — июль 1921 г.) 11
Горюнова А. Г. Советское государство и общественность в борьбе за грамотность женщин в 1920-е годы в регионе Верхнего Поволжья 23

Филология

- Исенина Е. И.** Язык как структура, процесс и переживание в теории Юджина Т. Джендлина 28
Редков С. К. Отражение правовой культуры различных слоев российского общества в творчестве Леонида Андреева 36
Страдымова В. И. Римская поэзия в творчестве предшественников неотериков 41

Философия

- Жульков М. В.** Преодоление противоречий как способ достижения целостности ноосферного сознания 48
Калинин П. Е. Пространственно-временные аспекты сенсорно-перцептивной активности сознания 56
Смирнов Д. Г. Йоханнесбург+10: предчувствие ноосферной истории 64

Рецензии 73

Хроника 93

Сведения об авторах 97

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 99

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 3, 2012

History. Philology. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES "THE HUMANITIES"

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Candidate of Science, Philosophy

Address of the editorial office

153025, Ivanovo, Ermak str. 39, office 362

tel./fax (4932) 32-66-00

e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription

in the catalogue "Russian Press" 41512

Electronic copy of the journal can be found on
the web-sites www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2012

CONTENTS

History

Kornikov A. A. Graves Sheremet'evs' emblem:
history and modernity **3**

Ilyin U. A. Discussions about trade unions and
reorganization of party system: by materials of
conference resolutions of Ivanovo-Voznesensk
province party organization (January — July
1921) **11**

Goryunova A. G. Soviet state and society in the
struggle for women's literacy in the 1920-s in the
Upper Volga Region **23**

Philology

Isenina E. I. Language as a structure, process
and experience in the theory of Eugene
T. Gendlin **28**

Redkov S. K. Reflektion of legal culture of the
various layers of the Russian society in the work
of Leonid Andreev **36**

Stradymova V. I. Roman poetry in the works of
neoterics' predecessors **41**

Philosophy

Zhulkov M. V. The overcoming of contradic-
tions as a way to achieve the integrity of the
noospheric consciousness **45**

Kalinin P. E. Spatiotemporal aspects of sensory
perceptive activity of consciousness **56**

Smirnov D. G. Johannesburg+10: feeling of
noospheric history **64**

Reviews **73**

Chronicle **93**

Information about the authors **97**

*Information for the authors of "Ivanovo State
University Bulletin"* **99**

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2012. Вып. 3. История. Филология. Философия**

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. Я. Литвак, О. А. Кручинина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 29.06.2012 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ГЕРБ ГРАФОВ ШЕРЕТЕВЫХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассматривается история и символика герба графов Шереметевых — богатейшего аристократического рода Российской империи. Показывается влияние данного герба на территориальную геральдику современной России. Дается перечень гербов муниципальных образований, созданных под влиянием герба Шереметевых.

Ключевые слова: герб, графы Шереметевы, родовая геральдика, современная геральдика муниципальных образований.

The history and the symbolism of the emblem of graves Sheremet'evs — the richest aristocratic family of Russian empire is considered in the article. The influence of this emblem on the territorial heraldry of modern Russia is shown. The list of the emblems of municipalities created under the influence of graves Sheremet'evs emblem is given.

Key words: emblem, graves Sheremet'evs, family heraldry, modern heraldry of municipalities.

Одним из знатнейших и богатейших родов Российской империи был род графов Шереметевых. История этого рода тесно связана с историей Ивановского края, так как начиная с 1743 г. и до отмены крепостного права село Иваново являлось собственностью этого известного графского рода. Так же как другие дворянские роды Российской империи, графский род Шереметевых имел свой герб, официально утвержденный Павлом I 30 июня 1798 г. и внесенный во 2-ю часть «Общего гербовника дворян Всероссийской империи» [7, с. 665—667]. Далее мы попытаемся проанализировать историю создания, символику этого герба и его влияние на современную российскую территориальную геральдику.

Как известно, род Шереметевых был старинным дворянским родом России. Предком его считается боярин Андрей Иванович по прозвищу Кобыла, упоминавшийся уже в 1347 г. как приближенный великого князя Московского Симеона Ивановича Гордого. Во второй трети XV в. праправнук Андрея Кобылы Андрей Константинович получил прозвище Шеремет. Он и стал родоначальником рода Шереметевых [2, с. 283—287; 6, с. 175—189].

По поводу прозвища Шеремет, от которого произошла фамилия Шереметевых, существует несколько точек зрения. С. Б. Веселовский в своем «Ономастиконе» возводит его происхождение к турецкому «человек львиной храбрости» [3, с. 366]. Известный английский специалист в области русской

ономастики Б. О. Унбегаун считает, что эта фамилия произошла от слияния двух персидских слов: слова «лев» и имени собственного Ахмат [13, с. 293]. Современная исследовательница А. Суперанская приводит четыре версии происхождения фамилии Шереметев: от чувашского слова «бедняга», от заимствованного чувашами из персидского языка слова «скромный»; от персидского «лошадь» и, наконец, от персидского «лев» + Мухаммед [11, с. 108]. Таким образом, данная фамилия, по-видимому, имела восточное, скорее тюркское или иранское происхождение, а точное значение прозвища затерялось за давностью лет.

Представители рода Шереметевых принимали активное участие в общественно-политической жизни Русского государства в XVI—XVII вв., занимали должности воевод, военачальников, выполняли различные поручения правительства. Появление родового герба у Шереметевых связано с деятельностью одного из видных сподвижников Петра I — генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева (1652—1719). В 1706 г. Борис Петрович первым из российских дворян получил за свои заслуги титул «графа Российского царства» с правом передачи его на нисходящее потомство. Его братья Федор и Василий продолжили нетитулованную ветвь Шереметевых. Поэтому существуют герб графов Шереметевых и герб дворян Шереметевых. Последний включен в 3-ю часть «Общего гербовника дворян Всероссийской империи» [7, с. 667—668]. Графский и дворянский гербы Шереметевых имеют одинаковое изображение на гербовых щитах, одинаковых щитодержателях. Различие между ними заключается в коронах: в графском гербе над щитом водружена графская корона, в дворянском — дворянская.

По поводу происхождения и символики герба графов Шереметевых не существует точных и достоверных данных. А. П. Барсуков — историк рода Шереметевых, написавший 7-томную историю рода, — отметил: «Мы решительно не можем сказать ничего положительного о том, когда и кем он [герб] был составлен или списан» [1, с. 12]. К настоящему времени существуют две версии о происхождении и символике этого герба. Первая версия традиционная и наиболее распространенная. Эта версия была изложена в описании герба во 2-й части «Общего гербовника дворян Всероссийской империи». Наличие в гербе Шереметевых двух уширенных крестов под короной, кумирообразного дуба, скипетра и державы должно было символизировать генеалогическую легенду о происхождении предков Андрея Кобылы от Гланды Камбилы Дивовича, в свою очередь происходившего от короля пруссов Вейдевута. По этой легенде Гланда Камбила выехал на Русь в период правления Александра Невского и принял крещение.

Два креста под короной были гербом Гданьска (Данцига), находившегося по генеалогической легенде на территории бывших владений пруссов, королями которых были предки Гланды Камбилы. Город Гданьск получил данный герб следующим образом. В начале XIV в. в числе других территорий Гданьск оказался во владении Тевтонского ордена. Магистр этого ордена присвоил городу герб с двумя равноконечными лапчатыми крестами, повторявшими тевтонский крест. Таким образом, кресты символизировали господство тевтонцев над данной территорией. Появление короны связано со следующим периодом истории Гданьска. В 1454 г. Гданьск перешел под покровительство польского короля, и в 1457 г. польский король Казимир IV Ягеллон повелел поместить в гданьский герб золотую корону в знак покровительства этому городу со стороны королевской власти. Легенда о происхождении

предков рода Шереметевых от прусских королей была использована Н. П. Шереметевым в 1797 г. для обоснования изображения родового герба при утверждении его в герольдии. Заимствование гданьского герба должно подкрепить версию о происхождении рода от прусских королей, т. к. этот город якобы принадлежал предкам Гланды Камбилы [9, с. 58].

Однако есть и другая версия, объясняющая происхождение герба Шереметевых. Она принадлежит московскому историку О. Хоруженко. Последний поставил под сомнение традиционную версию. Он обратил внимание на то, что первое изображение шереметевского герба относится к 1695 г., а в это время Гданьск входил в состав Польского королевства. В состав Пруссии город вошел в 1793 г., а в X—XIII вв. эта территория была в составе славянского Восточно-Поморского княжества и не контролировалась средневековыми пруссами. По мнению О. Хоруженко, два креста под короной символизировали две победы Б. П. Шереметева над крымскими татарами в 1689 г. (в Черной долине) и в 1695 г. (под Карг-Керменом) [15, с. 212]. В целом же вся эта композиция должна символизировать «две славные победы христианского военачальника над неверными» [Там же]. Что же касается легенды о происхождении Шереметевых от Гланды Камбилы, потомка прусского короля, то она, по мнению О. И. Хоруженко, была создана первым русским герольдмейстером С. А. Колычевым в 1722 г., а затем использована Н. П. Шереметевым при составлении прошения в герольдию об утверждении герба своего рода в 1797 г. Таким образом, происхождение и символика герба Шереметевых еще недостаточно изучены, однако вне зависимости от его происхождения герб был официально утвержден Павлом I.

В силу целого ряда причин, о которых еще будет говориться (знатности, богатства, влияния рода Шереметевых), герб оказался запечатленным на памятниках архитектуры (музей «Кусково», Фонтанный дворец в Санкт-Петербурге, здание института Склифосовского — бывший странноприимный дом Шереметевых), мебельных гарнитурах, портретах, посуде, книгах [9, с. 56]. Распространение и отображение герба Шереметевых на памятниках материальной культуры может служить темой для специального сообщения. Нам бы хотелось остановиться на другом сюжете — влиянии символики герба Шереметевых на современную геральдику России. При анализе и рассмотрении современных гербов различных муниципальных образований и учреждений нам удалось выявить, по крайней мере, одиннадцать гербов, которые были созданы под влиянием герба Шереметевых с использованием отдельных его элементов.

Во-первых, это герб муниципального района Вешняки (г. Москва). На территории этого района еще с XVI в. имелись владения Шереметевых, там же располагается известная усадьба Кусково — выдающийся памятник архитектуры XVIII в., построенный Шереметевыми. Герб имеет следующее описание: «Щит московской формы рассечен. В первом серебряном поле — дуб с зеленой кроной, черным стволом и корнями. Во втором красном поле — серебряный пеликан, кормящий кровью из разорванной груди трех птенцов, гнездо и капли крови золотые. В черной главе — золотая графская корона, сопровождаемая по сторонам двумя золотыми уширенными крестами» [4]. Герб муниципального образования заимствует из графского герба золотую графскую корону, два уширенных креста в главе и зеленый дуб в правой (геральдической) половине рассеченного гербового щита. Герб района был утвержден решением муниципального собрания 3 марта 2004 г.

Во-вторых, это герб муниципального района Выхино-Жулебино (г. Москва). Данный район располагается на месте деревень Выхино и Жулебино, которыми Шереметевы владели с XVII в. Официальное описание герба: «В зеленом щите московской формы — стоящие на задних лапах золотые лев и лис, поддерживающие с двух сторон золотую державу. В пасти льва зеленая лавровая ветвь, сопровождается сверху серебряным узорным подоконным наличником в пояс, примыкающим к узкой голубой главе» [4]. Муниципальный герб заимствует из графского герба одного из щитодержателей — золотого льва с лавровой ветвью. В муниципальном гербе изображен также золотой лис, символизирующий название «Жулебино», полученное от прозвища управителя графских деревень А. Т. Остеева. Этот управляющий имел кличку Жулеба — хитрец. Герб был утвержден решением муниципального собрания 28 сентября 2004 г.

В-третьих, это герб сельского поселения Успенское Одинцовского района Московской области. Часть деревень на территории этого поселения также когда-то принадлежала Шереметевым. Официальное описание герба: «Щит скошен левой волнистой лазурной перевязью, окантованной серебром. В верхнем изумрудном поле два золотых уширенных креста в левую перевязь. В нижнем червленом поле золотой дуб без корней. В вольной части герб Московской области. Щит увенчан муниципальной короной сельского поселения» [4]. Герб поселения заимствовал из графского герба два уширенных креста и золотой дуб. Любопытна трактовка данных эмблем в описании герба сельского поселения. Золотой дуб символизирует крепость и силу духа жителей поселения, два золотых креста — мужской и женские монастыри, расположенные на территории поселения. Герб был утвержден решением Совета депутатов сельского поселения Успенское от 14 февраля 2007 г. Герб внесен в Государственный геральдический реестр под номером 3344.

В-четвертых, это герб сельского поселения Константиновское Раменского района Московской области. Константиновское — древнее село, известное с 1331 г., когда оно упомянуто в духовной грамоте Великого московского князя Ивана Калиты. С 1703 г. и до 1917 г. село находилось во владении графов Шереметевых. Герб сельского поселения имеет следующее описание: «Щит скошен начетверо лазурью (синим, голубым), дважды червленью (красным) и зеленью; поверх всего — золотая, с самоцветами на обруче, пятью листовидными зубцами и жемчугом на дужках, королевская корона, окруженная золотым дубовым разомкнутым венком, перевязанным внизу лентой того же металла» [4]. Авторы герба поселения в обосновании его символики отмечают, что они заимствовали из герба Шереметевых золотую корону и венок, подчеркивая тем самым связь времен [4]. Данный герб был утвержден решением Совета депутатов поселения Константиновское от 26 декабря 2007 г.

В-пятых, это герб города Юбилейный Московской области. На территории этого подмосковного города также когда-то располагались земельные владения Шереметевых. Поэтому автор герба, известный геральдист И. С. Сметаников, наряду с другими эмблемами ввел в гербовое поле две пятилучевые звезды — такие же, как в нашлемнике графского герба. Звезды должны символизировать не только армейскую историю, но и специфику этого ранее закрытого города. Хотя необходимо отметить, что в графском гербе звезды имеют шесть лучей. Изменение количества лучей связано с тем, что пятиконечная звезда более характерна для советской военной сим-

волики. Герб был утвержден решением Совета депутатов города Юбилейный 22 мая 1997 г. [4].

В-шестых, это герб муниципального округа Ушково г. Санкт-Петербурга. До 1948 г. Ушково называлось Тюрисевя, и до 1940 г. деревня входила в состав Финляндии. В настоящее время Ушково — поселок в Курортном районе г. Санкт-Петербурга. Герб муниципального округа Ушково имеет следующее описание: «Поле скошено справа золотой чешуйчатой нитью червленью (красным) и лазурью (синим, голубым) со смещением вниз и влево; в червлении золотой львиный леопард, держащий в зубах зеленую лавровую ветвь, в лазури — золотое навершие епископского посоха» [4]. Золотой львиный леопард с зеленой лавровой ветвью был заимствован из родового герба графов Шереметевых. Дело в том, что до революции 1917 г. в деревне Тюрисевя располагалась дача Шереметевых. А граф Александр Дмитриевич Шереметев (1859—1931) жил со своей женой и прислугой на этой даче еще в течение десяти лет после Октябрьской революции. Золотой лев в данном гербе трактуется как символ храбрости, мужества. Герб был утвержден решением Совета депутатов муниципального округа Ушково 22 октября 2008 г. и внесен в Государственный геральдический реестр России под номером 4352.

В-седьмых, это герб муниципального округа Дачное г. Санкт-Петербурга. На этой территории также до революции 1917 г. было несколько владений Шереметевых. В частности, в состав муниципального образования входит историческая местность Привал, где находилось имение Шереметевых. Поэтому в герб округа для установления исторической преемственности данной территории введен золотой уширенный равноконечный крест под короной из графского герба [4]. Интересно отметить, что поскольку на территории округа были владения других знатных дворянских родов — Головиных, Чернышевых, то в герб округа были введены элементы гербов этих фамилий. Так в герб, например, была введена подкова, взятая из герба графов Чернышевых [7, с. 649].

В-восьмых, это герб Заклинского сельского поселения Лужского района Ленинградской области. На территории этого поселения находилось имение Шереметевых Сырец — его купил Сергей Сергеевич Шереметев, дядя С. Д. Шереметева. Герб поселения имеет следующее описание: «В лазоревом поле с зеленой землей, поверх всего опрокинутое узкое острие, поддерживаемое по сторонам двумя золотыми леопардовыми львами, правый из которых держит в зубах зеленую масличную ветвь, а левый — золотую лавровую ветвь» [4]. Данный герб относится к категории гласных гербов, т. к. острие (клин) напоминает о названии поселения — Заклинье. Стоящие по бокам острия львы заимствуются из герба Шереметевых. Они напоминают, с одной стороны, о бывшем владельце имения, а с другой — символизируют храбрость и мужество защитников лужской земли в годы Великой Отечественной войны. В июле — августе 1941 г. эта территория входила в Лужский оборонительный район, где на подступах к Ленинграду шли кровопролитные бои. Герб поселения был утвержден решением Совета депутатов Заклинского сельского поселения 30 июня 2008 г. и внесен в Государственный геральдический реестр под номером 4223. Завершая рассказ о гербе Заклинского сельского поселения, необходимо отметить еще один любопытный факт, касающийся отражения в современной исторической памяти рода Шереметевых. На территории деревни Заклинье располагается в настоящее время сельскохозяйственное предприятие «ООО “Шереметево”».

В-девятых, это герб Борисовского района Белгородской области. Центр района — слобода Борисовка (ныне поселок), она была основана в 1695 г. С 1705 г. слобода Борисовка с окрестными землями становится собственностью Бориса Петровича Шереметева, который с 1686 г. руководил войсками Белгородской укрепленной линии. В полутора верстах от слободы Б. П. Шереметев построил Тихвинско-Борисовский женский монастырь. 8 декабря 1995 г. постановлением главы района был утвержден герб Борисовского района: «В червленом (красном) поле отвлеченный золотой дуб, увенчанный золотой закрытой короной о пяти видимых листовидных зубцах и пяти дугах, с державой наверху и сопровождаемый по сторонам серебряными уширенными крестами. В вольной части герб Белгородской области» [4]. Авторы герба прямо отмечают, что он был создан на основе и по мотивам родового герба графов Шереметевых. В районном гербе мы видим многие гербовые эмблемы, заимствованные из родового графского герба: золотой дуб, корону, два уширенных равноконечных креста. Герб был утвержден постановлением главы администрации района от 8 декабря 1995 г. за номером 342.

В-десятых, это герб Большесельского района Ярославской области. В 1706 г. Юхотская волость с селами Большое село (ныне центр Большесельского района), Новое Покровское и Николокормское, а также 432 деревнями была пожалована Петром I графу Б. П. Шереметеву. С этого времени и до 1917 г. судьба данного района была тесно связана с историей графской семьи. Интересно отметить также, что в деревне Березино данной волости родилась будущая талантливая актриса Прасковья Ивановна Ковалева (Жемчугова), которая позднее стала женой графа Н. П. Шереметева. В настоящее время в районном центре Большое село существует Шереметев-центр. Район имеет герб со следующим описанием: «В червленом (красном) поле золотая перевязь, сопровождаемая сверху окруженным по краю зеленым лавровым венком и обремененным несущим на левом плече серебряную на червленой рукояти секиру черным восстающим медведем, золотым безантом (шаром); внизу — серебряной подковой двумя шипами вниз» [4]. Из графского герба в районном гербе заимствуется лавровый венок. В районном гербе он, с одной стороны, устанавливает связь времен, а с другой — подчеркивает, что район является центром Ярославской области. Герб был утвержден решением Собрания представителей Большесельского муниципального района от 24 февраля 2011 г. и внесен в Государственный геральдический реестр России под номером 6709.

Завершая перечень современных территориальных гербов России, созданных под влиянием родового герба графов Шереметевых, необходимо назвать еще один герб — Иваново-Вознесенского генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева кадетского корпуса. Данный герб относится не к территориальным, а к корпоративным гербам. Тем не менее он также интересен с точки зрения влияния старинных родовых гербов дореволюционной России на современную геральдику. Кадетский корпус, о котором пойдет речь, был создан в Иванове в 1999 г. на базе средней школы № 28. В 2001 г. корпус был переведен в 43-ю среднюю школу. В 2000 г. был утвержден герб кадетского корпуса, в котором соединились традиционная форма гербов кадетских корпусов и элементы герба Шереметевых. На поле каплевидного русского щита (именно они используются в кадетской геральдике) изображены два уширенных равноконечных креста под короной. Под щитом на девизной ленте вписан девиз герба Шереметевых: «Deus conservat omnia» («Бог сохраняет всё») [5]. Таким образом, герб Иваново-Вознесенского кадетского корпуса повторяет все основные гербовые эмблемы, имеющиеся на щите графского герба.

Подводя итоги обзора имеющихся современных гербов, созданных под влиянием родового герба Шереметевых, можно отметить, что графский герб оказал большое влияние на современную российскую геральдику. На наш взгляд, ни один родовой герб дореволюционной России не имел такого влияния. Нам известны несколько современных территориальных гербов, созданных с учетом родовых гербов (Аксаковых, Арсеньевых, Всеволожских, Бобринских, Долгоруковых, Римских-Корсаковых, Чернышевых) [12, с. 221—234]. На основе этих родовых гербов создано по одному территориальному гербу. И только герб Шереметевых повлиял на столь большое количество современных гербов.

Чем можно объяснить этот любопытный феномен в российской геральдике? На наш взгляд, такое сильное влияние шереметевского герба обусловлено рядом факторов. Во-первых, богатством и состоятельностью рода Шереметевых, наличием у них до революции огромного количества земельных владений, крепостных крестьян. К середине XIX в. графская фамилия была если не самой богатой, то одной из самых богатых в России. Накануне отмены крепостного права Дмитрий Николаевич Шереметев владел 800 тыс. десятин земли и почти 300 тыс. крепостных крестьян. Земельные владения Шереметевых были разбросаны по различным районам страны: центральные губернии, Поволжье, Прибалтика. И даже накануне революции 1917 г., когда помещичьи латифундии значительно сократились, графам С. Д. и А. Д. Шереметевым принадлежало 370 тыс. десятин земли [10, с. 258]. Естественно, что память о графских владениях, об их собственниках очень долго сохранялась в историческом сознании многих людей и оказала влияние на процесс создания территориальных гербов.

Во-вторых, Шереметевы были не просто богатой и знатной фамилией, каких было достаточно в России. Они были знатным, богатым и успешным родом на протяжении нескольких столетий. Начиная с конца XV в. и до самой революции 1917 г. Шереметевы активно участвовали в общественно-политической жизни страны, постоянно наращивая и свою славу, и свое богатство. На этом фоне история многих знатных родов России выглядела очень печально, а подчас и трагически. К концу XIX в. в России было учтено 310 графских родов, из них 70 пресеклись в мужской линии [8, с. 626]. Очень часто многие знатные фамилии разорялись или подвергались репрессиям, в результате чего теряли свое имущество и положение. Подобным примером может служить судьба фаворита Петра I — А. Д. Меншикова. К концу своей жизни он имел 90 тыс. крепостных, имущества примерно на 14 млн рублей. Однако все это было конфисковано в 1728 г. После того как Анна Иоанновна восстановила в правах детей А. Д. Меншикова, им вернули только небольшую часть имущества, а сам род князей Меншиковых пресекся по мужской линии в 1893 г., а в 1918 г. и по женской линии [14, с. 266—267]. С графским родом Шереметевым подобных трагических ситуаций не было, наоборот, его представители постоянно наращивали богатство и славу. Так, например, удачная женитьба Петра Борисовича Шереметева на единственной дочери и наследнице канцлера князя А. М. Черкасского удвоила родовое состояние, и оно стало составлять 73,5 тыс. крепостных [14, с. 427].

В-третьих, формированию славы и известности рода Шереметевых способствовали деяния его видных представителей. Так, в XVI в. Иван Васильевич Большой Шереметев (умер в 1577 г.) имел чин боярина, участвовал в походах на Казань, в Ливонской войне, был в числе бояр — правителей зем-

щины во время опричнины Ивана IV. Борис Петрович Шереметев (умер в 1650 г.) участвовал в Земском соборе 1613 г., избравшем на престол Михаила Романова, был воеводой в Свияжске, Архангельске. Его сын Василий Борисович (1622—1682) возглавлял Владимирский, Судный приказ, был воеводой в Тобольске, Смоленске, Киеве. Одним из известнейших военачальников царствования Петра I был боярин Борис Петрович Шереметев (1652—1719), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий армией в Полтавском сражении [14, с. 428]. Его сын Петр Борисович (1713—1788) был генерал-аншефом, в 1782—1785 гг. — первым московским генерал-губернатором. Сын и наследник Петра Борисовича, Николай Петрович (1751—1809), прославился как знаток и любитель искусства, создатель театра в имении Останкино под Москвой, основатель Шереметевского странноприимного дома в Москве (ныне здание института Склифосовского). Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918) известен как историк, генеалог, автор многочисленных печатных трудов, в 1883—1894 гг. он был начальником придворной певческой капеллы, долгое время возглавлял Археографическую комиссию Министерства просвещения. Брат Сергея Дмитриевича, Александр Дмитриевич (1859—1931), был крупным меценатом, композитором, в 1901—1917 гг. — директором придворной певческой капеллы, основателем Российского пожарного общества (1893). Даже это краткое перечисление заслуг некоторых представителей графского рода показывает, почему Шереметевы запечатлелись в исторической памяти народа России и почему графский герб оказал влияние на современную геральдику нашей страны.

Библиографический список

1. Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб. : Типография М. С. Стасюлевича, 1881. Кн. 1. 534 с.
2. Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1890. Ч. 1. 759 с.
3. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974. 363 с.
4. Геральдика.ру. URL: <http://www.geraldika.ru> (дата обращения: 22.03.2012).
5. Живая геральдика. URL: <http://alive-haralc/y narod.ru/cadetheraldy.htn> (дата обращения: 22.03.2012).
6. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М. : Наука, 1988. 350 с.
7. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи / под ред. П. А. Дружинина. М. : Трутень, 2009. Ч. 1—10. 712 с.
8. Отечественная история с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 5 т. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 1. 668 с.
9. Смирнова Т. Н. Герб рода графов Шереметевых // Гербовед. 1995. № 2 (8). С. 56—70.
10. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. М. : Советская энциклопедия, 1976. Т. 16. 1002 стб.
11. Суперанская А. Графы Шереметевы // Наука и жизнь. 2007. № 7. С. 108—109.
12. Туник Г. А. Формирование современной российской геральдики в условиях политической модернизации. М. : Полиграфист и издатель, 2008. 448 с.
13. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М. : Прогресс, 1889. 443 с.
14. Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество : энциклопедия дворянских родов. М. : Олма-Пресс, 2001. 464 с.
15. Хоруженко О. Именные тамги русского дворянства // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 171—224.

ББК 63.3(2)613-3

Ю. А. Ильин

**ДИСКУССИИ О ПРОФСОЮЗАХ
И ПЕРЕСТРОЙКЕ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА:
по материалам резолюций конференций иваново-вознесенской
губернской партийной организации (январь — июль 1921 г.)**

Статья посвящена дискуссиям о профсоюзах и перестройке партийного аппарата в иваново-вознесенской губернской партийной организации в 1921 г. Акцент сделан на позиции местных рабочих партийных организаций по данным вопросам. Показана деятельность центрального и местного аппаратов по искоренению синдикалистских настроений рядовых коммунистов региона.

Ключевые слова: кризис, дискуссия, профсоюзы, партийное строительство, резолюция, аппарат, губернская конференция.

The article considers discussions about trade unions and reorganization of party system in Ivanovo-Voznesensk province party organization (January — July 1921). The accent was made on the attitude of local worker party organizations to these questions. The activities of central and province party system on rooting out syndicate moods among ordinary communists of the region is showed.

Key words: crisis, discussion, trade unions, reorganization of party, resolution, party system, province party organization (January — July 1921).

Обратиться к данной проблематике автора побудил ряд причин: а) отсутствие в региональной историографии публикаций об отношении губернской партийной организации к вышеуказанным дискуссиям в период перехода страны от войны к миру; б) мифологические по содержанию и упрощенные по логике суждения о последовательной и непоколебимой поддержке местными коммунистами позиции руководства ЦК РКП(б), и в частности платформы В. И. Ленина; в) замалчивание роли шуйской партийной организации и ее лидера, видного большевика И. И. Короткова, в принятии XIII губернской партийной конференцией резолюций по вышеуказанным вопросам; г) вопрос об ответных действиях партийно-советской бюрократии по выхолащиванию сути требований (да и решений) рядовой массы коммунистов о демократизации внутрипартийной жизни региона, который является в истории «белой страницей».

Одним словом, назрела необходимость дать взвешенную картину кризисных явлений в РКП(б) в 1921 г. в ракурсе их восприятия и выработки рецептов оздоровления на примере влиятельнейшей и крупнейшей региональной структуры партии.

Источниковой базой публикации являются материалы из газеты «Рабочий край» за 1921 г. Автор не претендует на исчерпывающую трактовку происходивших тогда событий в иваново-вознесенской партийной организации. Наша цель — заострить внимание краеведов на данной проблематике, начать сбор, систематизацию и анализ конкретных фактов в ее русле и тем самым приблизиться к историческим реалиям жизни указанного отряда партии в переходный момент жизни страны.

Завершающая фаза гражданской войны ознаменовалась не только сокрушением сил белого движения и интервентов, но и нарастанием кризисных

© Ильин Ю. А., 2012

явлений в стане победителей, и в частности внутри самой коммунистической партии. Сказывалось крайнее истощение идейных партийных сил, вызванное непрерывными мобилизациями коммунистов на фронт и в прифронтовую полосу для укрепления военной мощи Красной Армии и восстановления стратегически важных экономических объектов республики. По стране около 50 % членов партии оказались в этом чрезвычайном водовороте событий. Иваново-вознесенская губернская партийная организация не была исключением из этого правила. Так, только во 2-й половине 1920 г. — начале 1921 г. ее численность сокращалась за счет призывов на охрану (38 человек) и восстановление железных дорог (лишь на Сызрано-Вяземскую сеть было направлено 48 коммунистов), на продовольственную работу на Украину (52 человека), на партийную работу в воинские части Средней Азии (в г. Ташкент послано 50 человек), на Польский (85 человек) и Южный (87 человек) фронта, на подавление Кронштадтского мятежа (70 ответственных работников), тамбовского выступления крестьян (11 человек) и т. д. В итоге только за 1920 г. ее численность упала с 5496 до 3332 человек, то есть в 1,65 раза¹.

Потеря наиболее дееспособных сил губернской партийной организации активизировала такие явления, как падение интеллектуального и морального уровня руководящего состава, увлечение администрированием в отношении рядовой массы коммунистов, отрыв «верхов» от «низов» партии, милитаризация форм и методов деятельности партийного, советского и профсоюзного аппаратов региона. Попытки федеральной власти параллельно с решением военных задач бороться с указанными выше недостатками, прочно укоренившимися в местных организациях, дали лишь косметические результаты. Так, в ходе перерегистрации членов партии, инициированной Всероссийской конференцией РКП(б) (сентябрь 1920 г.) в иваново-вознесенской организации было проверено 20 % ее состава. В итоге было исключено лишь 10 человек, добровольно вышел 21 человек и не явились на переучет 484 человека. Таким образом, из 515 человек, оставивших партийные ряды, только 2 % были исключены за проступки².

Итак, воронка гражданской войны втягивала партийный и советский аппарат в казарменную модель управления страной и регионами, по сути в модель военно-политического выживания. Функционирование же последней предполагает разрушение экономических основ хозяйствования и, как результат, разруху в народном хозяйстве. Для текстильного края этот процесс означал саморазрушение, полную потерю всего промышленного потенциала и потомственных рабочих кадров. Последствия этого перекоса в деятельности руководства страны и региона самокритично оценила секретарь губкома партии О. А. Варенцова: «Разрушалась крупная промышленность нашего района, разлагался и фабричный пролетариат. Гонимые и преследуемые голодом, этим неумолимым и беспощадным врагом трудящихся, рабочие разбрелись, рассеялись... Разрушался фундамент... опора нашей Коммунистической партии, ибо крупное производство составляет основу коммунизма...»³.

Осознание реальной опасности потерять промышленность области заставило хозяйственные и профсоюзные структуры вплотную заняться задачей спасения текстильного края. Партийные органы не только не мешали, но и способствовали активизации и координации их деятельности в течение всей гражданской войны. Привычными стали отчеты и выработка совместных действий руководителей ГСНХ на представительных собраниях профсоюзов, формирование объединенных (советско-профсоюзных) структур по делам промышленности.

Так, с отчетом перед VI делегатским собранием фабзавкомов Иваново-Кинешемского областного профсоюза текстильной промышленности (25—26 августа 1918 г.) выступил председатель ГСНХ С. К. Климохин. В нем он, в частности, заявил: «Нам хозяйство досталось в разрушенном состоянии, и, чтобы спасти промышленность, необходимо решение хотя бы части главной задачи рабочего класса: 1) строгая рабочая дисциплина; 2) едино и правильно централизованная снизу доверху организация управления фабриками...»⁴. В результате в декабре 1918 г. руководитель профсоюза текстильщиков Г. К. Королев по совместительству становится губернским комиссаром труда.

Идея пуска ударных фабрик родилась в середине 1919 г. Публично она была оглашена на губернском съезде фабкомов и заводоуправлений в сентябре 1919 г. Результат: в сентябре 1919 г. при губернском отделе труда и профсоюзе текстильщиков была создана специальная комиссия для изучения состояния и возможностей пуска остановленных фабрик, подсчета имевшегося сырья и топлива. Возглавил ее Г. К. Королев. Официально действия этой комиссии были одобрены постановлением VII губернского съезда Советов (ноябрь 1919 г.). Об этом говорится в воспоминаниях Г. К. Королева: «Осенью 1919 г. перед руководителями союза и другими организациями встала грозная опасность за неимением топлива “заморозить”, вернее — уничтожить в нашей губернии лучшие фабрики... Весной 1920 г. ... у рабочих и выдвинутых ими работников сразу зашевелилась мысль о возможности пуска фабрик промышленности... Ивановские рабочие организации, не откладывая дело, рассылают по губернии лучшие технические силы в количестве 18 человек и через месяц получают материал, подтверждающий, что при указанных условиях, при минимальной поддержке центра в 6 месяцев работы можно дать Республике до 120 млн аршин ткани. Еду с проектом в центр...»⁵. Кстати, поехали в Москву председатель губисполкома И. Е. Любимов, от городского Совета — В. П. Кузнецов, от профсоюза — Г. К. Королев. Среди соратников Г. К. Королева, инициативных производственников, можно назвать С. К. Климохина, А. П. Шитова, Г. П. Константинопольского и др. Именно они на базе 20—22 фабрик готовили площадку для перевода текстильной промышленности на мирные рельсы хозяйствования. Для этого Главтекстилем 2 августа 1920 г. был создан ударный комитет во главе с Г. К. Королевым. Известно, что на рубеже 1920—1921 гг. В. И. Ленин поддерживал и всеми мерами помогал инициативе хозяйственного и профсоюзного актива губернии. Приведем его оценку итоговой деятельности ударкома. На собрании секретарей ячеек РКП(б) Москвы и Московской губернии (9 апреля 1921 г.) он сказал: «У меня сегодня был тов. Королев из Иваново-Вознесенска, из нашей наиболее промышленной, пролетарской, красной губернии. Он привел цифры и факты. В первый год работало не более 6 фабрик и ни одна не работала сплошь даже месяца. Это была полная остановка промышленности. За этот же минувший год первый раз пущены 22 фабрики, которые работали без перерыва по несколько месяцев, некоторые по полгода... Иваново-вознесенцы получили... меньше дров, меньше торфа, меньше нефти. И является чудом, что они топлива получили только половину, а программу выполнили на 117 млн из 150 млн аршин...»⁶.

Индикатором дрейфа местных властей и общественности в сторону хозрасчетных методов восстановления промышленности в крае стало переизбрание Г. К. Королева и его команды в новый состав губернского исполнительного комитета в январе 1921 г. Более того, увеличивалось число сторон-

ников мирной модели развития экономики в крае. К ним можно причислить председателя губернского ЧК К. И. Фролова, в годы нэпа ставшего крупным организатором текстильной промышленности региона. И последний нюанс: именно переизбранный состав губисполкома (в лице Г. К. Королева и С. К. Климохина) развернул в партийных и советских кругах губернии так называемую дискуссию о профсоюзах (январь — февраль 1921 г.)⁷.

Для подкрепления высказанного суждения приведем малоизвестные факты, подтолкнувшие власти и общественность к участию во всероссийской дискуссии о профсоюзах и перестройке партийного аппарата. Речь идет о волнениях на ряде фабрик Кинешемского, Вичугского и других районов края. Рабочие отказывались работать, выставляли различные требования. Об этом мы узнаем из доклада С. Ф. Пирожкова на пленуме губернского профсовета (13 июля 1921 г.). Докладчик подчеркивал, что на настроения рабочих негативно влияли кронштадтские события и что профсоюз мобилизовал свои силы и добился продолжения работы предприятий⁸. Эти события не остались незамеченными в центре: в г. Иваново-Вознесенск выехала группа видных партийных и хозяйственных деятелей — Л. Б. Каменев (член Президиума ВЦИК, председатель Моссовета), Ю. Ларин (член Президиума ВСНХ) и В. П. Ногин (заместитель наркома труда, кандидат в члены ЦК РКП(б))⁹.

27 января 1921 г. в здании зимнего театра состоялось общегородское собрание членов РКП(б) г. Иваново-Вознесенска. На нем присутствовало более 1000 человек. Председателем собрания был Г. К. Королев. Газета «Рабочий край» в номерах за 27 и 29 января дала краткую информацию о наиболее ярких моментах этого важного политического события. Итак, в выступлениях видных деятелей партии центра и региона четко прослеживались три подхода к вопросу о профсоюзах. Л. Б. Каменев (умеренная центристская платформа В. И. Ленина) настаивал на усилении профсоюзов путем объединения в них всех рабочих. Он заявил, что рабочих в России 7 млн человек, а крестьян — 120 млн. Деревня лишь «союзник», готовый оставить нас одних, свернуть в свою сторону. Г. К. Королев, поддерживая Каменева, пошел дальше, призывая добиваться усиления профсоюзов через переброску в них лучших сил из советских учреждений. В качестве аргумента в пользу действенности профессиональных союзов он приводил факты революционной сознательности иваново-вознесенских профсоюзов в октябрьские дни 1917 г. и годы гражданской войны. Здесь скорее отстаивалась платформа В. И. Ленина с весомыми элементами платформы А. Г. Шляпникова («Рабочая оппозиция»).

Третье мнение по данному вопросу высказывали Ю. Ларин («буферная группа» — платформа Н. И. Бухарина, идейно близкая взглядам Л. Д. Троцкого) и С. К. Климохин (платформа Л. Д. Троцкого). Их сближало общее суждение о необходимости усилить профсоюзы через тактику «перетряхивания» их управленческих структур, «перековки» их актива для последующей замены уже подготовленными кадрами советского и хозяйственного аппарата. Образцом такой «перековки» профсоюзных кадров в «государственников» был курируемый Л. Д. Троцким объединенный профсоюз железнодорожного и водного транспорта (Цектран).

По итогам прений была принята резолюция общегородского собрания коммунистов г. Иваново-Вознесенска в пользу «платформы десяти» (В. И. Ленина): все за, кроме 27 человек. В ней, в частности, говорилось: «Коммунисты Иваново-Вознесенска вместе с коммунистами Москвы и Петрограда решительно отвергают оба уклонения, существование которых выяс-

нилось во время общепартийной дискуссии. Одно уклонение находит выражение в методах перетряхивания союзов сверху и в практике Цектрана. Другое — есть синдикалистский взгляд на профсоюзы, нашедший свое выражение не только в платформе товарищей “Рабочей оппозиции”, но и в платформе тов. Бухарина и тов. Троцкого. Оба эти уклонения должны быть внимательно обсуждены всей партией и решительно ею осуждены, как вредные и опасные для успеха коммунизма...»¹⁰.

Данный документ стал руководством к действию для иваново-вознесенских городского и уездного комитетов партии по укоренению ленинских идей о профсоюзах («платформа десяти») среди всех членов губернской партийной организации. Так, газета «Рабочий край» (от 13 февраля 1921 г.) информировала читателей, что 10 февраля 1921 г. в клубе коммунистов состоялась Иваново-Вознесенская уездная конференция РКП(б). На ней присутствовало 143 делегата. В повестке собрания центральное место занимал вопрос о профсоюзах. Основным докладчиком выступал тов. Иванов. Он отстаивал ленинскую платформу. Его содокладчиками были С. К. Климохин (платформа Л. Д. Троцкого) и А. С. Киселев (платформа А. Г. Шляпникова). Итоги голосования: платформа В. И. Ленина набрала 105 голосов, платформа Л. Д. Троцкого — 16 голосов и платформа А. С. Киселева — 7 голосов. На конференции были проведены перевыборы партийного актива уезда. Новым секретарем уездного комитета партии стал М. Чернов. Собрание выделило из своего состава группу делегатов на XIII губернскую партийную конференцию, всего 59 человек, в том числе сторонников платформы В. И. Ленина — 50, платформы Л. Д. Троцкого — 7, платформы А. Г. Шляпникова — 2 человека. Заметим также, что делегация Иваново-Вознесенского уезда по численности составляла 50 % всех делегатов губернской партконференции, участвовавших в голосовании по вопросу о профсоюзах. Любопытно то, что в номере газеты «Рабочий край» за 13 февраля 1921 г. наряду с информацией о работе уездной конференции большевиков 10 февраля было помещено объявление о том, что назначенный на 13 февраля в театре при Иваново-Вознесенской мануфактуре доклад А. С. Киселева отложен на неопределенное время. И подпись: «Горком РКП(б)».

На XIII губернской партийной конференции, состоявшейся 15—18 февраля 1921 г., платформу В. И. Ленина отстаивали новый руководитель иваново-вознесенской уездной партийной организации М. Чернов и председатель губернского совета профессиональных союзов (ГСПС) Н. Н. Евреинов. Идеи А. Г. Шляпникова и Л. Д. Троцкого защищали соответственно А. С. Киселев и С. К. Климохин. Итог прений подвело голосование: за «платформу десяти» (В. И. Ленин и др.) было подано 99 голосов, за «платформу Л. Д. Троцкого» — 12 голосов, за «платформу А. Г. Шляпникова» — 7 голосов. Заметим, что голоса иваново-вознесенской уездной парторганизации дали платформе В. И. Ленина более 50 % голосов ее сторонников¹¹.

Невольно возникает вопрос: почему руководитель иваново-вознесенских профсоюзов Н. Н. Евреинов солидаризировался с «платформой десяти»? Нельзя объяснять его позицию только тем, что в нем была сильна привычка чинопочитания, выработанная за 1918—1920 гг. на должностях члена коллегии отдела финансов Московского губернского Совета рабочих депутатов и члена Президиума Московского ГСНХ. Нам представляется, что на его позицию оказал воздействие ряд обстоятельств: а) очевидное давление по партийной линии со стороны городского и уездного комитетов партии

(вспомним хотя бы инцидент с А. С. Киселевым 13 февраля 1921 г.); б) возможно, профсоюзный лидер получал недвусмысленные намеки о прекращении государственной поддержки по линии ударкома, что грозило остановкой фабрик и нарастанием социальной напряженности в рабочей среде; в) на него, несомненно, оказала воздействие волна трудовых конфликтов между рабочими и администрацией ударных предприятий (январь — февраль 1921 г.), которую удалось локализовать не без помощи партийных и советских структур; г) инстинкт самосохранения: его непосредственный начальник — М. П. Томский, председатель ВЦСПС — тогда был сторонником «платформы десяти». Одним словом, Н. Н. Евреинов и другие профбоссы заняли прагматическую позицию, действовали наверняка, голосуя за ленинскую концепцию профсоюзов как «приводных ремней» партии к рабочим массам.

Изучая материалы газеты «Рабочий край» накануне и в дни работы XIII губернской партийной конференции, приходишь к убеждению, что вопрос о профсоюзах в пользу «платформы десяти» был предрешен уже 27 января — 10 февраля 1921 г. В этих условиях представители иных платформ пытались на состоявшейся вскоре губернской партконференции перевести дискуссию в плоскость вопроса о перестройке партийного аппарата, его роли в жизни партийной и беспартийной массы (в частности, и членов профессиональных союзов). Именно по указанному вопросу разгорелись страсти на губернском партийном форуме, именно данный вопрос отнял львиную долю времени и сил у его делегатов. Напомним, что конференция шла с 15 по 18 февраля 1921 г., то есть 4 дня.

Основным докладчиком по вопросу партийного строительства выступал В. А. Тер-Ваганян (член ВЦИК и Моссовета). Он подчеркнул, что в текущий момент в республике нет войны, но нет и мира. В связи с этим принцип революционной целесообразности до сих пор актуален, военные методы управления важны, в частности принцип «назначенчества» (кооптация). В то же время он признал, что военные методы породили в повседневной жизни партии ряд извращений, вследствие чего на местах наблюдается идейный разброд, со всей неприглядностью высвечиваются вопросы отстраненности «верхов» от «низов», взаимоотношений партии и профсоюзов («дискуссия о профсоюзах»).

Докладчик резко выступил против утверждения «рабочей оппозиции» о том, что источником разброда стало проникновение в ряды партии мелкобуржуазных интеллигентских элементов. Так же негативно он высказался против предложения «рабочей оппозиции» о делении рабочих по стажу нахождения в партии как действенном инструменте оздоровления рядов пролетарской партии.

Содокладчиком на конференции выступил И. И. Коротков (представитель шуйской уездной партийной организации). Его речь сводилась к следующим положениям: а) на партийном форуме речь должна идти не о кризисе, а о болезни партии. Болезнь пришла вместе с процессом упрочения государственного аппарата советской власти, проникновением в партию мелкобуржуазных элементов, гражданской войной; б) нужна ставка на всю массу организации, а не на военные методы и так называемые переброски кадров с места на место. Переброски должны быть такими, чтобы товарищи излечивались в своей же организации от соприкосновения с массой. Причем вся организация должна принимать участие в обсуждении этих перебросок и мобилизаций; в) убрать метод назначенчества при занятии ответственных постов в партийных организациях; г) упростить государственный аппарат и законодательство, чтобы они были понятны простому человеку.

Особо подчеркивалось И. И. Коротковым, что эти положения были обсуждены и приняты в форме резолюции шуйской уездной партийной организации для их вынесения на рассмотрение губернской партийной конференцией.

Выступление сторонника «рабочей оппозиции» А. С. Киселева (председателя союза горнорабочих и члена комитета Замоскворецкого райкома партии) интересно тем, что оно почти полностью совпало с основными идеями речи И. И. Короткова. Так, в частности, и он говорил именно о болезни партии. Называл те же причины ее — засоренность мелкобуржуазными элементами, отсутствие свободы критики внутри партии. Докладчик подчеркивал, что именно эти тревожные симптомы побудили часть актива партии сформировать так называемую «рабочую оппозицию». Попутно отметим, что на губернской партийной конференции не было доклада, да и участников прений, от платформы Л. Д. Троцкого.

Прения были не менее жаркими, чем выступления докладчиков. Так, сторонники платформы В. И. Ленина — «московская команда» (В. Куйбышев, представитель ЦК РКП(б), А. К. Воронский, редактор московского журнала «Красная новь», бывший редактор газеты «Рабочий край» и член ВЦИК, Тер-Ваганян, член ВЦИК и Моссовета) — упорно отстаивали принцип революционной целесообразности в организации и деятельности партии, ибо, по их мнению, в стране сложилось тяжелое внутреннее и внешнее положение. Тер-Ваганян даже заявил, что «каждый революционер ничего не должен делать, что не соответствует революционной целесообразности». Участники дискуссии Глухов и Евсеев выступили в поддержку идей платформы «рабочей оппозиции». В итоге на голосование были вынесены губернской партийной конференцией три резолюции: от «рабочей оппозиции», от платформы В. И. Ленина и от шуйской уездной партийной организации (И. И. Коротков)¹².

В газете «Рабочий край» (23 февраля 1921 г.) была бегло описана суть резолюции «рабочей оппозиции». В частности, в ней содержались следующие предложения: свобода внутривнутрипартийной критики, уничтожение назначения, широкое привлечение рядовых масс к строительству аппарата, чистка партии от мелкобуржуазных элементов. Резолюция была поддержана лишь 15 делегатами конференции.

Резолюция Тер-Ваганяна (соавтор М. Чернов) состояла из 22 пунктов. По содержанию ее можно условно разделить на две части. Первая часть резолюции давала характеристику конкретных проявлений болезни, поразившей партию в годы гражданской войны. Причем она совпадала с решениями сентябрьской (1920 г.) Всероссийской партийной конференции: особое напряжение партийной жизни, понижение общего уровня сознательности членов партии, деление ее состава на «верхи» и «низы», уклонения к бюрократизму и военщине, обрастание аппарата привилегиями и др. В резолюции подчеркивалось, что в результате действия этих процессов наступил идейный кризис, выразившийся в разброде идей (дискуссия о профсоюзах). Признав факт доминирования военных методов во всех организациях (партия, советы, профсоюзы), автор вместе с тем заявлял, что без этого было нельзя удержать советскую власть (пункты 1—5).

Ключевую роль играл пункт 6 документа: **«Теперь в права вступают мирные методы, но не надо забывать, что все методы партийной работы всегда подчиняются требованиям революционной целесообразности»**. Это было переходное звено ко второй части резолюции.

Основные положения второй части резолюции: а) необходимость возврата к принципу выборности в первичных партийных организациях (ячейках), но и сохранение властного партийного центра. Это должно быть бесспорным для всех руководителей от съезда до съезда (пункт 7); б) вопросы общественного значения (по возможности) и текущие вопросы обсуждаются предварительно на широких собраниях членов организации и проводятся через них. Высшие партийные органы подотчетны конференциям и собраниям членов РКП(б) (пункт 8); в) все партийные организации автономны в решении местных вопросов; г) полная свобода обсуждения принципиальных и практических вопросов на конференциях и собраниях. Свобода критики деятельности советских учреждений и партийных органов; д) решения большинства обязательны для меньшинства, но меньшинство имеет право обжаловать их в вышестоящие организации, не приостанавливая действие принятых решений; е) необходимость установления правильных взаимоотношений партии с советами и профсоюзами: избегать мелочной опеки, ненужного вмешательства, контроль и проведение линии партии через соответствующие фракции; ж) чистка партии от случайных элементов, облегчение вступления в нее представителей пролетариата; з) выезды членов губкома на уездные конференции и совещания, отчеты на общих собраниях организаций и крупных ячеек не реже одного раза в месяц; и) выборность всех органов снизу доверху. Назначения признать нежелательными, практиковать их лишь в исключительных случаях; к) в центре и на местах необходимо систематически смещать ответственных работников с занимаемых ими должностей. В частности, широко применять систему перемещения местных ответственных работников к станку и «с низов выдвигать работников свежих и выдающихся»; л) не ослаблять дисциплину в партийных рядах; м) необходимость строжайшей централизации и дисциплины внутри политической партии пролетариата; н) обратить особое внимание на фабрично-заводские ячейки, укреплять их наиболее опытными партийными работниками.

Как видим, в целом ряде пунктов названный документ смыкался с резолюцией «рабочей оппозиции». Но это был взгляд «сверху»: мнение ответственных работников партийного аппарата. Резолюция Тер-Ваганяна и М. Чернова получила 51 голос на губернской партийной конференции¹³.

Перейдем к резолюции о партийном строительстве И. И. Короткова. В силу уникальности документа постараемся дать подробное его изложение. По содержанию резолюцию можно разделить на две части. Первая часть также констатирует проявления болезни партии, но под углом зрения местных партийных организаций (взгляд «снизу»). Этому были посвящены пункты 2—4 документа шуйской уездной партийной организации: «2. Низость общего уровня политической сознательности и тактической приспособленности и выучки не могла способствовать пролетариату организовать политически управление и руководство социалистическим хозяйством, вызвала необходимость опираться на тонкий слой имеющих в распоряжении партии работников. 3. Вследствие этого внутри партии образовался слой особо незаменимых работников, постепенно они стали считать свое положение “законным” и пользоваться всеми привилегиями и положением в партии. Этому способствовал и приток менее замеченных в коммунистическом духе новых коммунистов. 4. Безграничный централизм, назначенчество и ответственность перед комитетами, а не организациями — создали слой товарищей бюрократившихся, отсюда “верхи” и “низы”...»¹⁴.

Во второй части документа предлагались меры по оздоровлению внутривнутрипартийной жизни: «6. ...широкое развитие демократизма внутри партии и принципа централизма, обеспечивающего руководство государственным аппаратом со стороны партийных рабочих организаций. 7. Широкий контроль и критика деятельности избранных органов и работников, отчетность их и зависимость от коллективной мысли и воли местных организаций, в первую очередь, — и только в порядке координации действий организации в целом и партийного надзора вышестоящего избранного исполнительного органа, во вторую очередь. 8. Все вопросы, имеющие общее руководящее значение, и наиболее важные вопросы текущей жизни обсуждаются предварительно на широких собраниях местных организаций и проводятся в жизнь через них. Безусловная подотчетность высших партийных органов перед партийными конференциями и собраниями. 9. Все организации автономны в местных своих делах. 10. Полная свобода обсуждения всех принципиальных вопросов и широкое право критики. 11. Суровая и последовательная очистка партии. 12. Прием нерабочих элементов в партию: публикация в газетах фамилий за две недели до приема их ячейкой или заручиться одобрением сочувствующих Советской власти известных партии добросовестных рабочих. 13. Порицание метода переброски — метод, способствующий угодничеству не справившихся с партийными поручениями. Замена его судом партии и установлением ответственности. 14. Немедленно исключить из партии и сместить с должностей членов партии, нарушающих постановления и декреты в интересах рабочего класса и беднейшего крестьянства. 15. Уничтожение метода назначенчества и кооптации. 16. Уничтожение персональных назначений ответственных работников из местных организаций и принятие нарядов на организацию с ответственностью последней за исполнение наряда. 17. Персональная и коллективная ответственность всех членов партийной организации, фракций в государственных учреждениях. 18. Уничтожение формализма и широкая самостоятельность рядовых членов парторганизаций. 19. Широкий допуск рабочих и крестьян к знаниям, их привлечение к управлению государством. 20. Приспособление форм всего законодательства к форме доступной для овладения его рабочим и улучшение организационных форм, доступных в смысле руководства учреждением рядовому рабочему. 21. Установление периодической отчетности ЦК на губернских, губкома — на уездных конференциях и укомов — на собраниях ячеек. 22. Созыв регулярных совещаний ЦК представителями губкомов и последних с представления укомов»¹⁵.

Как видим, акцент в резолюции И. И. Короткова был сделан на критике «незаменимых» работников в аппарате партии, породивших безграничный централизм, бюрократизм и назначенчество. Им была обязана партия идейным разбродом, распадом на «верхи» и «низы». Интересна сама по себе предлагаемая шуйской уездной партийной организацией технология оздоровления партийных структур всех уровней: демократизм обсуждения и принятия решений первичными парторганизациями, их высшая полномочность по сравнению с вышестоящими инстанциями. «Верхи» теперь ограничиваются ролью координатора действий местных структур. Это не что иное, как синдикалистский подход рабочего ядра местных парторганизаций к перестройке структуры и функций партийного аппарата. Оригинально дана в этом же ракурсе интерпретация принципа централизма в партии — как гарантия руководства государственным аппаратом со стороны партийных рабочих

организаций. Под чисткой партии от так называемых незаменимых работников подразумевалось «орабочение» партийных организаций и их исполнительных структур по социальному составу, структуре, законодательству, принципам и методам деятельности.

Так что можно говорить о попытке сторонников данной резолюции трансформировать идеи дискуссии о профсоюзах и приложить их к аппарату самой правящей партии. В частности, высказывания В. И. Ленина о профсоюзах как «приводных ремнях» от партии к трудящимся теперь можно было использовать как подтверждение идеи о партийном аппарате как «приводном ремне» для автономных местных партийных организаций.

Резолюция И. И. Короткова получила наибольшее число голосов делегатов губернской партийной конференции — 54. Можно предположить, что шуйская делегация не ожидала такой поддержки от делегатов губернской партконференции. Перевес данной резолюции, вероятно, был обеспечен голосами сторонников «рабочей оппозиции». Не ожидали такого исхода и делегаты, голосовавшие за резолюцию Тер-Ваганяна и М. Чернова. Об этом косвенно говорит тот факт, что после голосования делегаты прямо на конференции стали обсуждать предлагаемые А. С. Киселевым поправки к итоговому документу, причем часть их приняли. Сторонникам резолюции Тер-Ваганяна и М. Чернова удалось добиться лишь решения о последующем редактировании текстов обсуждавшихся резолюций в президиуме губернской конференции¹⁶.

Период между XIII и XIV губернскими партийными конференциями характеризовался мобилизационными мерами организационного и идейного порядка в парторганизациях региона. К этому принуждал ряд обстоятельств: а) принятая XIII губернской партконференцией резолюция о перестройке партии в мирных условиях. Она не совпадала с позицией руководства РКП(б) («платформа десяти») и последующими решениями X съезда партии (8—16 марта 1921 г.); б) кронштадтские события, всколыхнувшие рабочую массу ряда фабрик Кинешемского, Вичугского и других районов губернии. Коллективы данных предприятий отказывались работать, выдвигали перед администрацией различные требования. Лишь мобилизация всех сил позволила профсоюзам сбить эту волну недовольства пролетариата; в) продовольственные трудности, снижавшие и без того мизерную реальную зарплату рабочих региона (в январе — июне 1921 г. она составляла в среднем 23 % от прожиточного минимума, а в июле — даже 7 %). И вновь пришлось партийно-государственному аппарату задействовать «приводные ремни» (местные профсоюзы); г) введение военного положения на территории губернии, что реанимировало военные методы управления при решении первоочередных задач: проводились мобилизации коммунистов для подавления Кронштадтского восстания (70 человек), «антоновщины» (11 человек), укрепления структур ВЧК. Возобновились «переброски» кадров из уездов и губернии в другие регионы. Это вызывало недовольство на местах, в частности в шуйской уездной партийной организации; д) смена партийного и советского руководства губернией. Так, в марте 1921 г. секретарь губкома РКП(б) О. А. Варенцова была отозвана в Москву и направлена в Севастопольский городской комитет партии для руководства женотделом. Вместо нее был назначен на должность руководителя губернской парторганизации В. С. Калашников, ради этого отозванный ЦК РКП(б) с Южного фронта. В марте же 1921 г. был отозван в распоряжение ЦК РКП(б) и председатель губисполкома Г. К. Королев. Его место занял С. К. Климохин. Но в июле 1921 г. и он был отозван на хозяйственную долж-

ность в г. Москву. Решением ЦК РКП(б) на должность руководителя губернского советского аппарата был назначен Н. Н. Колотилов, ради этого отозванный с поста председателя Гомельского губернского исполкома. Центр сознательно усиливал руководство иваново-вознесенской парторганизации и советского аппарата за счет лиц, образцово зарекомендовавших себя работой в прифронтовых зонах. Именно там требовалось умение использовать в первую очередь военные методы управления, придерживаться в работе принципа революционной целесообразности. Озабоченность ЦК РКП(б) положением дел в иваново-вознесенской губернской партийной организации подчеркивает и тот факт, что на X съезде РКП(б), видимо, не без подсказки центра, не было секретаря иваново-вознесенского губкома партии (ни О. А. Варенцовой, ни В. С. Калашникова). Зато на съезде присутствовал с правом решающего голоса М. Чернов, только что избранный XIII губернской партконференцией на должность ответственного секретаря губкома. Эта должность была скорее технической, но выбор был не случайным. Именно М. Чернов был одним из наиболее рьяных сторонников «платформы десяти» и резолюции о партийном строительстве (соавтором резолюции Тер-Ваганяна).

Что конкретно было предпринято губернским комитетом РКП(б) (секретарь — В. С. Калашников) для подравнивания идейной позиции местных коммунистов к генеральной линии партии (решениям X съезда РКП(б))? Обратимся к отчетному докладу М. Чернова на XIV губернской партийной конференции (июль 1921 г.). В нем он признал, что делегаты предыдущей партконференции приняли резолюцию шуйской парторганизации. Но она принципиально расходится с генеральной линией партии в вопросе о партийном строительстве. Докладчик объяснял это тем, что иваново-вознесенские коммунисты не учли общей обстановки в республике и того, что «вместо старого врага выступил новый, мелкий буржуа»¹⁷. Губком же руководствовался директивами X съезда РКП(б). Его положение осложнялось тем, что указанный съезд не конкретизировал свои решения. Своими силами партийный аппарат губернии с этой задачей не справился по причине «консерватизма и робости мысли». Докладчик условно подразделил деятельность губернского комитета партии на два этапа: а) до выхода брошюры В. И. Ленина «О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия» (21 апреля 1921 г.). На данном этапе губком вел информационно-организационную деятельность в уездных и первичных парторганизациях. Ее суть сводилась к пропаганде идей В. И. Ленина и решений X съезда партии; б) после выхода вышеуказанной брошюры В. И. Ленина. Здесь с помощью центра шла работа по конкретизации задач и перестройке рабочего аппарата губкома партии. Так, вместо упраздненного института уездных и волостных организаторов губернского комитета начал формироваться институт инструкторов для связи с первичными парторганизациями. Сдерживающим моментом здесь был дефицит подготовленных кадров. Проводилась переброска некоторых работников. При этом М. Чернов отметил, что «особых протестов не было, за исключением г. Шуи». Осуществлялись переброски кадров и за пределы губернии. В регионе шли и кампании по перевыборам депутатов городских советов. Их результаты, по мнению докладчика, показали, что «население доверяет нам, не видит другой силы, кроме нас»¹⁸. Преодолено недоверие крестьянства и рабочих к советской власти. В докладе губкома особо подчеркивалось, что «идеи брошюры В. И. Ленина усвоило большинство партийцев. Уездные конференции свидетельствуют, что лишь отдельные лица остались на прежних позициях»¹⁹.

На XIV губернской партийной конференции была принята по докладу М. Чернова резолюция о профсоюзах. Ее основные положения: а) оживление деятельности профсоюзов в регионе в результате укрепления их кадрами; б) перенесение центра тяжести их работы с центра на места (до первичных ячеек); в) вынесение на представительные собрания обсуждения вопросов, способов их разрешения, вплоть до организационной структуры аппарата; г) контроль партии над профсоюзами через партийные фракции в них; д) акцентирование внимания профсоюзов на задачах пуска фабрик, культурно-просветительной работе среди трудящихся, улучшении быта рабочих (жилье, электрификация, коллективные огороды и т. д.).

Одним словом, лейтмотивом доклада М. Чернова было то, что губернская парторганизация вышла из кризиса и знаковую роль в «исцелении» коммунистов на местах сыграл центр (съезд, ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин). На наш взгляд, это был слишком оптимистичный вывод. Да, процесс подравнивания идейной платформы губернской парторганизации под решения X съезда РКП(б) прошел переломную стадию, но не завершился окончательно. Об этом свидетельствует даже сам доклад М. Чернова. Он признает, что до сих пор не завершилась перестройка партийного аппарата, то есть не была снята проблема «верхов» и «низов». Его тревожила тенденция обращения рабочих через головы своих партийных ячеек в вышестоящие инстанции. Он невольно констатирует, что процесс «переброски» кадров шел с большими издержками (его выражение — «особых протестов не было»). Более того, этот процесс скорее напоминал метод сведения счетов с неудобными членами партии. О бюрократическом подходе к переброскам работников свидетельствовал факт, упомянутый в докладе: 18 ответственных работников были отправлены на Куваевскую мануфактуру для работы на станках, но... фабрика остановилась. М. Чернов сожалел по этому поводу: «...опыта мы не получили»²⁰. Возникает вопрос: а хотели ли? Еще одним косвенным свидетельством нами сказанного является факт подготовительных мер в недрах губкома для готовившейся чистки партийных рядов губернии. Кстати, она началась почти сразу после окончания XIV губернской партконференции, в августе 1921 г.

О чем говорили события в первичных парторганизациях и принимаемые на губернских партийных форумах резолюции указанного нами периода? Иваново-вознесенская партийная организация на рубеже 1920/21 гг. имела свое весьма красноречивое и весомое видение разрешения дискуссии о профсоюзах и партийном строительстве. Это была платформа первичных партийных организаций, нацеленная на возвращение в партию первоначальных традиций и принципов внутрипартийной жизни дореволюционного периода (демократизм в организации и деятельности ячеек, сотрудничество, взаимная поддержка, товарищеский дух, честность, принципиальность и чистота идеи борьбы за свободу, справедливость и равенство). Но эти устремления были обречены изначально: партийный аппарат, воспринявший по-своему идеи В. И. Ленина о новой политике в мирных условиях, бескомпромиссно и хлестко перебил чаяния рядовой массы партийцев, приковав их прочно резолюциями X съезда РКП(б) к генеральной линии руководства ЦК РКП(б).

Примечания

¹ Рабочий край. 1921. 7 нояб.

² Там же.

³ Там же. 1988. 5 июня.

- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. 15 июня.
- ⁷ Там же. 1921. 15, 27, 29 янв.
- ⁸ Там же. 16 июля.
- ⁹ Там же. 29 янв.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. 22 февр.
- ¹² Там же. 23 февр., 1 марта.
- ¹³ Там же. 25 февр.
- ¹⁴ Там же. 1 марта.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. 23 февр.
- ¹⁷ Там же. 2 авг.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.

ББК 63.3(2)613-7

А. Г. Горюнова

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В БОРЬБЕ ЗА ГРАМОТНОСТЬ ЖЕНЩИН В 1920-е ГОДЫ В РЕГИОНЕ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Статья посвящена ликвидации неграмотности среди женщин после установления советской власти в нашей стране. Она раскрывает пути и методы работы в этом направлении и определенные успехи, достигнутые в 1920-е годы. Показаны некоторые факторы, не позволившие завершить эту работу столь быстро, как предполагалось.

Ключевые слова: Советское государство, общественность, ликвидация неграмотности, женщины.

The article is devoted to elimination of women's illiteracy after establishing of Soviet power in our country. It shows some ways and methods of working in that direction and certain achievements made in the 1920s. However, it also shows some factors which didn't let that work be finished as fast as it had been supposed.

Key words: Soviet state, society, campaign against illiteracy, women.

Ликвидация неграмотности — массовое обучение неграмотных взрослых, а также подростков школьного возраста, не охваченных школой. После Октябрьской революции 1917 года в России борьба за всеобщую грамотность стала одной из решающих предпосылок коренных преобразований общественных отношений, народного хозяйства, культуры. Начало борьбы с неграмотностью в нашей стране было положено декретом Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 года [5]. Для упорядочения работы по ликвидации безграмотности 19 июля 1920 г. при Наркомпросе была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Впоследствии такие комиссии (грамчека) были созданы и на местах [1].

© Горюнова А. Г., 2012

Конечной целью борьбы с неграмотностью провозглашалось приобщение рабочего и крестьянина к задачам социалистического строительства. К началу 50-х годов СССР стал страной практически сплошной грамотности. Но проблема борьбы с неграмотностью актуальна и сегодня. Осмысление опыта Советского государства в деле борьбы с неграмотностью — весьма важная и злободневная проблема в отечественной историографии.

В начале 1920-х годов работа по ликвидации неграмотности в стране шла неоднозначно, переживая подъемы и спады. Начавшись с ликвидации неграмотности в рядах красноармейцев, она затем охватила и остальные категории населения. Кампания развивалась одновременно по нескольким направлениям: создание аппарата руководства ликбезом в центре и на местах, начало массовой агитации среди населения за борьбу с неграмотностью, разработка букварей и методики обучения, организация сети пунктов ликвидации неграмотности (ликпунктов) и подготовка учителей — ликвидаторов неграмотности. Переход к нэпу в этот период значительно сократил средства, выделяемые государством на просвещение, что затрудняло проведение ликбеза.

Около 80 % неграмотных составляли женщины, причем главным образом замужние [3, л. 36]. Основной задачей стала массовая агитация среди женщин за необходимость обучения на ликпункте. В первую очередь это относилось к деревне, поскольку в общем количестве неграмотных крестьяне составляли подавляющее большинство, в губерниях Верхнего Поволжья — в среднем 80 % [10]. Это были люди, занимавшие большую часть времени хозяйством и к тому же обремененные семьей, прежде всего женщины-крестьянки.

Основным способом агитации крестьянок за обучение грамоте были собрания в избах-читальнях и клубах, на которых ставились вопросы о ликвидации неграмотности. Агитационные мероприятия — беседы, подготовка докладов и стенгазет по вопросам ликбеза — приурочивались и к праздникам, в частности к Международному дню работницы. Широко практиковалась постановка пьес с соответствующими названиями («Грамотница» и др.) [2, л. 36].

Добиться того, чтобы неграмотная крестьянка пошла обучаться на ликпункт, было весьма трудно. Вот что вспоминал один из активистов кампании ликбеза в Костромской губернии о работе с крестьянками на ликпункте в селе Сухорукове Андреевской волости Костромского уезда: «Сборная изба в с. Сухорукове быстро наполняется крестьянами. Прибыли представители ВИКа (волостного исполнительного комитета. — А. Г.) с разъяснениями о налогах и докладом о ликвидации неграмотности. Вопрос с налогами проходит деловито и довольно быстро. Но когда вопрос переходит к ликвидации неграмотности, в сборной сразу поднимается невообразимый шум. К столу выступает целый ряд крестьянок: пожилых, девушек и подростков. У одной — беспросветная бедность, у другой — не в чем в школу ходить, у третьей — куча ребят». После этого выступил один из представителей ВИКа, говоря о вековом рабстве в прошлом, о крестьянской темноте. В конце своего выступления он поставил перед собравшимися крестьянками вопрос: хотят ли они по-прежнему оставаться в темноте и невежестве или хотят идти к свету и новой, лучшей жизни? Убеждение действовало, но не на всех: «На более молодых лицах явилось сначала колебание, потом выражение интереса и оживления. Только старушечьи лица не утратили своей озабоченности» [8, с. 132—133].

Большие трудности в проведении ликбеза возникли и на текстильных фабриках, в основном в связи с постоянным притоком новых рабочих из деревни. Они оказывались наиболее отсталыми, и привлечь их на ликпункты

было весьма трудно. На ряде фабрик большинство неграмотных составляли приезжавшие из деревень девушки. Получая очень небольшое жалованье, они «берегли деньги на наряды» и в свободное время сидели с детьми знакомых работниц, за что получали бесплатное питание и угол. Дополнительно работая, они не могли пойти учиться [6].

С 1924 года к работе по ликбезу была привлечена советская общественность в лице Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность» (ОДН), созданного осенью 1923 года. Отделы работниц и крестьянок стали включать деятельность ОДН в общий план своей работы и выделять для нее своих представителей.

В уездах Иваново-Вознесенской губернии стало практиковаться культурное шефство профсоюзных ячеек ОДН над сельскими ликпунктами. В частности, 10 января 1925 года состоялось принятие шефства ячейкой ОДН клуба текстильщиков над ликпунктом деревни Сметанки Шуйского уезда. В этот день работники текстильной промышленности, обучившиеся грамоте, выступили с призывом к женщинам-крестьянкам сбросить наследие прошлого — безграмотность.

Остро стоял вопрос о методах вовлечения неграмотных в школы. Во Владимирской губернии поиски в этом направлении позволили установить, что наиболее подходящий метод — материальная заинтересованность учащихся, и наиболее оптимальным вариантом было признано премирование. Так, в Ковровском уезде Владимирской губернии одна из учительниц привлекла к обучению пять неграмотных женщин в возрасте от 27 до 40 лет, обремененных семьями, благодаря проведению уроков рукоделия. Четверо из них, представленные на премию, научились (в зависимости от способностей) читать, писать, считать в уме, стали проявлять интерес к общественной жизни и намеревались продолжать учиться и в дальнейшем [7].

То, как менялось отношение неграмотного крестьянства к обучению, видно на примере воспоминаний деятелей ликбеза и учеников ликпунктов. Отношение самих неграмотных взрослых к обучению на ликпунктах хорошо передано в письме одного из учеников группы неграмотных при 10-й школе первой ступени Иваново-Вознесенска И. Цыбина. Письмо содержалось в статье «Все на борьбу с темнотой», которая была опубликована в единственном выпуске газеты «За грамоту», изданном губполитпросветом и губернским обществом «Долой неграмотность» с целью агитации населения за вступление в ОДН. И. Цыбин пишет: «Трудно назвать неграмотных взрослых в школу. Не верят, что могут научиться грамоте» [4]. Но были и другие случаи — когда неграмотные взрослые, даже женщины, обремененные домашними заботами, осознавали необходимость обучения и шли в ликпункт. Вот слова одной из работниц: «Две недели не стирала белья. Учиться — так учиться. Хорошо, что муж не ругает. Он ведь тоже учится. Вот будем оба грамотные, тогда и перевернем всю свою жизнь по-новому. Заживем...» «Очень плохо темной неграмотной жить, — говорила другая работница, ученица группы ликвидации неграмотности П. Крылова. — Я все говорю новому времени спасибо, что вложили и нам сорокалетним немножко света. Хорошо, хоть на старости лет стало посветлее жить» [4].

Треть мужского и более половины женского населения губерний Верхнего Поволжья во второй половине 1920-х годов оставались неграмотными. Еще очень высоким был процент неграмотных среди женщин, особенно в деревне. Проблема привлечения женщины-крестьянки на ликпункт, несмотря

на всевозможные постановления и предпринимаемые меры, была далеко не решена. Во-первых, потому, что женщины составляли большинство неграмотных; во-вторых, женщины были привязаны к дому, они были значительно меньше, чем мужчины, втянуты в общественную жизнь. Кроме этого, женщина, желавшая ликвидировать собственную неграмотность, зачастую не находила поддержки со стороны своей семьи и односельчан. Вследствие этого посещаемость ликпунктов нередко была очень низкой, иногда достигая лишь половины от числа записавшихся. Однако часто женщины, обремененные домашними заботами, осознавали необходимость обучения и шли в ликпункт. Многие матери приходили на занятия с детьми, которых не с кем было оставить дома.

По региону Верхней Волги минимальный разрыв в уровне грамотности мужского и женского населения к 1926 году был в Ярославской губернии, где среди мужчин к этому времени грамотными были примерно 69 %, а среди женщин — 54 %. Во Владимирской (66 % грамотных среди мужчин и 46 % — среди женщин) и Иваново-Вознесенской (также 66 % и 46 %) губерниях различие в уровне грамотности было еще очень велико. И все-таки в целом по РСФСР это различие было еще выше: на 77 % грамотных мужчин приходилось 46 % грамотных женщин. Мнение политпросветработников в центре о возможности закончить ликбез в наиболее развитых губерниях, в том числе в регионе Верхней Волги, не соответствовало реальным возможностям губернских грамотных и политпросветов [2, с. 32—33; 11, с. 271].

К концу 1920-х годов работа по ликвидации неграмотности еще только набирала темпы. Но 1920-е годы стали важным этапом в развитии кампании ликбеза. При многих фабриках региона в этот период открылись ликпункты, которые работали и в дальнейшем. В губерниях Верхней Волги деятельность по ликбезу заметно повлияла на судьбу некоторых женщин, дав им возможность продвигаться на общественную работу, обучаться в рабочих университетах.

Чтобы оценить успешность деятельности, которая проводилась на этом этапе, стоит рассмотреть последующую судьбу человека, обученного грамоте. Обратимся к опубликованным воспоминаниям самих учеников одного из фабричных ликпунктов. Надежда Алексеевна Загарова была одной из учениц школы ликбеза Юрьеveckой льнопрядильной фабрики. Она пришла на фабрику в 16 лет, не умея читать и писать. По прошествии почти полувека она рассказывала: «С огромным желанием мы шли в школу ликбеза, которая была открыта по инициативе партийной ячейки. Учились вечерами в фабричной конторе. Многие матери приходили на занятия с ребятами: их не с кем было оставить дома. Но у всех было страстное желание научиться грамоте: без этого нельзя было строить новую жизнь». Впоследствии у Н. Загаровой старшая дочь получила среднее образование, а младшая стала инженером. Многие выпускницы ликпунктов обучались затем в школах рабочей молодежи. Н. Голикова, заведующая учебной частью Юрьеveckой школы рабочей молодежи, писала в 1977 году: «Через ликбезы пролегла жизненная колея многих прядильщиц-стахановок». В частности, Варвара Сахарова возглавила фабричный комитет профсоюза, Анну Гришину перевели на партийную работу в Юрьеveckий райком партии [9].

В Костромской губернии деятельность по ликбезу заметно отразилась на хозяйстве и быте населения. Так, одна из первых учениц города Костромы М. Г. Грибкова через ликпункт и школу малограмотных продвинулась на общественную работу, став делегаткой профсоюза, председателем производ-

ственной комиссии на своей фабрике и вступив в ВКП(б). Впоследствии она стала обучаться в вечернем рабочем университете. В Великовском районе Вершковской волости Солигаличского уезда крестьянки Лощева и Завьялова, пройдя через ликпункт, также взялись за общественную работу. Лощеву избрали в члены сельсовета, и к 1927 году она уже возглавляла работу среди женщин, вступила в ВКП(б). Завьялова стала председателем сельского комитета крестьянской взаимопомощи, местное крестьянство выдвинуло ее на должность приказчика в Единое потребительское общество (ЕПО). Крестьянка из Нерехтского уезда С. Субботина также вступила в ВКП(б).

Хотя к 1927 году политико-просветительные органы и ОДН не выполнили возложенной на них задачи, но период 1923—1927 годов составил начальный, очень важный этап в развитии кампании ликбеза и дал немалые результаты, в том числе в работе среди женщин. Так, при многих фабриках в этот период были созданы ликпункты, которые работали и в дальнейшем.

Библиографический список

1. *Аракелова М. П.* Ликвидация неграмотности среди женщин в первой половине 1920-х годов // Социол. исслед. 1994. № 3. С. 75—78.
2. *Борисов А. В.* Деятельность местных Советов по ликвидации неграмотности среди крестьянства в реконструктивный период // Крестьянство Центрального промышленного района. Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1984. С. 30—44.
3. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 885.
4. За грамоту : изд. Иваново-Вознесенского Губполитпросвета и губернского общества «Долой неграмотность». Иваново-Вознесенск, 1924.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917—1973 гг. М. : Педагогика, 1974. 559 с.
6. Приволжская правда. 1927. 2 апр.
7. *Прозорова Н. А.* О ликвидации безграмотности в Ковровском уезде в 20-х гг. XX века // Российская провинция: история, традиции, современность : материалы конф. Ковров : Маштекс, 2008. С. 140—148. (Рождественский сб. ; вып. 15).
8. Пять лет борьбы с неграмотностью / Всерос. чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности при Главполитпросвете. М., 1926. 116 с.
9. Рабочий край. 1977. 4 сент.
10. Серп и молот. 1924. 20 сент.
11. Страна Советов за 50 лет. : сб. стат. материалов. М. : Статистика, 1967. 348 с.

ЯЗЫК КАК СТРУКТУРА, ПРОЦЕСС И ПЕРЕЖИВАНИЕ В ТЕОРИИ ЮДЖИНА Т. ДЖЕНДЛИНА

Рассматривается новая экзистенциальная теория философа, психолога и психотерапевта Юджина Джендлина. Обсуждаются новые идеи, целостно соединяющие структурное и процессуальное, объективное и субъективное, тело, чувства, поведение, контекст, а также развитие речи у детей.

Ключевые слова: язык, смысл, процесс, переживание, телесно чувствуемое значение, генезис развития смысла, процессуальная целостная модель речи Джендлина, контекст, ступени развития знаковости. протоязык ребенка.

New existential approach to speech is proposed by E. Gendlin — a famous philosopher, psychotherapist and psychologist. New ideas connecting as a whole structural and process language characteristics, the body, feelings, behavior and context are discussed. Early child speech development is also implicated.

Key words: language, felt meaning, process, experiencing, body felt meaning, meaning development genesis, Gendlin speech process model, context, sign development, child protolanguage.

Начиная с Фердинанда де Соссюра в лингвистике существует противоречие между рассмотрением языка как системы и как изменяющегося процесса (структурный и антропоцентрический подходы к анализу функционирования языка). Однако до исследований Юджина Джендлина [9, 10, 12] речь не рассматривалась как целостный процесс, захватывающий не только сознание, но и неосознаваемое, не только мозговые, но и телесные механизмы, не только структуру, но и процесс. Дэвид Левин, редактор коллективной монографии, посвященной обсуждению теории использования языка Ю. Джендлина, пишет, что «в результате многолетней работы Ю. Джендлин создал новую... теорию использования языка, равную по своей оригинальности, смелости и мощи теориям Гуссерля, Хайдеггера, Витгенштейна и Дерриды...» [13, р. 42] (здесь и далее перевод наш. — *Е. И.*).

Как философ и психотерапевт [11] Юджин Джендлин считает, что переживание (чувствуемое значение — *felt meaning*) является основной движущей силой в работе языка. В первом издании книги «Переживание и создание значения» [10] его теория противопоставлялась идеям логического позитивизма. Через тридцать лет в выступлениях и во многих статьях Джендлин противопоставил свою теорию идеям структурализма и постмодернизма [14, р. 1]. Джендлин считает, что язык несет с собой структуру и различия, но то, что говорится, превосходит их, играет много ролей вне этих структур и их различий. Каждый человек говорит, исходя из какой-то позиции, находящейся в жизни и ее ситуациях, что нарушает так называемую «объективность

описания» [9, р. 3]. Поэтому, полагает Джендлин, «необходимы новые способы, исходящие из опыта, связанного с такими понятиями, как “больше”, “практика”, “ситуации”, “ситуативность”, “мудрость”, “тело” и др., но это должно быть сделано совсем по-новому...» [Ibid.].

Его теория «чувствуемого значения» (felt meaning) опровергает положение о том, что различия в структурах и значениях определяют речь и действия. Он считает, что слова и фразы выделяются из переживаний и что слова очень подвижны и могут выражать различные новые значения и понятия. Джендлин использует философские идеи Дилтея, Хайдеггера и Витгенштейна, близкие к его взглядам и противоречащие той точке зрения, что опыт определяется языком [14].

Идеи Джендлина, указывает Полкингхоум [14, р. 2], разносторонне обсуждались в коллективной монографии «Язык за пределами постмодернизма», вышедшей в 1997 году. Джендлин рассматривает движение мысли в этой области начиная с работ Декарта, где слова создаются с помощью ассоциации чувственных данных и ясных отличных друг от друга представлений, до структурализма, экзистенциализма и постмодернизма. В структурализме особое внимание обращается на языковую систему, необходимую для языка и речи. Далее в герменевтике было показано, что слова и предметы не соотносятся прямо через концептуальные сети [14, р. 3]. Согласно Хайдеггеру понимание слова зависит от исторических и культурных традиций, от интерпретации. Джендлин обращает внимание на телесно чувствуемое значение (felt meaning), которое не было замечено эмпирической рациональной философией и представителями постструктурализма. В теории Джендлина «говорение — это деятельность, в которой возникают значения языка. Чтобы выразить чувствуемое значение, говорящие расширяют и увеличивают языковое поле с помощью метафор и слов, чувствительных к контексту...» [14, с. 4]. Рассмотрим более подробно идеи Джендлина относительно переживания, играющего ведущую роль в речи взрослых и в становлении речи у детей.

Переживание и творение смысла

Теория смысла Ю. Джендлина обретает свой смысл на фоне других подходов в исследовании смысла. Имеются разнообразные подходы к пониманию смысла, например, смысл понимается (в лингвистике) как содержание значения, которое слово получает в контексте употребления [1]. В работах Л. С. Выготского понятие смысла связывается с понятием переживания как единства личности и среды: «Переживание имеет биосоциальную ориентировку, оно есть что-то находящееся между личностью и средой, означающее отношение личности к среде, показывающее, чем данный момент среды является для личности» [2, с. 382—383].

На основе анализа определений смысла Д. А. Леонтьев выявил следующие внутренние и внешние детерминанты смысла, связанные с его источниками, ролью для субъекта, качествами, условиями и влияющими на него внешними факторами. Это связь со *значимостью для субъекта* определенных объектов и явлений, *индивидуальная неповторимость* смысла; обусловленность смысла его *местом в более широком контексте*; смысл как *отношение* между субъектом и миром, а также потребности, мотивы и интенции как *источники* смысла; *зависимость* смысла от *когнитивных процессов* переработки информации и построения образа мира; *обусловленность* смыслов уникальным *опытом* и биографией субъекта, *роль активности* субъекта в по-

рождении смысла, *социокультурная детерминация смыслов, роль обучения и самонаучения в порождении смыслов* [4, с. 77].

В отечественной психологии имела место полемика о том, что является первичным — смысл или деятельность, что, вероятно, свидетельствует о важности и взаимосвязи обеих категорий. Поскольку в теории переживания Ю. Джендлина рассматривается и онтогенез смысла, исследования онтогенеза также могут пролить свет на понимание природы смысла.

А. М. Лобок пишет о единственно возможном субъективном отношении младенца к миру, о смысле как форме мифологического освоения мира с помощью мифологических механизмов. Он выделяет этапы развития субъективности, осмысления субъектного мира у младенца. Первый этап развития субъективности (9—12 мес.) — *«знаково-меточная деятельность»*, «первичная персонификация». Предметы становятся лично узнаваемыми, младенец начинает узнавать их «в лицо» (цит. по: [4, с. 277]). Младенец выделяет и узнает игрушки, которыми играл накануне, с помощью эмоционально-знаковой памяти, фиксирующей связь между прошлыми переживаниями и предметами окружающей действительности. «...Когда ребенок играет со СВОЕЙ игрушкой — это имеет для него совершенно особое значение: он одновременно как бы играет с ее прошлым... со своей эмоциональной памятью, удерживаемой многочисленными следами прошлых событий» (цит. по: [4, с. 278], см. также [5, с. 446—447]).

Второй этап развития субъективности начинается в возрасте около полутора лет, когда ребенок, подражая, учится копировать образцы действий, наблюдая за действиями взрослых и их эмоциональными репликами. Это *возраст «магической утилитарности»*, *обрядово-магический*, деятельность ради нее самой, так как действия носят «характер священного ритуала» [4, с. 278; 5, с. 197, 471—472].

На третьем году жизни ребенок примеривается к культурной норме. Начиная диалог с культурой, он производит собственные, «авторские варианты нормы» ([6, с. 34], цит. по: [4, с. 279]). В работах В. С. Мухиной для выделения возрастных этапов используется понятие форм самосознания — ценностных ориентиров, образующих систему личностных смыслов, составляющих индивидуальное бытие личности [8]. Я-образ формируется у носителя определенного имени начиная с эмоционального отношения к людям, с изъяснения своей воли.

Согласно Д. А. Леонтьеву развитие личности в раннем онтогенезе нельзя понять, если не уделить должного внимания механизмам регуляции смысловой сферы, которая имеет несколько структурных линий развития: распространение процессов осмысления за пределы наличной непосредственной ситуации, то есть смещение эмоционального сопровождения деятельности от ее конца к началу. Также происходит прогрессирующее опосредование смысловой сферы социальными ценностями и их общностями, осознание и рефлексия смысловых ориентаций. С рождения удовлетворение потребностей и выработанная предрасположенность оказывают влияние на поведение младенца. С полутора лет начинается внедрение в сознание ребенка критериев и оценок согласно логике социальных норм. Таким образом, развитие смысла в младенческом и раннем возрасте рассматривается в связи с эмоциональностью, усвоением культуры и социальных ценностей, саморегуляцией [4, с. 183—190].

Есть ли другие способы рассмотрения проблемы смысла? Джендлин пишет, что сегодняшний выбор не состоит в том, чтобы потерять или логику, или науку, или их поддерживать, не обращая внимания на предпосылки [11, р. 5]. Он считает, что умирание постмодернизма начинается тогда, когда отрицается роль опыта (*experience*), потому что опыт не обладает чистотой, в нем всегда имплицитно уже есть концепты и различия, но в то же время нет чистой логики. Однако концепты и различия всегда работают в ситуациях: «Способности языка больше и они отличаются от понятий и их различий, а ситуации всегда шире, чем существующий язык». Джендлин считает, что понятийные структуры никогда не выступают отдельно. Имплицитно они неразрывно связаны с прошлым, чувствами, опытом, знаниями, включая генезис и социальный контекст, по-другому речевая система не работает, когда имеем дело со смыслом [12, р. 1, 6, 11, 13].

В работах Джендлина — философа, психолога, лингвиста и психотерапевта — с позиции феноменологии и экзистенциальной философии рассматривается целостное представление развития и функционирования речи. В его книге «Переживание и творение смысла» [10] обосновывается понятие телесно ощущаемого допонятийного смысла, не выражаемого с помощью символов. Значение в речи — это не просто отношение между словесными символами, символом и предметом или символом и восприятием. Значение переживается, оно не формально и не объективно.

Е. Мазур анализирует различные переводы понятия «*felt sense*» [7]. Это сочетание переводится по-разному, например как «*телесно ощущаемый смысл*» [4], «*чувствуемое ощущение*», «*чувствование ощущения*», «*телесно ощущаемое чувство*» [7]. Несмотря на эти разные определения, можно принять одно из них (данное Е. Мазур): «*внутреннее переживание, включающее в себя процесс осознания телесных ощущений и сопровождающих их чувств, смыслов*» [7, с. 20], хотя следует заметить, что осознание телесных ощущений не всегда имеет место.

Джендлин считает, что переживание и противопоставляется символизации, и связано с ней. Оно характеризуется как непосредственно ощущаемый «**допонятийный**» смысл, который можно назвать неполным без воплощения в символических формах. Смысл всегда включает в себя некоторые неявные аспекты, которые в данный момент не символизированы [10, р. 65]. Джендлин прослеживает функционирование непосредственно ощущаемых невербализованных смыслов в речи, мышлении, наблюдении, действии, в работе памяти и понимании. Он приходит к выводу о том, что решающими являются отношения между *вербально символизированным значением* (*meaning*) и *чувствуемым ощущением* (*felt sense*), из которого *рождается смысл* [10, р. 83—84]. В центре работы Джендлина — теоретический анализ различных видов функциональных отношений между символами и непосредственно ощущаемыми смыслами [10, р. 90—138].

Джендлин приводит слова Мерло-Понти (Merleau-Ponty) о дословесном существовании смысла. Он писал, что «эмоциональный смысл ведет нас в речи, когда мы знаем, что хотим сказать». Это подтверждает и Дж. Дьюи: «...гипотезы высказывают, когда мы чувствуем или ощущаем проблемы, — первая символизация, релевантное чувствуемое значение» (цит. по: [10, р. 46]). Наиболее смысл, переживание осознаются, когда наши символы не могут адекватно передать то, что мы имеем в виду; это чувство того, что мы собираемся что-то сказать [10, р. 64, 70].

Смысловое переживание всегда присутствует в познании, оно — присутствующая переживаемая параллель всех понятий, наблюдений, действий — того, что имеет смысл. Переживаемая часть смысла присутствует и тогда, когда мы выражаем наше переживание, и когда не выражаем его.

Ю. Джендлин обнаружил подобное понимание подсознательного смысла в работах К. Роджерса, который говорил о неосознаваемом смысле, являющемся *предметом осознания* в терапии: «Подсознание — это различие без осознания. <...> Можно иметь смысл с символом и без соответствующего символа (если мы не можем его вспомнить..)» [10, р. 65, 67]. Каждый смысл сам по себе является уникальным переживанием. Чувственные значения присутствуют в действиях, в речи, предположениях, отношениях, связях, есть чувство того, что мы собираемся сказать.

Переживание, пишет Джендлин, «наиболее осознается, когда... символы не могут передать адекватно то, что мы имеем в виду...» [10, р. 64]. Переживание проявляется как нечто другое, которое, когда мы не можем найти символ, чтобы выразить переживание, богаче и более специфично, чем значение в доступных символах: «Мы сосредотачиваемся на коннотации, а не на денотации, на эмотивном, а не на когнитивном, на имплицитном, а не на эксплицитном, на состоянии системы всего дискурса, а не на специфических значениях, относящихся к нему...» [Ibid.].

Исходя из понятия смысла Ю. Джендлина, можно полагать, что переживание — неформальный, непосредственно ощущаемый допонятийный смысл предметов, людей и явлений — формируется в дословесном периоде. Он не символизирован и связан с намерениями и целью коммуникации младенца: просьбой, требованием, выражением чувств. Смысл, связанный с познанием ребенком предметов, явлений и людей, определяет его намерения в коммуникации, влияет на развитие его ощущений и первичных представлений, дейксиса и жестов, является первоначальной основой личности младенца, его отношения к другим людям и себе. Переживания младенца генетически связаны с первичными протовысказываниями — вокализациями.

Процессуальная целостная модель речи Юджина Джендлина

В своей более поздней книге «Одна из моделей процесса» [9] Джендлин выстраивает процессуальную модель речи, основанную на новом *целостном контекстно-процессуальном телесном подходе* к коммуникации, речи и языку. Основной принцип действия модели — **вначале взаимовлияние** (имеется в виду целостное подразумевание своего изменения). Единицы модели выводятся из смыслового взаимодействия, а не из логики, действующей заранее. Автор хочет закрыть пробел между физиологией и психологией, уничтожить пропасть между телом, поведением, чувством, включить **тело, чувство и поведение** в одну парадигму. Одна из основных задач работы — переформулировать **понятие тела** так, чтоб можно было понять, почему и как **язык развивается телесно** и что является системой его внутренних отношений.

Ю. Джендлин считает, что язык — это не что-то, что прививается к телу. Речь сама образуется в теле, и ее внутренний порядок в теле значит намного больше, чем устройство слышимых единиц речи. Тело — это не машина. Тело — это новый процесс, который продолжается, тело что-то значит или подразумевает [9, chap. 4]. Процессы тела изначально внутренне скоординированы.

Ю. Джендлин рассматривает связь тела, чувства и поведения. Тело чувствует собственное действие, это **телесное чувство**. Фокусирование (концентрация) на телесном чувстве (чувствовании) ведет к информации о ситуа-

ции (об окружении). *Поведение* — это особая часть телесного процесса. В то же время телесное чувство — это ощущение чего-то. Телесное чувство — процесс изменения тела и передача этого изменения в повторяющемся окружении. *Чувствование* — это *результат передачи серии изменений тела-в-поведении*. Чувство дает телу возможность не только быть, но и чувствовать последствия того, чем оно было.

Поскольку *контекст* в модели речевого процесса Джендлина не только существует, но и определяет жизненный процесс, Джендлин выделяет различные типы контекстов и их роль:

- окружение 1 (с точки зрения наблюдателя),
- окружение 2 (процессы живого организма),
- окружение 3 (окружение, которое создано самим телом) [9, сар. 1, р. 2].

Эти определения дают возможность преодолеть противоречия между телесным и духовным, дать другую концепцию субпроцессов тела — этого нового процесса, который продолжается и, значит, что-то подразумевает. Процессы *изначально* внутренне координированы, нет отдельных частей тела, в течение всей жизни тело — это его субпроцессы.

Что касается *символических процессов*, то согласно Джендлину и тело, и поведение все время вовлечены в символический процесс. Все понятия составляют единую структуру, в которой каждое находится в определенном соотношении с другими.

Символичность заключается не только в отношении «один к одному», объекта — к ситуациям и действиям. *Система* в языке имеет характер телесной организации, метаструктуры. **Тело и его окружение первичны** в модели Джендлина. Тело — это не просто внешне, физически двигающийся и звучащий объект. Это не машина, это новый процесс, который продолжается. Событие в теле и его импликация во время жестов перестраивают происшествие, чувство и являются контекстом сложного поведения, так что будущие, развивающиеся отношения являются одной системой.

Новый вид чувств — телесные чувства — отличается от эмоций или канализированных чувств. Телесные чувства отражают целостную ситуацию, так называемый телесный референт. Джендлин пишет, что внутренний порядок речи значит намного больше, чем устройство ее слышимых единиц. Слова также формируются телесно, так как правильное слово должно *прийти*. Если этого нет, необходимо ощутить ситуацию и то, что мы хотим сказать. Именно телесное бытие в ситуации (контексте) дает возможность «прийти хорошим словам». Когда слова приходят, у человека уже есть телесное чувство ситуации, так как **система взаимосвязанных слов и взаимосвязанных ситуаций во взаимодействии — базисно единая система**. *Мотивация* в речи понимается как подразумевание последовательности в теле, так как тело предполагает продолжение процесса тела. Это телесное подразумевание, импликация.

Джендлин рассматривает особое пространство жестов протоязыка. Для описания природы жестов и условий их развития используются такие термины, как *пространство* (внешнее, внутреннее, пустое), *щелчок* (flip), *движения* и *двойные движения*, *контекст* (видимый и невидимый), *значение*, *последовательность*, *качественное изменение*, *восприятие*. Жест ребенка возникает как качественное изменение подобно щелчку. Джендлин поясняет, что жесты — это не простые возможные внешние движения в пустом контексте, хотя внешне жесты так и воспринимаются.

Жесты (имеется в виду их значение) — это то, что чувствуется, чего не видно. Значения возникают в восприятии и превращаются в последовательность. Возникает и *соответствующий невидимый свой контекст*. Жестовые движения происходят во внешнем *пустом* пространстве. Их контекст внутренний. Поэтому жесты в отличие от движений являются двойными. Изменяется «**контекст действия — здесь, сейчас, имеющийся и чувствующийся**» [9, chap. 7a, p. 2, 3] (выделено нами. — *Е. И.*). Эта двойственность длится, пока длится жест, а когда он прекращается, продолжается обычное действие. Однако, отмечает Джендлин, отношения между ситуациями создают не жесты, а действия. Вместе с жестами возникают *контексты взаимодействия*, которые отличны от контекстов поведения при обычных движениях. При переходе от контекста *действий* к контексту *взаимодействия* происходят качественные изменения — изменяются отношения с людьми.

Исходя из особенностей развития, которое ведет к знаковости (щелчку), Джендлин предлагает описание ступеней в развитии знаковости.

Первая — жестовая — ступень (начало развития символического процесса) — это **первичная репрезентация**. В отличие от животных, которые не имеют уровня «о чем-то», у человека мышление и язык «внедрены» в поведение и тело. К первой ступени Джендлин относит видимый удвоенный в реальности и жесте объект, действие или паттерн, например застывшие последовательности жестов и танцев — ритуалы, с паузами в середине (или перед другими движениями), без которых действие не движется, а также формирование пространства возможностей поведения, различные схемы. Это смесь взаимно имплицитных последовательностей, например *имплицитное функционирование, последовательность*. Она включает *цепочку скрытых контекстов — имеющийся сейчас код преобразуется*.

Джендлин подчеркивает, что важна именно *последовательность*: человек может слышать звук ветра, видеть и ощущать ветер, как и птичка, в то время как птичка, летая, не может отдельно чувствовать ветер и его звук. После «щелчка» контексты уже не являются физическим окружением, они связаны с тем, как **жесты** между людьми **изменяют ситуацию**. Контексты определяются взаимодействием, отношениями людей друг с другом. Животные имеют два уровня — процессов тела и последовательностей поведения, но они не имеют уровня «о чем-то» [9, chap. 7b, p. 7]. Люди могут находиться в *ситуации общения*, даже если общающиеся не видят друг друга и их жестов.

Джендлин большое внимание отводит *контексту, ситуации, ее связи с культурой*. Культура понимается как система ситуаций, связанных между собой возможных действий и их контекстов — что люди говорят и что они делают. Джендлин считает, что контекст, слова, коллективные контексты и контексты взаимодействия имплицитны в нашем проживании, в нашем теле и во взаимодействии.

Исходя из теории Джендлина, можно сформулировать выводы об особенностях развития дословесной системы средств коммуникации — протоязыка у ребенка первых лет жизни [3], выявить его закономерности.

1. Протоязык связан с *телесностью (телом), чувствованием и поведением* как особыми частями телесного процесса и чувствования изменений. В модели Джендлина показан *механизм целостного психического телесного (неосознаваемого) процесса развития речи*, его телесной организации, метаструктуры. Тело и его окружение первичны. Мотивация — это телесное подразумевание. У младенца при отсутствии слов средства досло-

весной коммуникации в еще большей мере связаны с телесными эмоциями и чувственными смыслами.

2. Наряду с телесностью важнейшим двигателем развития речи является *контекст*. Слово формируется телесно, правильное слово должно «прийти». Телесное бытие в ситуации-контексте дает возможность прийти «хорошим средствам коммуникации», есть телесное чувство ситуации, которое развивается в результате зрительного и тактильного контакта. Развивающиеся у ребенка взаимосвязанные системы телесных смыслов ситуаций взаимодействия, предметов и людей являются единой базисной системой смыслов, которая лежит в основе проторечи.

3. Движения-жесты качественно отличаются от движений-действий. Значения жестов возникают в восприятии и превращаются в последовательность. Джендлин считает, что возникает *невидимый внутренний контекст*, хотя внешне это «пустое пространство». Невидимый внутренний контекст, отличный от контекстов поведения, — это качественно новый контекст взаимодействия. В этом контексте жесты в отношениях между людьми *изменяют ситуацию*. Это происходит потому, что они вносят новое значение и смысл, изменяют значение и смысл ситуации. Контекст жестов отличен от контекстов поведения при действиях, в контекстах действий изменяются только отношения с людьми.

4. Первая ступень развития символизации, согласно Джендлину, — видимый удвоенный, существующий в реальности, в жесте и в теле (возможный) объект, действие или паттерн, например, в танце или в первоначальных игровых действиях ребенка с взрослым. Именно контексты связаны с тем, как данные жесты, изменяясь в результате взаимодействия, выделяют ситуацию. Ситуация связана с культурой и сама внутренне построена как система *взаимосвязанных возможных действий* и их последствий.

Изучение дословесного речевого онтогенеза в младенческом возрасте дает возможность выявить всю многослойность речи и языка. Как показывают результаты работы с клиентами в русле телесно-ориентированной терапии, ранние системы средств коммуникации действуют наряду с более поздними произвольными психическими образованиями и оказывают на них неосознаваемое для говорящего непосредственное влияние. Все это свидетельствует о необходимости целостного, а не разрозненного изучения речи и языка.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Сов. энцикл., 1969. 434 с.
2. Выготский Л. С. Кризис семи лет // Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. С. 376—385.
3. Исенина Е. И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов : СГУ, 1986. 163 с.
4. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 1999. 486 с.
5. Лобок А. М. Антропология мифа / Отд. образования адм. Октябр. р-на г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 1977. 688 с.
6. Лобок А. М. Психология мифа : дис. в виде науч. докл. ... д-ра психол. наук. М., 1998. 55 с.

7. Мазур Е. Вступительное слово // Левин П. А., Фредерик Э. Пробуждение тигра — исцеление травмы. Природная способность трансформировать экстремальные переживания. М. : АСТ, 2007. С. 1—12.
8. Мухина В. С. Возрастная психология. М. : Академия, 1977. 431 с.
9. Gendlin E. T. A Process Model. N. Y. : The Focusing Institute, 1997. 288 p. URL: <http://www.focusing.org/process3.html> (дата обращения: 11.08.2007).
10. Gendlin E. T. Experiencing and the Creation of Meaning. A Philosophical and Psychological Approach to the Subjective. N. Y. : Free Press of Glencoe, 1962. 302 p.
11. Gendlin E. T. Focusing. Toronto : Bantambooks, 1982. 180 p.
12. Gendlin E. T. How philosophy cannot appeal to experience and how it can // Language beyond Postmodernism. Saying and Thinking with Gendlin's Philosophy / Ed. by D. M. Levin. Evanstone (IL) : Northwestern University Press. 1997. P. 3—41.
13. Levin D. M. Gendlin's Use of Language: Historical Connections, Contemporary Implications // Language beyond Postmodernism. P. 42—64.
14. Polkinghorne D. E. "Experiencing and creation of meaning" in T. Gendlin and "Language beyond Postmodernism: saying and thinking in Gendlin's philosophy" edited by David M. Levin : Reviews the books // Journal of Phenomenological Psychology' FALL. 1998. Vol. 29, Iss. 2. P. 249—254.

ББК 76.0

С. К. Редков

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РАЗЛИЧНЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Представлен анализ художественных произведений и газетных очерков Леонида Андреева, в которых раскрывается правовая культура различных слоев российского общества на рубеже XIX—XX веков. Особое внимание уделено правовой культуре присяжных поверенных, так как именно на них была возложена процессуальная защита всех слоев населения, даже малоимущих.

Ключевые слова: правовая культура, правоповедение, уголовное судопроизводство, адвокатское сословие, моральные принципы присяжных поверенных.

The article describes the analysis of Leonid Andreev's works of art and feature stories in which the legal culture of different layers of Russian society at the edge of the XIX—XX century is revealed. The special attention is paid to the legal culture of jurymen procurators because they are entrusted with procedural defense of all society layers even the low-income groups.

Key words: legal culture, legal behavior, criminal legal procedure, advocate estate, the moral principles of jurymen procurators.

Актуальность нашего обращения к русской эпической литературе определяется тем, что проза наша сравнительно молода, она развивалась стремительно. Такое — «ускоренное» — развитие предполагало особую организацию художественного мира русской прозы, оно определило своего рода «разделение труда» между писателями. Последнее замечание касается

прежде всего тематической «специализации», особой организации художественного мира и особой культурной роли разных повествователей.

Творчество Леонида Андреева (1871—1919) занимает одно из видных мест в культуре дореволюционной России. С точки зрения истории развития права особый интерес представляют судебные очерки писателя и рассказы с правовой тематикой. В этих произведениях мы находим сходства и различия законодательства той поры и современных правовых норм.

Так, рассказ «Христиане» (1906), сюжет которого был навеян репортерской заметкой из «Русских ведомостей», потряс читателей реалистичностью и фантастичностью судебных обстоятельств, энергией тона и красочностью. В начале рассказа показана обыденность работы налаженной судебной машины: «За окном падал мокрый ноябрьский снег, а в здании суда было тепло, оживленно и весело для тех, кто привык ежедневно, по службе, посещать этот большой дом, встречать знакомые лица, раскрывать все ту же чернильницу и макать в нее перо. Перед глазами, как в театре, разыгрывались драмы, — они так и назывались “судебные драмы”, — и приятно было видеть публику, и слушать живой шум в коридорах, и играть самому. Весело было в буфете; там уже зажгли электричество и много вкусных закусок стояло на стойке. Пили, разговаривали, ели. Если встречались пасмурные лица, то и это было хорошо: так нужно в жизни, и особенно там, где изо дня в день разыгрываются “судебные драмы”. Вон в той комнате застрелился как-то подсудимый; вот солдат с ружьем; где-то бренчат кандалы. Весело, тепло, уютно» [1, т. 2, с. 175]¹. Уже в экспозиции произведения обнажена парадоксальность атмосферы государственного института, где должны соблюдаться юридические нормы, должен торжествовать закон, а главное, работа которого должна рождать в гражданах чувство, что здесь они найдут защиту, правду и справедливость.

Первый акт «судебной драмы» — опрос свидетелей: «Довольно большая кучка свидетелей, человек в двадцать, быстро перемещается слева направо. На вопрос председателя одни отвечают громко и скоро, с готовностью, и сами догадливо отходят к стороне; других вопрос застаёт врасплох, они недоуменно молчат и оглядываются, не зная, к ним относится названная фамилия или тут есть другой человек с такой же фамилией. Свидетели положительные ожидали вопроса полностью и отвечали полно, не торопясь, обдуманно; к стороне они отходили лишь после указания председателя и с другими не смешивались» (II, 176). Здесь высказывание обретает в контексте речи смысл, противоположный буквальному значению: слово «положительный» словно вывернуто наизнанку. И читатель действительно начинает понимать, что перед его глазами разыгрывается драма, ход которой продуман режиссером, в постановке пьесы распределены роли, ее исход предрешен. Однако неожиданно, при соблюдении одной из формальностей, процесс заходит в тупик. Формальность эта состоит в обязательной присяге свидетелей, которая была введена еще Петром I. Глава пятая «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1715 года так и называется «О присяге». В ней говорится: «1. Четвертый образ доказывания бывает через присягу, которая присяга очистительная называется и при оной следующие находятся обстоятельства. 2. Когда челобитчик ответчика некоторою притчиною обвинит, которою он токмо полуявным основанием доказать может, или ответчик в

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием римской цифрой тома и арабской — страницы.

явных собраниях таким же образом обнесет, а иных доказов иметь не может, то повинен он свое дело присягою удостоверить» [4, с. 410].

По сюжету одна из свидетельниц отказывается принять церковную присягу и действие «судебной драмы» начинает тормозиться. Свидетельница по роду занятий проститутка и поэтому не считает себя христианкой. Ни угрозы, ни убеждения, ни вмешательство священника не могут ее переубедить. Наконец суд приходит к решению освободить свидетельницу от присяги, но требует говорить только правду по чистой совести. На что она отвечает:

«— Нет... Какая у меня совесть? Я ж говорила, что нет у меня никакой совести.

— Ну что же нам с вами делать? — разводит руками председатель. — Ну, правду-то, понимаете, правду говорить будете?

— Скажу, что знаю» (II, 182).

Упорная женщина смутила покой и сложившийся порядок. Художественный эффект, достигаемый этим преувеличением, обнажал ложь общественной морали. Однако «через полчаса, в образцовом порядке и тишине, совершается суд. Правильно чередуются вопросы и ответы; прокурор что-то записывает; репортер с деловым и беспристрастным лицом рисует на бумажке какие-то замысловатые орнаменты» (Там же). После устранения условных формальностей, основываясь на ничем не подтвержденных свидетельских показаниях, судебная машина снова заработала.

Вопросы права и правовой культуры подняты и в других рассказах Л. Андреева. Так, например, «Вор» (1904) — блестящий рассказ, в котором художник изображает воровскую душу, это своеобразная криминологическая характеристика преступника. Писатель-психолог переносит читателя в область переживаний героя, показывает его в состоянии смятения и страха. «Случай» (1901) — своеобразная художественная рефлексия на тему гражданского долга и непримиримости к преступлению. Основу сюжета рассказа «Бездна» (1902) составила совокупность преступлений против личности. Андреев всем ходом повествования, особенно эпатазирующим финалом, доказывает, что человек в значительной доле своих побуждений остался животным. «Мысль» (1902) — «патологический рассказ», по определению одного из современников писателя, где художественно исследуется пограничное состояние человека — грань между вменяемостью и невменяемостью. «Мои записки» (1908) — повесть о внутреннем мире человека, приговоренного к пожизненному заключению.

Вершиной андреевского видения правовой культуры, ее основополагающих начал является образ городского в рассказе «Баргамот и Гараська». Этот рассказ впервые был опубликован в пасхальном номере газеты «Курьер» (1898). И все действие, и сюжетные линии выполнены в жанре пасхальной притчи. Право торжествует, пробуждая запущенное правосознание Гараськи, доводя его до покаяния не обыденными карательными мерами, а личным примером возвышенного христианства городского, когда этот «футлярный» человек в атмосфере всенародного ликования праздника Светлого Воскресения почувствовал биением своего сердца заповедь Христову: «Полюби ближнего, как самого себя». Финал рассказа — своего рода апофеоз правовой культуры, основанной на внутреннем осознании необходимости должного правоповедения.

Особое, пристальное внимание Л. Андреев уделял адвокатскому сословию, его миропониманию, мироощущению, его общей и правовой культуре. Основой этого внимания было не только то, что писатель сам долгое время

был присяжным поверенным, но и интеллигентское представление об особой миссии адвокатов в качестве передового слоя общества, ведущего Россию к свободе и нравственному пробуждению. Однако Леонид Андреев видел, что к началу XX века в адвокатскую семью стал пробиваться «чумазый» и новый «железный век» накладывает свой стяжательский отпечаток на моральные принципы присяжных поверенных.

Например, в рассказе «Первый гонорар» (1900) молодой помощник присяжного поверенного Толпенников, мечтающий стать защитником в суде, внезапно узнает, что помог уйти от ответственности жуликам. Желание защитить, как он полагал, невинную женщину было сильнее фактов. «И тогда на левой странице, внизу, он заметил одну пропущенную подробность, которая была в пользу г-жи фон-Борзе и давала несколько иное освещение делу. И хотя это была подробность, благоприятное сочетание слов, а не факт, но он обрадовался и сразу почувствовал себя бодрым...» (I, 216). Опираясь только на свое красноречие, защитник смог убедить судей в невинности своей подзащитной. «Искренность молодого защитника заражает судей, они благоклонно смотрят на него, и один, справа, даже кивает в такт речи головой» (I, 219). Но когда герой понял, что пошел на поводу у мошенников, ему стало стыдно за свое красноречие, послужившее неправому делу. Обращаясь к своему коллеге, старому адвокату, Толпенников вопрошает: «Но ведь в действительности она виновата?» На что опытный служитель Фемиды отвечает: «И нет никакой действительности, а есть очевидность» (I, 225). Для главного героя становится очевидным, что в суде дела решаются на основе мертвой буквы закона, что с помощью подкупа и лжесвидетельства преступник может уйти от наказания.

Деятельность адвокатов была регламентирована Учреждением судебных установлений от 29.11.1864 г. Этот нормативный акт, по мнению Л. Андреева, не годился для сохранения чистоты адвокатского сословия [5, с. 139]. Адвокатура изначально создавалась как учреждение самоуправляющееся и независимое от вмешательства государственных чиновников. Ее высшим органом было общее собрание присяжных поверенных. На общем собрании мог быть избран исполнительный орган — совет присяжных поверенных. Он обеспечивал участие присяжных поверенных в судах по делам неимущих, вел прием в состав присяжных и их помощников, рассматривал жалобы на присяжных и т. д.

Признавая значимым с общественной точки зрения собрание присяжных поверенных, Леонид Андреев в то же время сатирически изображал адвокатское сословие: «Обыкновенно он немного марксист или немного народник и вообще, за редкими исключениями, принадлежит к одной из прогрессивных фракций. Эту окраску он приобрел на школьной еще скамье, где он много читал, много спорил и иногда претерпевал египетские казни, оказавшись первенцем. Похожий на бурный и звонкий ручей, он с размаху вливается в Мертвое море, каким является жизнь, — и первые три-четыре года продолжает нестись вперед, поднимая волну и раскачивая заснувшие на поверхности щепки и бревна. Но все глубже и глубже мертвая вода; все более сил требует она для борьбы с собой, а действие первоначального толчка все ослабевает, — и вот бурный ручей разливается тихим, зеркальным озером, в котором день и ночь омывают свои грязные тела разнообразные клиенты. И если адвокат не обратится в скором времени в мутное болото, — он становится милейшим русским человеком, с которым приятно поболтать о послед-

ней книжке журнала, но который для всякого живого дела мертв, как селедка. С этой минуты он живет только порывами — или эмоциями, выражаясь модным и по преимуществу адвокатским термином» [3, с. 2].

Ирония эта горькая, так как Л. Андреев видел в адвокатском сословии передовую часть устроителей новых правовых отношений, созидающий авангард новой правовой культуры. Будучи сам присяжным поверенным, писатель неоднократно будет обращаться к теме адвокатской практики, адвокатской морали и этики.

Фельетон в № 249 газеты «Курьер» от 09.09.1901 г. как раз и посвящен адвокатской этике. Речь идет о растрате доверительских денег и причинах, способствующих этому явлению. «По роду своей деятельности адвокат всю жизнь имеет дело с чужими деньгами. Даже самый крохотный помощник, только что обзаведшийся клиентурой, всегда имеет на руках доверительские деньги и бесконтрольно ими распоряжается. Да, именно бесконтрольно. Кассир, артельщик, управляющий — ревизуются. Кто ревизует адвоката? Никто. От него требуется только одно: чтобы к известному сроку он вручил доверителю его деньги. Но даже и самый срок не обладает вполне строгой определенностью: можно внести нынче и можно оттянуть и на месяц. В результате получается такое положение дел, при котором даже самые строгие к себе, самые ригористичные присяжные поверенные спокойно тратят на свои нужды доверительские деньги» [Там же].

Социально значимым явлением автор считает бесплатные консультации присяжных поверенных для малоимущих (в настоящее время подобные функции выполняют юридические клиники при юридических вузах). Означенные консультации являлись общественной организацией, куда допускались только лучшие с моральной точки зрения представители адвокатского сословия. «Единственное место, где помощник перестает быть молчаливой тенью патрона, это консультация. Явилась она на свет без участия совета, явилась, как нечто необходимое, созданное потребностью юной части сословия не только существовать, но и действовать. Преследуя благородную задачу — оказание юридической помощи неимущему люду, консультация уже тем самым резко разошлась с сословием, в котором “благотворительность” была только между прочим. В консультации у помощника, имевшего равный голос с патроном в обсуждении ее дел, создавались известные общественные привычки: сознание своих общественных обязанностей, стремление расширить рамки узкой профессиональной деятельности, умение самоуправляться, столь необходимое для будущего члена сословия, которому законом даровано право самоуправления» [Там же].

В завершение необходимо отметить, что с нарастанием процессов индустриализации на рубеже XIX—XX веков перед Россией возникла задача стать страной просвещенной с сохранением культурной самобытности. Старое представление о структуре культуры как состоящей из аристократической и народной культур уже не соответствовало реалиям. Появилась новая субкультура — «культура мещанства». Она становится господствующей на рубеже XIX—XX веков, с нею вели непримиримую борьбу Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. Горький и др. В этом же ряду — и имя Леонида Андреева, пафос творчества которого критика того времени определяла так: если другие враждебны мещанству, то Андреев враждебнейший из всех. Его сатира рождалась любовью израненного сердца; ее жестокая мудрость — это горечь оскорбленной любви к людям.

Библиографический список

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Худ. лит., 1990—1996.
2. Андреев Л. Н. Мелочи жизни // Курьер. 1901. № 249. С. 2.
3. Андреев Л. Н. Мелочи жизни // Там же. № 347. С. 2.
4. Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4. 512 с.
5. Социальные аспекты и проблемы правовой культуры российского общества начала XX века в фельетонах Д. Линча : сборник фельетонов / авт.-сост. С. К. Редков. Иваново : ПресСто, 2010. 144 с.

ББК 83.3(0)3

*В. И. Страдымова***РИМСКАЯ ПОЭЗИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ НЕОТЕРИКОВ**

Рассматривается специфика становления античной римской поэзии, как она представлена в творчестве предшественников поэтов-неотериков (II — начало I в. до н. э.). Анализу подвергаются жанровые аспекты, содержательность, литературные формы, стихотворные размеры сохранившегося наследия поэтов — предшественников неотериков.

Ключевые слова: эллинистическая поэзия, неотерики, эпиграмма, эпиллий, миф.

The article describes specific features of formation of ancient Roman poetry as it's presented in the works of Neoterics' precedessors including the analysis of genre aspects, themes, literary forms, metres of the survived literary heritage of poets — Neoterics precedessors.

Key words: Hellenistic Poetry, Neoterics, epyllion, epigram, myth.

Характеризуя римскую культуру II в. до н. э., обычно указывают на значительное влияние греческой эллинистической культуры, справедливо связывая этот процесс с выходом Рима после Македонской, Сирийской и III Пунической войн на мировую арену как победителя и наследника греческих государств. Однако этот процесс сопровождался кризисом республики, затянувшимся на целое столетие. Морально-политическое единство свободного гражданства, на котором держался республиканский Рим, разрушалось, и старые патриотические идеалы, теряя свое значение, уже не соответствовали новым реалиям. В литературе наблюдается упадок старых поэтических жанров, традиционных для полисной идеологии, и возникновение новых, характерных для индивидуалистической идеологии этого времени [2, с. 428]. Усвоение эллинистического греческого культурного наследия происходило в Риме с учетом специфики римского социального развития и поэтому характеризовалось тем, что «стилевые формы римского искусства могли изменять, углублять, но отнюдь не повторять греческие стилевые и жанровые формы» [4, с. 108].

Для римской культуры II в. до н. э. характерно распространение концепции *humanitas*, разработанной философом-стоиком Панетием. Сущность

© Страдымова В. И., 2012

этой концепции заключалась в отходе от социальных условностей к более тесным и определенным человеческим связям, основанным на сочувствии ко всем людям, независимо от их социального положения. Это был поворот к требованиям человеческой природы, более решительный, чем у греков [1, с. 27]. На фоне этих особенностей развития римской культуры во II в. до н. э. представляется закономерным и рост интереса к лирической поэзии. Обычно начало римской лирики связывают с литературной деятельностью поэтов-неотериков, активно осваивавших греческую эллинистическую, в первую очередь александрийскую, поэзию. За это Цицерон насмешливо назвал их «подголосками Евфориона» (*cantores Euphorionis* (Tusc. III, 45)), одного из самых видных александрийских поэтов. Однако литературное поле, на котором впоследствии, в I в. до н. э., пышно разрослась неотерическая поэзия, начали возделывать еще ранее поэты, которых называют предшественниками неотериков. Литературное творчество и тех и других весьма фрагментарно, но некоторые предположения все же можно сделать. Данная статья посвящена возникновению на римской почве жанра эпиграммы, а произошло это в творчестве поэтов — предшественников неотериков.

Первым, кто ввел в римскую литературу элегический дистих, был Квинт Энний [8, р. 138]. А. Вилер, ссылаясь на Плиния (*Epist. V, 3, 2—6*), утверждает, что небольшие эротические поэмы писали, помимо Энния, Акций, Квинций Атта и, возможно, Луцилий [10, р. 66].

Следует отметить, что у колыбели римской лирической поэзии стояли «ученые поэты» (*poetae docti*) — грамматики и филологи. Именно в этих кругах во второй половине II в. до н. э. делаются попытки освоения греческой поэзии и приобщения к ней кругов образованных римлян. Сочинения такого рода и рассчитаны на небольшой круг читателей — любителей греческой литературы.

Первая латинская любовная эпиграмма, которую мы знаем, принадлежит образованному человеку и филологу Порцию Лицину, жившему во второй половине II в. до н. э.:

*Custodes ovium tenerae propaginis, agnum
quaeritis ignem? ite huc: quaeritis? ignis homost.
si digito attigero, incendam silvam simul omnem,
omne pecus flammast, onmis qua video.*
[6, fr. 6, S. 59]

Вы, пастухи овец и нежных овечьих приплодов,
Вы хотите огня? Так поспешите ко мне!
Я — человек-огонь! Трону пальцем — весь лес загорится,
Все загорятся стада, все, что я вижу, в огне!
(Перевод М. Л. Гаспарова)

В эпиграмме поэт отождествляет метафорический огонь — пламя любви — с реальным. На этом строится, в сущности, вся эпиграмма. При этом автор полон пафоса первооткрывателя, представляющего «пламя душевное» в примитивно-конкретной осязательной форме.

Близко к этой эпиграмме и стихотворение Валерия Эдитуя, поэта той же эпохи:

*Quid faculam praefers, Phileros, qua est nil opus nobis?
ibimus sic, lucet pectore flamma satis.
istam nam potis est vis saeva extinguere venti
aut imber caelo candidus praecipitans;*

at contra hunc ignem Veneris, nisi si Venus ipsa
 nulla est quae posit vis alia opprimere.
 [6, fr. 2, S. 55]

Что ты мне факел даешь, Филерот? Не нужен мне факел:
 Сердце во мне горит и освещает путь.
 Сердца не погасить ни самому дикому ветру,
 Ни дождю, что льет мутным потоком с небес.
 Этот огонь лишь Венера зажгла и Венера потушит:
 Больше против него нет побеждающих сил.
 (Перевод М. Л. Гаспарова)

Уподобление любви огню часто встречается в эллинистической поэзии. У Феокрита влюбленная девушка покраснела так, что от нее можно зажечь светильник (Theos. XIV, 23), в «Аргонавтике» Аполлония Родосского юноша призывает воспламенить факел от огня, бушующего в его груди (Arg. XVI, 209). Но у эллинистических поэтов огонь воспринимался как реальный физический процесс горения (зажечь факел, светильник), а Эдитуй хочет определить природу именно «сердечного огня», огня любви, метафорически отождествляя чувство с пламенем, вводя рассуждения о том, что *этот* огонь не сможет задуть ни ветер, ни дождь.

Латинский поэтический язык проходит долгую историю развития, прежде чем достигает того художественного совершенства, которым отмечены поэмы Вергилия, Овидия, лирика Горация. Одним из важнейших направлений этого развития было как раз расширение значения первоначально конкретных слов, которые постепенно получают новое, абстрактное осмысление. Порций Лицин и Валерий Эдитуй и сделали, следуя, по-видимому, за греческими эпиграммами, своего рода открытие для слова «огонь». Впоследствии яркость и «первозданность» метафорического слова *ignis* сотрутся, как они стерлись в поэтическом языке нового времени, но и у Лицина, и у Эдитуя многие конкретные слова впервые приобретают метафорические ореолы значений. Большой вклад в эту область внесли впоследствии неотерики.

Следует отметить, что Лицин вводит в поэзию буколические мотивы: он пишет об овцах, козлятах, лесах. Можно предположить, что мотивы поэзии Феокрита проникают в римскую литературу задолго до эклог Вергилия.

Квинт Лутаций Катул (ок. 150—87 г. до н. э.), крупный государственный деятель (вместе с Марием он был консулом в 102 г. до н. э.), слыл образованнейшим человеком своего времени. Его место в духовной жизни Рима было настолько значительным, что Цицерон вывел его в диалоге «Об ораторе» в роли последовательного эллинофила [3, с. 72]. Катул также писал эпиграммы, две из которых сохранились.

Aufugit mi animus; credo, ut solet, ad Theotimum
 devenit. sic est, perfugium illud habet.
 quid, si non iterdixem, ne illum fugitivum
 mitteret ad se intro, sed magis eiceret?
 ibimus quaesitum, verum, ne ipsi teneamur,
 frmido. quid ago? da, Venus, consilium.
 [6, fr. 1, S. 55]

Автор, по всей вероятности, был знаком с эпиграммой греческого эллинистического поэта Каллимаха:

Ἡμισὺ μευ ψυχῆς ἔτι τὸ πνέον ἦμισυ δ' οὐκ οἶδ'
 ἔιτ Ἔρος ἔιτ Αἰδης ἦρπασε, πλὴν ἀφανές.
 ἦ 'ρά τιν' ἐς παίδων πάλιν ὤχετο; καὶ μὲν ἀπέϊπον
 πολλάκι' τὴν δρῆστιν μὴ ὑποδέχεσθε νέοι'.
 † οὐκισυνιφησον· ἐκεῖσε γάρ ἢ λιθόλευστος
 κείνη καὶ δύσερωσ οἶδ' ὅτι που στρέφεται.
 [5, epigr. XVI]

Половина души еще жива, половину же, я не знаю, или Эрос,
 или Аид похитил, но она исчезла. Она, конечно же, перенеслась
 к каким-то мальчикам; я же часто говорил: «Юноши, не
 принимайте беглянку». Не отправилась ли она...
 Да, она там, побитая камнями, приткнулась, я знаю,
 несчастная «потеря любви».

(Перевод наш. — В. С.)

В интерпретации римского поэта эта тема звучит иначе:

Где моя душа? Улетела опять к Феотиму
 И, как беглянка, теперь ищет убежище в нем.
 Что ж? Ведь я уж давно объявление сделал такое,
 Чтоб не впускал он ее, а прогонял от дверей!
 Надо найти и вернуть. Но как самому не попасться
 В плен? Что делать, увы? Дай мне, Венера, совет!
 (Перевод М. Л. Гаспарова)

Катул не переводит буквально эпиграмму Каллимаха, но вступает в своеобразное соревнование с эллинистическим поэтом, заимствовав внутреннее движение и самую мысль. Римский поэт говорит не о целой толпе эфэбов, как греческий, а только об одном влюбленном. Катул рисует типично римскую по своему юридическому характеру ситуацию: сбежавшая душа (вся душа, а не ее половина — *dimidia*, о которой впоследствии будут говорить другие поэты) уподобляется беглому рабу, которого, согласно официальному акту, хозяин запретил укрывать под угрозой закона, чтобы принимающий не уподоблялся расхитителю чужого имущества. Римская нота вводится в стихотворение и обращением за советом к Венере. Исследователи отмечают, что Катул глубже, чем Каллимах, изображает чувства человека, боящегося поддаться силе любви [3, с. 173].

Таким образом, с самого начала появления в лирической поэзии эпиграммы римские поэты вносят в перерабатываемые ими греческие оригиналы свои собственные штрихи. Эта же черта свойственна и другой эпиграмме Катула, в которой он восхищается красотой актера Росция, бывшего в то время совсем юным (вероятно, около 120 г. до н. э.):

Constiteram exorientem Aurorem forte salutans
 cum subito a laeva Roscius exoritur.
 Paece mihi liceat, caelestes, dicere vestra:
 mortalis visus pulchrior esse deo.
 [6, fr. 2, S. 56]

Я на рассвете стоял, любуясь восходом Авроры, —
 Вдруг мой Росций, гляжу, с левой взошел стороны.
 Боги небес! Мои слова не почтите обидой:
 Смертный привиделся мне краше богини самой.
 (Перевод М. Л. Гаспарова)

Возможно, что Катулл вдохновлялся здесь знаменитым стихотворением Сапфо φαίνεται μοι κήρυος ἴσος θεέοισιν [7, fr. 33(1), p. 32], которое затем послужило образцом и для катулловского «*Ille mi par esse deo videtur*» (с. LI). Оба римских поэта еще полны пиетета перед римскими божествами, и оба боятся навлечь на себя гнев всевышних смелым сравнением смертного с богом — у Катулла *ille, si fas est, superare divos*. Такое уподобление возлюбленной божеству становится позднее топическим элементом римской любовной лирики (у Тибулла, Проперция, Овидия), но здесь, на раннем этапе становления поэзии, оно еще полно известной свежести. Катулл впоследствии, продолжая эту мысль в элегии «К Аллию», уже не просто уподобит свою возлюбленную Лесбию богине, а назовет ее прямо *mea candida dea* (моя блестящая богиня). Но путь, который поведет Катулла к ряду важнейших открытий, чрезвычайно существенных для всего дальнейшего развития римской лирической поэзии, начинается здесь, в римской ранней поэзии II в. до н. э., так плохо нам известной.

Упомянутое стихотворение Сапфо послужило, несомненно, образцом и уже упомянутому Валерию Эдиту для написания следующей эпиграммы:

Dicere cum conor curam tibi, Pamphila, cordis
quid mi abs te quaeram, verba labris abeunt,
per pectus manet subito mihi sudor:
sic tacitus, subidus, dum pudeo, pereo.
[6, fr. 1, S. 55]

Только начну я о том, чего от тебя добиваюсь
Всей беспокойной душой, — молкнут слова на губах,
Сразу пот на груди выступает обильною влагой,
Я цепенею, молчу, силюсь и гибну без слов.
(Перевод М. Л. Гаспарова)

Автор еще не в силах передать богатство и выразительность стихотворения Сапфо, давая натуралистическую и грубо выраженную картину своих страданий. Весь этот архаический примитивизм особенно ярко выступает при сравнении данной эпиграммы со стихотворениями Катулла на эту же тему, но Катулл продолжал, в известной степени, начинания, предпринятые еще поэтами II в. до н. э.

В начале I в. до н. э. поэт Левий пишет свои многочисленные, но дошедшие до нас лишь фрагментарно любовные стихотворения, объединенные в сборник «*Erotopaegnia*». Следует отметить, что Левий пытался объединить любовно-эротическую тему с мифологией, некоторые из его поэм были написаны, возможно, в жанре эпиллия, столь любимого впоследствии неотериками. В книгу Левия входили небольшие эпические поэмы, имевшие заголовки «*Adonis*», «*Alcestis*», «*Centauri*», «*Helena*», «*Ino*», «*Protesilaodamia*», «*Sireno-circa*», «*Phoenix*», то есть в них рассказывались какие-то любовные эпизоды из жизни мифологических героев. Так, в сохранившемся фрагменте поэмы «Феникс» содержится обращение к Венере, произносимое женщиной, обнаружившей, что любовь, попасть в рабство к которой она боялась, является источником счастья и радости [6, fr. 22, S. 74]. В одном из фрагментов поэмы «Протезилаодамия» повествуется о том, что Лаодамия, не имевшая известий от Протезилая, отправившегося с экспедицией греков под Троию, печалится и боится, что он ей изменил [6, fr. 18, S. 73]. Тот факт, что Левий написал поэму о Протезилае и Лаодамии, существенен для нас: позже неотерик Катулл в

элегии «К Аллию» обратится к этому же мифу (Cat. LVIII). В поэме Левия «Ино» рассказывается о трагической судьбе героини, вынужденной бежать от безумного мужа и бросившейся в море. Эту поэму Левия можно, с нашей точки зрения, отнести к жанру эпиллия. Содержание самого мифа об Ино известно по «Метаморфозам» Овидия (Met. IV, 416—526). К сожалению, скудость фрагментов не дает возможности для сколь-нибудь значительных обобщений, но выбор поэтом тем для своих произведений говорит о том, что Левий интересовался острыми драматическими сюжетами: его поэмы «Ино» и «Адонис» испытали влияние того направления александрийской поэзии, которое обычно связывают с именем Евфориона. Сюжет об Адонисе известен нам по «Метаморфозам» Овидия (Met. X, 503—739), эта же мифологическая легенда излагалась в эпиллии неотерика Цинны. Вместе с тем нужно отметить, что мифологические истории Левия отличаются самым разнообразным характером. Так, с трагическими поэмами «Ино» и «Адонис» соседствует шутливо-иронический рассказ о Кирке («Сиренокирка»), откровенно эротическая, по выражению В. Сираго, легенда о любви Гектора и Андромахи сменяется сентиментальным изложением истории об Алкесте [9, p. 39].

Следует отметить, что, обрабатывая мифологические истории, Левий, как впоследствии Катулл, каким-то образом увязывал их с личной, авторской темой, о чем свидетельствует фрагмент, состоящий из трех слов:

Mea Vatiēna, amabo.

[6, fr. 18, S. 73]

Моя Ватиена, я буду любить тебя.

(Перевод наш. — В. С.)

Само название «Protesilaodamia» (как и «Sirenocirca»), составленное из двух имен, говорит о поисках Левия также и в области художественных форм. По свидетельству Авла Гелия, Левий смело вводит в свои стихи неологизмы (Noct. Att. XIX, 7, 4—15).

Наряду с поисками новых, более выразительных средств поэтического языка, шло освоение римской поэзией и новых для нее греческих размеров. Сохранившиеся фрагменты стихотворений Левия свидетельствуют о свободном владении поэта различными метрическими размерами: малыми иониками, анакреонтическим стихом, большими иониками [9, p. 44]. Пользовался Левий и трохаическим септенаром, этим «народным» размером, как и Луцилий в первых книгах своих «Сатир».

Порций Лицин, Валерий Эдитуй, Квинт Лутаций Катул, Левий — предшественники поэтов, которых римляне называли *poetae novi*. Цицерон назвал этих поэтов, из-за их безоглядного увлечения александрийской поэзией, неотериками (от греческого слова νεώτεροι — «более новые» (Ad Att. VII, 2, 1, № 292)), в современном литературоведении этот термин прижился. Предшественники неотериков вводят в римскую литературу новую для нее любовную тему. У истоков римской любовной поэзии стояли поэты, которые в творчестве ориентировались на греческую лирику и свою задачу видели в приобщении римлян к греческой литературе. Однако на формирование нового литературного направления оказало существенное влияние не только творческое восприятие греческой, главным образом эллинистической, поэзии, но и отечественная литературная традиция, римский фольклор.

В литературной деятельности предшественников неотериков складывались некоторые особенности римской поэзии, которые впоследствии были

взяты на вооружение и развиты неотериками. Так, соединение любовной тематики с мифологией мы находим в поэмах Левия, которые отмечены повышенным интересом к острым, драматическим ситуациям в судьбе мифологических героев, — такие темы позже были близки неотерикам и охотно ими разрабатывались.

Продолжили неотерики и начатую их предшественниками работу по освоению новых для римской литературы греческих стихотворных размеров, при этом следует отметить интерес тех и других к низовой, народной поэзии.

В творчестве поэтов, работавших во II — начале I в. до н. э., наблюдается известный интерес к неологизации, происходит абстрагирование и метафоризация первоначально конкретных слов, складывается система приемов, которые в дальнейшем станут топикой римской любовной лирики.

Появление поэтической группировки (*poetae novi*), которая искала новые выразительные формы, не только обогащая поэтический язык и метрику, но и открывая неизвестные до тех пор поля художественного восприятия, не явилось чем-то совершенно неожиданным. Для новой школы уже прокладывались дороги поэтами предыдущего поколения.

Библиографический список

1. Дуров В. С. Жанр сатиры в римской литературе. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. 159 с.
2. История всемирной литературы : в 9 т. М. : Наука, 1983. Т 1. 584 с.
3. Полонская К. П., Поняева Л. П. Хрестоматия по ранней римской лирике. М. : Высш. шк., 1984. 225 с.
4. Чистякова Н. А. Исторические типы античной художественной литературы // Античность как тип культуры. М. : Наука, 1988. С. 105—111.
5. *Callimachus. Aetia, Jambis, Hecale and other fragments* / Ed. by C. A. Trypanis. Cambridge (MA) ; London : Harvard University Press, 1975. 442 p.
6. *Fragmenta Poetarum Latinorum Epicorum et Lyricorum praeter Ennium et Lucilium* / Post W. Morel nov. cur. adhib. ed. C. Buechner. Lipsiae : Teubner, 1982. 219 S.
7. *Poetarum Lesbiorum Fragmenta* / Ed. by E. Loebel, D. Page. Oxford : Clarendon Press, 1955. 337 p.
8. *Ross. D. Style and Tradition in Catullus*. Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1969. 188 p.
9. *Sirago V. La scuola neoterica*. Arona : Paidea, 1947. 191 p.
10. *Wheeler A. Catullus and the Traditions of Ancient Poetry*. Berkeley ; Los-Angeles : University Press, 1934. 291 p.

ББК 60.023

М. В. Жульков

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ НООСФЕРНОГО СОЗНАНИЯ

Целостность ноосферного сознания рассмотрена как одна из главных его характеристик. Основной закон диалектики утверждает противоречие как источник развития — развития объекта как единого целого. Целостность существует не сама по себе, а через деятельность по преодолению противоречий. Основное противоречие ноосферного развития приводит к формированию глобального ноосферного сознания, для чего необходимы индивидуальные и коллективные усилия.

Ключевые слова: целостность, ноосфера, ноосферное сознание, основной закон диалектики, основное противоречие ноосферного развития, основной ноосферный закон, основной семиотический закон.

The integrity is considered as one of the main characteristics of the noospheric consciousness. The basic law of dialectics regards contradiction as a source of development – the development of the object as a whole. The integrity does not exist by itself, but through efforts to overcome the contradictions. The basic contradiction of the noospheric development leads to the formation of the global noospheric consciousness, which requires individual and collective efforts.

Key words: the integrity, the noosphere, the noospheric consciousness, the fundamental law of dialectics, the basic contradiction of the noospheric development, the basic law of noosphere, the basic law of the semiotic.

Переход к ноосферному развитию — один из путей выхода из углубляющегося мирового кризиса, в котором оказался мир в начале XXI века [9]. В связи с этим учение о ноосфере и ноосферном развитии приобретает в наше время особую ценность. Проблема формирования ноосферного сознания является одной из ключевых в учении о ноосфере. Данная статья посвящена исследованию путей достижения целостности ноосферного сознания.

Основной закон диалектики и целостность сознания. Немецкая классическая философия трактует противоречие как движущую силу развития (Г. Гегель). Согласно диалектике в основе всякого движения лежит противоречие, поэтому анализ основного противоречия является важным шагом на пути становления философии ноосферного развития.

Тем не менее, основной закон диалектики (единства и борьбы противоположностей) исходит не только из борьбы, но и из единства, которое дифференцируется на два полюса. Если единство первично и является более важным, чем противоречие, то на этом уровне имеется источник движения и развития целостности. Русская религиозная философия акцентировала внимание на том, что мир представляет собой целостность, единство, — это философия всеединства В. С. Соловьева и религиозная философия в целом (софийность, собор-

© Жульков М. В., 2012

ность, общее дело). Русский космизм основывается на представлениях о фундаментальном единстве мира, связи человека, планеты и космоса.

Концепция всеединства является центральной для всего философского и религиозного учения В. С. Соловьева, она показывает целостность развития мира и человека. Мыслитель рассматривал человечество как действительное индивидуальное существо: «И в этом смысле мы признаем человечество как настоящий субъект исторического развития» [15, с. 145]. Но единство этого индивидуального и одновременно универсального существа не образуется само собой, в его основе лежит нравственность и стремление к добру, необходимо, чтобы «общественная среда по существу становилась организованным добром» [14, с. 393].

Здесь выражена очень важная мысль. Единство до-бытийное, когда Бытие и Небытие неразличимы, осуществляется без усилий, во всяком случае, наша мысль не может ничего об этом сказать, так как на этом уровне нет мысли. Но когда Бытие начинает свое существование, то единство осуществляется через усилие – и это усилие первичных форм сознания.

Так, В. С. Соловьев показывает, что и единство общества, и единство отдельного человека даны нам лишь в потенции, как источник всякого развития, но для своего действительного существования они нуждаются в сознательных усилиях человека и человечества. Эти усилия наиболее заметны (проявляются с наибольшей силой) в борьбе с препятствиями, в разрешении конфликтов и противоречий.

С позиции системного подхода любая целостность имеет основное свойство или отношение, иными словами, любая система служит какой-либо цели. Целостность не есть нечто застывшее, раз навсегда данное. Такие системы, как биосфера, человечество, ноосфера, — развивающиеся системы, и их целостность тоже развивается. Поэтому конфликты или противоречия возникают там, где возникают или должны возникнуть системные связи между отдельными частями целого. Конфликты — всегда показатель развития, показатель достигнутого уровня целостности и направления, в котором эта целостность развивается.

Противоречия могут рассматриваться не только как проявление неизбежной двойственности, но и как аспект целостности, единства, а разрешение противоречий – как способ осуществления этого единства.

Основное противоречие ноосферного развития. Для понимания путей ноосферного развития важно выявить его основное противоречие. Г. С. Смирнов использует представление о ноосферном конфликте: «Ноосферный конфликт — это противоречие между материальной (экономической) и духовной (интеллектуальной) составляющими всемирно-исторического процесса, проявляющимися на уровнях “природа и общество”, “биосфера и цивилизация”, “человек и Вселенная”» [12, с. 215].

Ф. В. Цанн-кай-си пишет об основном противоречии техногенной цивилизации, в которой мы живем: «Глубинное, сущностное противоречие техногенной цивилизации, с одной стороны, заключается в том, что она сформировала человека, ориентированного на максимально комфортный образ жизни с адекватной для этого экономикой, а с другой стороны, возникло понимание общественным сознанием отчужденного характера цивилизации, ее дегуманистических тенденций, которые должны быть преодолены. Тем самым эти противоречия находятся как бы внутри самого человека, происходит борьба его с самим собой» [18, с. 137].

В основе этих взглядов — конфликт между различными сознаниевыми формами, а также сознанием и его выражением в конкретных условиях пространства-времени, на определенной стадии развития биосферы и человечества. Другими словами, это противоречие между сущностным (внеприродным) сознанием человека и его выражением в виде культуры и цивилизации, между необходимым и достигнутым уровнем и качеством сознания. Это и составляет основное противоречие ноосферного развития. В процессе решения основного ноосферного противоречия будет происходить становление планетарного ноосферного сознания [11] и ноосферного общества в целом. Ноосферное сознание приводит к разрешению других противоречий ноосферного развития: экологических, экономических, социально-антропологических, культурных.

Ноосферное сознание – это новая целостность, которая необходима для решения глобальных проблем современности и основного противоречия ноосферного развития, так же как и само ноосферное сознание является результатом решения этих проблем, ноосферных конфликтов и противоречий.

Главный вектор развития жизни в биосфере. Как известно, эволюция биосферы имеет вектор своего развития, связанный с усложнением нервной системы, мозга (принцип цефализации Д. Д. Дана [3, с. 21]), созданием субстрата для развития ума и сознания. Поэтому В. И. Вернадский сделал вывод о том, что эволюция биосферы приводит к развитию сознания. Он выделял культурную биогеохимическую энергию как источник развития человеческого сознания и общества, превращения биосферы в ноосферу [3, с. 124—128]. Как показал Н. П. Антонов, субъективный фактор является главным в сложнейших процессах становления ноосферы [1, с. 220—232].

П. Т. де Шарден ввел универсальный закон сложности сознания, согласно которому в процессе эволюции органического мира растет внутренняя сложность и напряженность психики, сознания [16, с. 225—229]. Таким образом, субстрат сознания и внутренняя жизнь развиваются параллельно.

В. И. Вернадский положил начало новому взгляду на историю человечества — как на историю развития сознания. Он проследил основные этапы этой борьбы: овладение огнем, переход к земледелию и скотоводству, развитие ремесел, появление письменности, крупных городов и государств, зарождение преднауки, книгопечатание, религиозное и философское мышление, научная революция начиная с XVII века, заселение всей поверхности земли, выход народных масс на арену мировой истории, превращение науки в движущую силу общественного прогресса [3, с. 124—147]. Вернадский отмечал, что история человечества насчитывает 18—20 млн лет и, таким образом, сливается с геологическим временем [3, с. 24, 242].

В настоящее время человечество переживает взрыв научного творчества, быстрое развитие наук и технологий. На каждом этапе своего развития оно достигало точки кризиса, состояния неустойчивости. И если проанализировать проделанный человечеством путь, то окажется, что именно развитие сознания позволяло сделать следующий шаг на пути эволюции. Внешние противоречия на историческом пути развития человечества отражались и разрешались в субъективной сфере, через разрешение внутренних противоречий человеческого сознания — индивидуального и коллективного.

Таким образом, целостность биосферы обеспечивается единством жизни, целостность ноосферы — единством сознания (не только человеческого, но биосферы в целом). Противоречия на каждом историческом этапе разви-

тия человечества призваны ликвидировать разрыв в ткани сознания и жизни, увеличить их целостность в региональном или планетарном масштабе.

Системно-синергетическая методология позволяет глубже понять эти процессы. Самоорганизация системы происходит под действием энергии, протекающей через данную область пространства-времени. Единство становящейся системы обеспечивается именно энергетическими процессами. А сознание можно рассматривать как особый вид или составляющую энергии.

Развитие целостности человечества. Становление единства человечества в планетарном масштабе является важнейшим условием созидания ноосферы. В. И. Вернадский писал: «Человек впервые реально понял, что он житель планеты и может — должен — мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетарном аспекте» [3, с. 28]. Он считал, что вся биосфера переходит в свое новое состояние — ноосферу, а это значит, что все живые существа становятся более разумными. Но именно *совокупный человеческий разум* призван руководить и своей собственной эволюцией, и эволюцией биосферы в целом, должен сыграть решающую роль в становлении ноосферы.

Философия коллективного разума начала создаваться Н. Н. Моисеевым, у которого мы видим систематическую разработку этого понятия. Он считал, что коллективный разум может вывести человечество из экологического тупика, изменить массовое общественное сознание, внедрив в него экологический и нравственный императивы [6, с. 19]. Н. Н. Моисеев определяет коллективный разум как системное свойство, появляющееся при объединении индивидуальных разумов людей [6, с. 181].

Объединение человечества совершалось постепенно и происходило по следующим ступеням, которые могут быть рассмотрены как формы коллективного сознания: община — род — племя — народность — народ — нация — объединение наций — глобальное человечество.

В жизни человечества выделяются три волны или революции: неолитическая, индустриальная, информационная [19, р. XX]. Основным занятием человека первой волны (неолитической) был труд на земле. Вторая волна ознаменовала переход от мускульной силы к индустриальному производству. Третья волна развивает информационное общество, экономику знаний. Растет доля занятых в непроизводственном секторе — в социальной сфере, в сфере производства и переработки информации. Все большее значение приобретают наука, философские искания, культура в целом. Растет понимание, что смысл жизни — в совершенствовании сознания, создании достойных условий для жизни и развития каждого человека, каждого народа.

В результате можно сделать вывод, что в наше время началась *антропологическая (ноосферно-антропологическая) революция*. Истинной ценностью общества становится человек. Он является главной составной частью производительных сил — вместо капитала, а совершенствование человека становится главной целью всей деятельности человека — политической, экономической и культурной.

По В. И. Вернадскому, человек «становится все более независимым от других форм жизни и эволюционирует к новому жизненному проявлению» [2, с. 463]. В другой книге он писал: «*Homo Sapiens* не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ» [3, с. 69]. На наш взгляд, этот новый человек будет обладать не столько новой физиологи-

ей, сколько сознанием нового типа — целостным ноосферным сознанием. Поэтому переход к ноосферному сознанию можно назвать человеческой революцией [7, с. 228].

Развивающееся единство человечества невозможно без единого планетарного общечеловеческого сознания, так же как единое сознание невозможно без действительного единства человечества.

Целостность ноосферного сознания. Проблемы формирования ноосферного сознания в соотнесении с ноосферной реальностью исследовал Г. С. Смирнов. Ноосферное сознание — «это действительное единство экологического глобального общечеловеческого культурного сознания цивилизованного человечества» [11, с. 134]. «В первом приближении процесс становления ноосферного сознания предстает как движение от природоохранного к экологическому, а затем от экологического сознания в разноуровневых проявлениях к биосферному и ноосферному сознанию» [11, с. 135]. Ноосферное сознание формируется как «оптимизация и гармонизация уровней природного и социального, естественного и искусственного, биосферного и техносферного, духовного и материального» [11, с. 115]. Ноосферное сознание «выполняет важную функцию самоорганизации ноосферы, выступает основой, определяющей будущее человеческой цивилизации» [11, с. 129]. Ноосферное сознание — это глобальное планетарное сознание, оно объединяет людей независимо от их национальных, классовых, экономических или культурных различий [Там же].

Как отмечает Г. С. Смирнов, «глобализация сознания на сегодняшний момент представляет собой доминанту интенсивного развития ноосферного сознания» [11, с. 150]. Глобализация и ноосферизация сознания на глобальном уровне происходят в процессе разрешения глобальных проблем современности [11, с. 161—162]. Глобальное ноосферное сознание является и общечеловеческим сознанием, оно есть «форма ненасильственного, толерантного, консенсусного, конвергентного утверждения согласия в материальном и духовном бытии цивилизации» [11, с. 178].

Ноосферное сознание основывается на достаточной полноте знания, синтезе философии, религии, искусства и науки, а также на универсальном знании (знании о мире и человеке в его всеохватности по масштабу и глубине) [11, с. 193—197].

Целостность ноосферного сознания как одна из его важнейших характеристик проистекает из «социокультурного и космопланетарного контекста» и проявляется «в разлитости сознания и охвате посредством разумной человеческой деятельности единой ноосферной реальности», «в конвергенции национальных культур», «в действительном соединении четырех главных ипостасей духовной культуры», в признании всеобщих человеческих ценностей, «в формировании социальных механизмов становления и развития системы сознания цивилизованного человечества» [11, с. 192].

Важным аспектом целостности ноосферного сознания является ноосферный императив. «Ноосферный императив может быть сформулирован следующим образом: благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо человека — конечная цель. Ноосферный императив рассматривает человека, общество и природу как единую целостную систему, делает акцент на их общечеловеческое, глобально-планетарное содержание, а ноосферу — как квинтэссенцию духовной и материальной культуры, функционирующей в мировом Универсуме» [11, с. 225].

Целостность ноосферного сознания включает преодоление глобальных проблем (противоречий) современности на основе синтеза культуры, формирования целостного универсумно-ноосферного мировоззрения.

Целостность индивидуального сознания. Ноосферное сознание обладает двумя противоположными и взаимно дополнительными формами: глобальной и индивидуальной. Все, что было сказано о глобальном ноосферном сознании, относится и к индивидуальному сознанию, поскольку глобальные проблемы современности непосредственно затрагивают каждого человека. Но индивидуальное сознание имеет и свои особенности.

Для того чтобы ответить на вопросы целостности индивидуально-личностного сознания, рассмотрим структуру личности. Сознание объединяет три характеристики системы (вещественные, энергетические и информационные), выходя за их рамки. Кроме этих факторов, сознание включает также систему ценностей, нахождение целей, новых идей. Нас интересует именно субъективная сторона организации личности. Применяя системный подход, получаем следующую структуру: сознание личности как целое (системный уровень) состоит из ума (концепт системы), психики (энергетические структуры) и физического тела как совокупности органов чувств (субстрат). Человек становится личностью в процессе воспитания, образования, социализации в целом. Целостность личности развивается постепенно и имеет разные стадии. Между тремя частями личности возникают противоречия, которые З. Фрейд называл комплексами: нестыковки между умом и психикой, психикой и телом (мозгом и чувствами), мозгом и умом. Также пробелы в развитии присутствуют и внутри каждой структуры. В сознании личности возникают разрывы, которые ощущаются как дисгармония, стрессы, раздражение, невозможность выполнить определенную работу и т. п. Преодолевая эти противоречия, человек достигает более целостного и уравновешенного сознания.

В настоящее время психология вырабатывает способы замостить эти разрывы (например, психоанализ, аутотренинг, самовнушение, медитация, дыхательная гимнастика и др.). Но главное, на наш взгляд, процессы ноосферного образования и становления ноосферного мировоззрения, работа ума в целом. Необходимо запустить процесс работы сознания в направлении ум — психика — действие, в соответствии с основным ноосферным законом: информация — энергия — вещество, так должно происходить у ноосферной личности. На ранних стадиях эволюции человек был частью природы и главным в системе личности была энергетическая составляющая: энергия — информация — действие. Человек не мыслил, и личности в современном понимании не было. После окончания осевого времени началось развитие понятийного мышления и быстрое развитие личностного сознания, и сегодня процесс интеграции личности благодаря образованию, интенсивному образу жизни, процессам информатизации стал массовым, началось становление ноосферного сознания.

Планетаризация сознания. Философия планетаризма (Я. В. Рейзема) основана на циклической эволюции Универсума, который создает мыслящие миры планет и солнечных систем. На планете создается общечеловеческий разум, являющийся частью планетарного разума, в который входят царства природы. Главное средство его созидания — метафорическая энергия текстов высокого порядка. «Планетарный разум подразделяется на *планетарно-космический, собственно земной природный, культурно-цивилизационный разум*», разум животных, растений, цивилизаций [10, с. 25—26].

Тейяр де Шарден писал о слиянии человечества в точке Омега, которое завершает историческое развитие человека [16, с. 203], о сверхорганическом единстве, планетизации человечества [16, с. 186, 193]. Он считал, что «человеческая история развивается между двумя критическими точками мышления (одной — низшей и индивидуальной, другой — высшей и коллективной)» [16, с. 225]. Ноогенез движется в сторону космогенеза через коллективную ступень мышления [16, с. 232]. Главной силой слияния человечества в одно целое является сила любви — составная часть духовной энергии.

В истории человечества можно выделить три основных стадии развития сознания. Д. Радьяр, как и многие другие исследователи, утверждает, что мы живем в эпоху необратимого перехода от национально-культурного сознания к глобальному планетарному сознанию [8, с. 15]. Исходной фазой развития человека «было родоплеменное общество, действующее как биопсихический “организм”, управляемый квазиинстинктивными и принудительными повелениями» [8, с. 242]. На следующей стадии развивается личность с эгоистическим сознанием, и вся нынешняя культура находится на этом уровне. На третьем этапе, который сейчас начинается, сознание становится сверхличным, общечеловеческим и планетарным, возвращает себе утраченную полноту сознания, но на более высоком уровне — с сохранением индивидуального сознания [Там же]. Это коллективное сознание характеризуется космической сонастройкой [8, с. 181], интуитивным восприятием, этикой целостности, непосредственным ощущением Единства [8, с. 273].

Здесь мы видим противоречивый путь развития сознания, подчиняющийся закону отрицания отрицания: тезис — антитезис и их синтез. На каждом этапе пртиворечия двигали развитие сознания в сторону большей целостности, затем начинался новый этап развития и новые противоречия.

Закономерности становления ноосферного сознания. В системе биосферы главную роль играет энергия, она определяет движение информации и вещества. В ноосфере ведущая роль переходит к информации, в соответствии с основным ноосферным законом (И. В. Дмитревская): информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество [4, с. 27—28]. Основной семиотический закон (Д. Г. Смирнов) показывает возвратное движение: «вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывается в информацию» [13, с. 103], тем самым замыкая круговорот вещества — энергии — информации в ноосфере.

Другим важным законом является закон единения. Русский ученый В. В. Докучаев, учитель В. И. Вернадского, считал, что в природе не все определяется борьбой за существование, более важное место играет закон единения, содружества. В достаточно больших пространствах почвы живое вещество и неорганическая материя дополняют друг друга [17, с. 189]. В XX веке, когда появилось учение о биоценозах, стало ясно, что в них все существа взаимосвязаны. Когда одно звено гибнет, разрушается весь биоценоз. Если закон единения имеет огромное значение для жизни, то такое же значение он имеет и для разума. Пришло время, когда человечество должно сознательно применить этот закон в своей жизни.

Объединение народов всего мира стало возможным после достижения определенного уровня мирового развития и после страданий двух мировых войн. Созданную в 1945 г. Организацию Объединенных Наций Н. Н. Моисеев рассматривает как прообраз коллективного разума человечества. Этот объ-

единенный разум пока находится в стадии развития. Ему не хватает силы проведения решений в жизнь. В деятельности мирового сообщества проявился очень важный феномен — консенсус, когда важные решения подготавливаются, ищутся формулировки, устраивающие все стороны, и решение принимается без голосования [5, с. 321—331]. Такой способ выработки решений связан с процессами единения человечества.

Таким образом, диалектика (основной закон) может быть рассмотрена как логика развития целостности (единства), что соответствует основным тенденциям нашего времени к синтезу, интеграции и единству человечества, социально-экономической и культурной жизни. Противоречия показывают достигнутый уровень целостности и направление, в котором эта целостность развивается, а разрешение противоречий есть способ осуществления единства.

Основное противоречие ноосферного развития — между материальными и духовными сторонами жизни общества — решается становлением ноосферного общества и ноосферного сознания. Ноосферное сознание — это новая целостность, которая необходима для решения глобальных проблем современности и основного противоречия ноосферного развития, так же как и само ноосферное сознание является результатом решения этих проблем, ноосферных конфликтов и противоречий.

Целостность ноосферного сознания обеспечивается становлением и развитием ноосферного мировоззрения, глобального универсального мышления, экологическим, нравственным и ноосферным императивами, этикой целостности, действиями основного ноосферного и основного семиотического законов, закона единения.

Библиографический список

1. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Антонов Николай Павлович. Философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. С. 200—232.
2. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г. П. Аксенов. М. : Современник, 1993. С. 462—520.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с.
4. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. Ч. 1. 158 с.
5. М'Боу А.-М. Время народов : сб. ст. : пер с фр. М. : Междунар. отношения, 1985. 336 с.
6. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2001. 200 с.
7. Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985. 312 с.
8. Радьяр Д. Планетаризация сознания. М. : Ваклер, 1995. 304 с.
9. Реалии ноосферного развития : материалы межгос. науч.-практ. конф. «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия», Иваново, 21—23 мая 2003 г. М. : Ноосфера, 2003. 396 с.
10. Сиверц ван Рейзема Я. В. Философия планетаризма. Планетарный разум земной цивилизации. М. : Новое тысячелетие, 2005. 592 с.
11. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
12. Смирнов Г. С. Интеллигенция как фактор разрешения ноосферных конфликтов // Реалии ноосферного развития. М. : Ноосфера, 2003. 396 с.

13. Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума. Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.
14. Соловьев В. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Алгоритм, 2012. 656 с.
15. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 140—288.
16. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
17. Федоров В. М. Биосфера — земледелие — человечество. М. : Агропромиздат, 1990. 237 с.
18. Цанн-кай-си Ф. В. Философия как теоретическое мировоззрение : курс лекций. 2-е изд., доп. и перераб., 2009. 442 с.
19. Toffler A. Powershift. N. Y. : Bantam books, 1990. 177 p.

ББК 87.212.1

П. Е. Калинин

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ СЕНСОРНО-ПЕРЦЕПТИВНОЙ АКТИВНОСТИ СОЗНАНИЯ

Рассматривается одна из основных особенностей сенсорно-перцептивной деятельности сознания — пространственно-временная обусловленность последней. Намечаются пути присвоения перцептивным феноменам сознания свойств, носящих пространственно-временной характер. Решение данной проблемы предлагается при помощи выделения у феноменов сознания квазипространственных и квазивременных свойств по аналогии со свойствами квазичастиц в современном естествознании, которые объединяют в себе дискретные и континуальные основания.

Ключевые слова: сознание, пространство-время сознания, сенсорно-перцептивная деятельность.

The article deals with one of the main features of the sensory-perceptual activity of consciousness — the space-time dependence of the latter. Ways of assigning perceptual phenomena of consciousness bearing properties of space-time nature are outlined. The solution of this problem is proposed by assigning the phenomena of consciousness and the quasi-spatial and quasi-time properties similar to the quasi-particles in the natural sciences, which combine discrete and continual basis.

Key words: consciousness, space-time consciousness, sensory-perceptual activity.

Начальным этапом всякого анализа пространственно-временных аспектов восприятия должно быть исследование пространственно-временной организации ощущений. Так, Л. М. Веккер при анализе структуры ощущений приходит к заключению, что «исходной характеристикой пространственно-временной структуры ощущения, детерминирующей в качестве своих производных собственно пространственные и собственно временные ее компоненты, должно быть отображение движения как единого пространственно-временного свойства объектов, отображаемых в ощущении» [4, с. 49].

Отличительным признаком, позволяющим судить о взаимозависимости пространственных и временных компонентов в ощущениях, является симулирование сукцессивного ряда поступающей сенсорной информации при слуховом, зрительном и кинестетико-тактильном восприятии внешней реальности.

© Калинин П. Е., 2012

• Серия «Гуманитарные науки»

Наиболее отчетливо влияние пространственно-временных характеристик внешнего мира на формирование статико-динамических структур сознания проявляется при восприятии движения. Одну из главных ролей в онтогенетическом развитии восприятию движения отводит Б. Г. Ананьев [1, с. 230]. Об этом говорил и Р. Л. Грегори, указывая на немаловажную роль движения при восприятии предметов [9, с. 159].

Необходимость рассмотрения пространственно-временных эффектов при восприятии вытекает из пространственно-временного характера свойств воспринимаемых предметов и явлений. Л. М. Веккер выделяет следующие свойства воспринимаемых предметов: «...пространственные, временные свойства макрообъектов, а также особенности их движения. Сюда относятся, например, форма, длительность, величина, скорость, объем, ускорение, ритм движения и т. д. <...> ...Пространственные свойства: форма, площадь, объем, длина, направление и т. д.» (все воспринятое здесь может являться следом самого свойства предмета, само свойство имеет физический носитель); «...свойства, характеризующие предметы и явления со стороны времени и движения: длительность, последовательность, скорость, ускорение и т. д.» [4, с. 59].

По мнению Л. М. Веккера, движение может проявляться и восприниматься только посредством построения другого движения, в нашей интерпретации внешняя пространственно-временная структура может быть воспринята только путем организации внутренних пространственно-временных динамически устойчивых «квантов» активности.

Исходя из первоначального значения восприятия движения, следует отметить, что внутренние пространство и время сознания формируются в процессе организации внутреннего «движения» (динамики сознания), при помощи которого организуются перцептивные образы. В данном контексте необходимо вспомнить о фундаментальном законе сохранения движения, который проявляется в физике в виде сохранения мер движения — энергии и импульса. В контексте данного исследования закон сохранения движения может быть рассмотрен следующим образом: некое внешнее изменение (движение) вызывает в сознании человека характерное движение-отклик, результатом которого является формирование перцептивного образа. Такой образ может быть трансформирован и изменен под действием внутренних факторов.

Родственную мысль можно найти в концепции А. Бергсона, который писал, что «головной мозг не изготавливает представления, а только усложняет взаимосвязь между полученным движением (возбуждением) и выполненным движением (ответом)» (цит. по: [12, с. 239]). Способность сознания формировать дискретизированный, выделенный образ в процессе перцептивной деятельности, в результате осуществления структурообразующих координаций взаимодействия, может быть приписана внутреннему пространству-времени сознания, которое представляет собой (онтолого-гносеологическое) статико-динамичное образование сознания.

Еще А. А. Ухтомский заметил, что «интегральный образ, который сейчас переживается нами, например восприятие человеческого лица, — лучше сказать, само человеческое лицо, которое сейчас перед нашими глазами, — это определенно творимый и интегрируемый образ во времени, и лишь потом вторично мы начинаем полагать его как законченно-неподвижную форму в пространстве» [17, с. 322].

Таким образом, можно говорить о наличии определенных статико-динамичных (пространственно-временных) структур, упорядочивающих информацию, полученную в результате перцептивной деятельности.

В пользу существования подобных образований свидетельствуют экспериментальные данные современной психологии, преимущественно представленные в рамках гештальт-психологии в трудах таких известных психологов, как М. Вертхаймер, В. Келер, К. Коффка, К. Левин, Г. Фольквельт. Основным достижением исследований в гештальт-психологии является доказательство того факта, что восприятие строится в виде целостных конфигураций и не является простой суммой ощущений.

В рамках исследований гештальт-психологов были обнаружены несколько факторов, которые располагают к восприятию некоторой совокупности элементов как единого целого: «...1) фактор близости; 2) фактор замкнутости; 3) фактор хорошей формы; 4) фактор коллективного движения; 5) фактор однородности» [4, с. 79].

Эти факторы со всей очевидностью свидетельствуют о присутствии в сознании геометрическо-динамических образований, которые преобразуют и структурируют поступающую информацию.

Существование таких образований можно определить в области «чистого сознания», до какого-либо восприятия. Их структура определяется действием базовых «структурообразующих координаций» «чистого сознания». Такие «структурообразующие координации» сознания могут быть многослойными и включать в себя различные уровни организации геометрическо-динамических образований, которые преобразуют определенный вид информации.

При первом рассмотрении можно выделить следующие типы таких образований: 1) сенсорно-перцептивные образования; 2) когнитивно-ментальные образования (фреймы, фокусы, прототипы и т. д.); 3) вербальные структуры (умозаключения, суждения, тексты); 4) эмоционально-смысловые структуры; 5) волевые образования.

Сенсорно-перцептивные структуры могут выступать в роли определенных фильтров (матриц) восприятия, которые организуют поступающую информацию. Необходимо отметить, что статико-динамичные (пространственно-временные) принципы организации слоя, в котором существуют сенсорно-перцептивные образования, должны отвечать их внутреннему устройству.

Схожую интерпретацию в нейрофизиологии можно найти у А. А. Ухтомского в описании действия доминанты: «...для того, чтобы поступок вообще мог совершиться, мы неизбежно абстрагируемся от целостной реальности, преломляем ее через наши доминанты. Мы можем воспринимать лишь то и тех, к чему и к кому подготовлены наши доминанты, т. е. наше поведение. Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть» [17, с. 352—353]. Иными словами, доминанта рассматривается как механизм, обеспечивающий сознательное, целенаправленное действие человека в мире, и одновременно как орган его осуществления, «собирающий» человека в единство действия [13, с. 30—43].

В данном контексте можно говорить о том, что само устройство сенсорно-перцептивного слоя структурирует поступающую информацию таким образом, что последняя организуется в целостные ансамбли. Образы, сформированные на данном уровне, составляют определенное замкнутое единство.

Исходя из факторов, представленных выше, можно определить общую структуру сенсорно-перцептивного слоя сознания, которая определяется следующими принципами: 1) принципом минимизации расстояний; 2) принципом топологического единства [4, с. 80]. Смыкаются друг с другом элементы, нахо-

дящиеся в отношении n -мерного единства: одномерного, как пространственного, так и временного (замкнутая линия, одинаковая временная последовательность), или многомерного (симметрии пространственные и временные).

Следующим уровнем организации сознания является уровень представлений, на котором осуществляется построение обобщенных, или вторичных, образов. Такие образы начинают существовать в статико-динамичном слое второго уровня, который, тем не менее, связан со слоем первого перцептивного уровня.

Структурно-геометрическое строение статико-динамичной организации этого уровня удовлетворяет следующим принципам: 1) расщепления — расщепления образа на составляющие; 2) взаимопроникновения пространственных и временных компонент (временная последовательность превращается в единовременную, пространственную); 3) перехода от геометрии к топологии (обобщение временных и пространственных компонент).

Особую проблему представляет описание восприятия отношений, которое подразумевает анализ различных признаков предметов, их сравнение. Как было обозначено выше, в основной своей массе воспринимаемые явления носят пространственный или временной характер. В свою очередь, отношения сходства и различия организуются, генерируются самим человеком или просто узнаются человеком, так как потенциальная возможность реализации, воплощения данного вида деятельности (сравнение) уже присутствует в человеке. Это связано с тем, что в данном контексте «чистое сознание» может быть рассмотрено как возможность, некая потенция, скрытая в человеке.

Исходя из континуально-дискретных представлений о сознании, можно определить основные элементы, из которых будет строиться все разнообразие явлений сознания.

Наличие континуальной составляющей сознания позволяет в качестве метафоры наделять феномены сознания гармоничными характеристиками и представить их в качестве особых гармоничных квазиобразований. В качестве примера можно привести тот факт, что в сознании наблюдаются определенные динамичные образования, обладающие ритмичным строением, которые может воспринимать и порождать Я человека. Такими феноменами являются музыка, текст и другие образования, наделенные гармоничным внутренним строением.

Стоит отметить, что во всем, что производит человек, есть внутренняя и внешняя гармония. С античных времен под гармонией понимались какие-либо симметричные отношения. Такие симметричные отношения находят свое выражение не только в архитектуре, живописи, музыке, но и в строении языка [14] и текста [16].

Представление деятельности сознания в виде статико-динамичной совокупности гармоничных образований различного рода косвенно подтверждается данными современной нейрофизиологии и нейропсихологии. Н. Н. Даниловой и Н. Б. Быковой показана роль высокочастотной ритмической активности мозга — гамма-ритма (свыше 40 Гц) — в обеспечении процессов внимания [11].

Более того, само наличие ритмических составляющих в нервной системе подтолкнуло А. А. Ухтомского к формированию идеи доминанты: «Тот момент в парабозе, когда качественно одни и те же раздражающие импульсы в одном и том же субстрате закладывают и подкрепляют то возбуждение, то торможение в зависимости от ритма, с которым они падают на субстрат, и

от ритма, с которым субстрат способен на них отвечать, привел... к утверждению принципа доминанты» [17, с. 197].

Академиком М. Н. Ливановым было установлено, что «информация в мозге кодируется в виде ритмической активности нервных ансамблей. “Музыку мозга” исполняет оркестр, состоящий из большого числа групп нервных клеток, каждая из которых ведет свою партию, вливающуюся в общий поток гармоничной (а при болезни и дисгармоничной) работы мозга» [6, с. 833].

Наблюдаемые в работе головного мозга ритмы делятся на несколько групп: 1) дельта — от 1 до 4 Hz; 2) тета — от 4 до 8 Hz; 3) альфа — от 8 до 13 Hz; 4) бета — от 14 до 40 Hz. Доказано, что каждая из групп активности коррелирует с определенными состояниями сознания. Например, бета-волны генерируются мозгом человека в тот момент, когда последний находится в состоянии бодрствования или тревожном состоянии сознания, альфа-волны проявляются в период сенсорного покоя, умственной релаксации, тета-волны ассоциируются с «сумеречным» состоянием сознания в момент засыпания, дельта-волны появляются в период глубокого сна.

Обозначенные выше состояния сознания можно вызвать, если подавать на рецепторно-сенсорную систему человека аудио-визуальную информацию, в структуре которой будут наблюдаться компоненты данных частот [10, с. 31—40].

В пользу представления явлений сознания в качестве специфических ритмических квазиобразований говорит тот факт, что «как отдельные нейроны, так и их ансамбли и даже нервные центры в целом одновременно участвуют в нескольких процессах» [5, с. 115]. Подобным образом один и тот же участок кристалла участвует во всем спектре колебательных процессов, отображающихся в поведении квазичастиц.

Ритмическую, динамическую составляющую сознания в качестве основной выделял А. Белый. Он утверждал, что «сознание — не “предмет” в познавательном смысле, а лава восстания предметов из целого; сознание не предметно; оно — вне-предметно (до- и после-предметно); “до”, “после” — влагаемо в целое» [2, с. 15]. Сознание, по его мнению, дано нам до всякого знания, т. к. в его круге все понятия, мысли, идеи даны в сплетении с миром чувств и воли. И переживания сознания имеют всевозможные виды и формы — рассудочные, волевые и чувственные. Сознание перед А. Белым встает как некое первичное единое образование, из которого проявляются суждения, мысли, чувства.

В своем исследовании ритмической составляющей поэтического текста Белый обнаружил «факт удивительного совпадения дыхания и выдыхания (паузы и ударения) со смыслом» [2, с. 426]. Более того, он утверждал, что «ритм стихотворения — это жест смысла, но смысла, понятого не в обычно психическом (мифическом или абстрактном) взятии, но проецируемого как целое “души” стихотворения и его “тела” (осязаемой формы); но целое души и тела есть дух. Ритм — аккомпанируя духовному смыслу, есть напечатание этого смысла на форме, на теле» [2, с. 430]. В его понимании смысл стихотворения отпечатывается, задерживается, живет в ритме произведения, а движение, ритм — одна из основных составляющих в его трактовке сознания и мысли.

Предположение о присутствии характерных ритмических образований в сознании может быть основано на наличии сложной иерархической структуры головного мозга, поскольку, согласно современным естественнонаучным представлениям, в сложноорганизованной структуре возможно возникновение гармоничных квазиобразований.

Основным примером квазиобразований в современной физике служит квазичастица, рассматриваемая как элементарное периодическое возбуждение в структуре и состояниях вещества. Она одновременно является и волной, и частицей, распространена по всему кристаллу и может быть локализована на каком-то узле кристаллической решетки [8, с. 110—120].

Квазичастица, являясь коллективным образованием, связана со всеми частицами данной системы, и в этом ее непрерывность; в то же время она носитель определенных дискретных порций энергии и импульса.

Наличие квазичастиц определяется особой структурной (пространственной) организацией среды, в которой они возникают. Прежде всего, нужно отметить одно важное положение, согласно которому квазичастицы существуют лишь в среде, обладающей (хотя бы приближенно, как, например, жидкости) периодичностью структуры, а также в той среде, где могут происходить периодические процессы.

Исходя из предложенной выше континуально-дискретной структуры сознания, следует отметить тот факт, что квазичастица представляет собой единство континуального и дискретного. «В этом плане дискретность квазичастицы состоит в локализации ее в пространстве и времени именно в том смысле, что она находится “здесь” в определенное “теперь”. Непрерывность же ее как волны выражается в том, что для нее все “здесь” и все “теперь” слиты друг с другом, что у нее нет пространственно-временной локализации. Эти свойства дискретности и непрерывности в силу всеобщности пространства, времени и движения как атрибутов материи также имеют всеобщее значение» [8, с. 117].

Наличие ритмичных — волновых, периодичных — образований является следствием континуально-дискретного строения среды, и сама периодичность квазиобразований связывает континуальные и дискретные элементы в той среде, в которой они возникают. Периодичность в структуре объектов и периодичность происходящих в них изменений являются необходимыми условиями проявления единства дискретных и непрерывных сторон в волновых процессах, протекающих в этой среде. Другими словами, в периодичности волновых процессов заложены и дискретные моменты. Периодичность и дискретность взаимосвязаны. Периодичность можно рассматривать с двух сторон: как проявление дискретности и как особое проявление непрерывности.

Присутствие в сознании континуально-дискретной структуры позволяет отнести представленные выше гармоник к особого рода квазичастицам, обладающим пространственно-временной структурой, существующим в мозге и на уровне сознания представляющим всевозможные феномены последнего.

Данные квазичастицы можно определить как пространственно-временные кванты (события) сознания. Дело в том, что в контексте представления сознания как континуально-дискретного единства всевозможные состояния сознания можно рассматривать как различные проявления его временной формы, в которой объединены континуальные и дискретные элементы сознания, поскольку «время есть единство прерывности и непрерывности. Непрерывность — это сохранение данного качества в процессе определенного количественного изменения. Прерывность — это изменение качественного состояния в существовании вещи, процесса, явления» [7, с. 28—29].

Если сознание представить как сумму гармоник, как область гармоничных образований, то восприятие различных гармоничных образований (произведений искусства) будет производиться путем резонирования образова-

ний, наличных в сознании, с внешними гармониками и заключаться в порождении новых ритмов в сознании.

О важности резонансных взаимодействий в работе нервной ткани рассуждал еще А. А. Ухтомский: «Как раз тот момент, когда поднимающаяся рабочая ритмика ткани начнет совпадать во времени с ритмикою отправления импульсов из станции стимулирующей, мы и будем иметь наилучшие условия для изохронного возбуждения и подкрепления возбуждений между центрами в порядке резонанса» [17, с. 195].

Данное структурно-гармоничное взаимодействие человека и мира возможно описать в терминах различных «длительностей» А. Бергсона [3, с. 93]. Если принять теорию А. Бергсона о длительности за одну из характеристик сознания, то следующим направлением исследований должно стать наделение данной длительности всевозможными характеристиками. Общую длительность сознания, его «длание», означающее непрерывную деятельность, происходящую в сознании, необходимо дифференцировать, разбить на множество взаимосвязанных длительностей, которые могли бы существовать и взаимодействовать в едином сознании.

Следовательно, сознание можно представить как набор всевозможных длительностей, которые и будут выражены в виде явлений, в основе которых лежит единая гармоничная, периодическая или, другими словами, пространственно-временная структура.

Такой подход может быть описан с помощью предложенного выше понятийного аппарата. Представляя время как динамическую составляющую «структурообразующих координаций взаимодействия» в сознании, можно предположить, что данная динамическая структура расщепляется на более мелкие изоморфные друг другу подструктуры. Данные подструктуры придают ритмичную или гармоничную основу явлениям сознания. Феномены сознания, проявляясь на поверхностном уровне осознания в виде образов, идей, представлений, на глубинном подсознательном уровне взаимодействуют на основе своей периодичной (гармоничной) природы.

Подведем промежуточный итог: глубинный уровень сознания в гносеологическом представлении может быть определен как некий пространственно-временной континуум, являющийся носителем первоначальных гармоник. Гармоничные образования в качестве первоосновы сознания обладают внутренней организованностью и должны быть рассмотрены как относительно инвариантные образования. В противном случае сознание, точнее его состояния, не смогло бы быть столь устойчивым к внешним воздействиям и условиям.

Данные гармоничные образования (уже в онтологическом представлении) являются не чем иным, как особой формой длительности сознания и процессирующей составляющей статико-динамичных «структурообразующих координаций», которые находятся в области «чистого сознания».

Гармоники, свойственные сознанию, представляются преимущественно виртуальными объектами, т. к. «виртуальный объект реален (но не актуален и поэтому не может восприниматься в пространственных категориях), имеет собственную онтологию в составе полиномичной парадигмы, способен порождать другую реальность, отличающуюся от самой порождающей, и содержит в себе, как единое, все потенциальные актуализации (генеративность)» [15, с. 49]. «Чистые» гармоники, являющиеся «возмущениями» «чистого сознания», способны к порождению всевозможных феноменов сознания, которые могут отличаться как от первоначально породивших их гармоник, так и друг от друга. Порожденные

феномены приобретают пространственно-топологический характер: каждый из феноменов содержит в себе потенциально все остальные.

Таким образом, сознание на глубинном онтолого-гносеологическом уровне возможно представить как «каркас», состоящий из различных пространственно-временных «рамок» (иными словами, схем «чистого созерцания» И. Канта), которые заполняются чувственным содержанием.

Стоит отметить, что Я порождает определенные пространственно-временные схемы только при наличии необходимого феномена, являющегося единством статико-динамических схем и чувственных основ (рецепторных данных).

Вывод, который можно сделать в связи с вышесказанным, заключается в возможности выделения в сознании особых гармоничных квазиобразований, возникновение которых определяется континуально-дискретной структурой сознания и наличием определенных пространственно-временных образований, являющихся следствием деятельности «структурообразующих координат» взаимодействий феноменов сознания.

Необходимо подчеркнуть онтолого-гносеологический характер выделенных выше квазиобразований. Данное двойственное представление квазиобразований следует из вывода об их наличии в сознании вследствие его континуально-дискретной (гносеологической) структуры, а также вследствие наличия статико-динамических образований (онтологической стороны), которым в дальнейшем приписывается периодический, гармоничный характер. Онтологическую основу квазиобразованиям придают обнаруженные в нейрофизиологических исследованиях ритмические паттерны нейродинамической активности головного мозга.

Особо стоит подчеркнуть многомерность пространства-времени сознания. Различным измерениям пространства-времени соответствуют особые формы квазиобразований, представляющие собой разномасштабные «искривления» единого пространства-времени сознания. Проявляющиеся подобным образом гармоники сознания носят организующий характер по отношению к чувственному материалу (чувственной ткани).

Таким образом, квазиобразования в структуре сознания могут пониматься как особая система «квантов» пространственно-временной организации континуума сознания, вследствие чего они и наделяются онтолого-гносеологическими характеристиками.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М. : Педагогика, 1960. 486 с.
2. *Белый А.* Душа самосознающая. М. : Канон+, 1999. 560 с.
3. *Бергсон А.* Опыты о непосредственных данных сознания // Собр. соч. : в 4 т. М. : Моск. клуб, 1992. Т. 1. С. 50—156.
4. *Веккер Л. М.* Единая теория психических процессов. М. : Смысл, 1998. 685 с.
5. *Владимирский Б. М.* Собственное время и информационные процессы в нервной системе // Причинная механика Н. А. Козырева сегодня: pro et contra : сб. науч. тр. Шахты : ЮРГУЭС, 2004. С. 110—116.
6. Гармония ритмов мозга : к 100-летию со дня рождения академика М. Н. Ливанова // Вестн. РАН. 2007. Т. 77, № 9. С. 831—842.
7. *Готт В. С.* Философские вопросы современной физики. М. : Высш. шк., 1972. 415 с.
8. *Готт В. С., Перетури А. Ф.* Квазичастицы в физике и единство дискретности и непрерывности // Вопр. философии. 1968. № 7. С. 110—120.
9. *Грегори Р. Л.* Разумный глаз / пер. с англ. А. И. Когана. М. : Едиториал УРСС, 2003. 237 с.

10. Данилова Н. Н. Перестройка биотоков мозга человека при раздражении световыми мельканиями, близкими по частоте к альфа-ритму, в процессе развития сонного торможения // *Вопр. электрофизиологии и энцефалографии*. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 31—40.
11. Данилова Н. Н., Быкова Н. Б. Роль частотно-специфических кодов в процессах внимания // *А. Р. Лурия и психология XXI века : докл. 2-й междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Р. Лурия*. М. : Смысл, 2003. С. 290—295.
12. Делез Ж. Бергсонизм : пер. с фр. М. : Пер Сэ, 2001. 480 с.
13. Каликанов С. В. Философское содержание учения А. А. Ухтомского о доминанте // *Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия*. 2003. № 1. С. 30—43.
14. Карпов В. А. Язык как система. Изд. 2-е, испр. М. : Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
15. Кудряшова Т. Б. Онтология языков познания : в 2 ч. Иваново : Иваново, 2005. Ч. 1. 316 с.
16. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М. : URSS, 2010. 296 с.
17. Ухтомский А. А. Доминанта : статьи разных лет, 1887—1939. СПб. : Питер, 2002. 448 с.

ББК 60.023

Д. Г. Смирнов

ЙОХАННЕСБУРГ+10: ПРЕДЧУВСТВИЕ НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ

Анализируется десятилетие, прошедшее со времени экосаммита 2002 года. Показано, что ноосферное развитие человеческой цивилизации может быть рассмотрено как аттрактор мирового устойчивого развития.

Ключевые слова: ноосферная история, клиоптимизм, вернадскианское возрождение, реалии ноосферного развития, ноосферная революция.

The decade which has passed since Ecosummit of 2002 is analyzed. It is shown that noospheric development of a human civilization can be considered as an attractor of the world sustainable development process.

Key words: noospheric history, kliooptimism, vernadski's renaissance, realities of the noospheric development, noospheric revolution.

До сих пор история человечества и история его духовных проявлений изучается как самодовлеющее явление, свободно и незакономерно проявляющееся на земной поверхности, в окружающей среде, как нечто ей чуждое.

В. И. Вернадский

Начало нового — третьего — тысячелетия ознаменовалось не только вновь обозначившими себя эсхатологическими ожиданиями, выразившимися в представлении о «конце истории», «последнем человеке», но и появлением моделей клиоптимизма и клиогностицизма. Шаги экологического императивизма, как показывает экологическая история, измеряются десятилетиями: по аналогии с получившей распространение формулой «РИО+10» можно

говорить о шаге «ЙО+10». Знаковой в этом отношении является статья патриарха Римского клуба Денниса Медоуза, который спустя 40 лет после выхода в свет своих «Пределов роста» делает неутешительный прогноз: «В течение ближайших двадцати лет мир ожидает больше драматических перемен, чем за все прошедшее столетие» [16, с. 62].

Космическая история планеты Земля представляется нам не только как движущаяся вещественность (корпускула), невидимой силой толкающая общество вперед и оставляющая едва уловимый след; она имеет и иную, духовную, полевую, «волновую» природу, которая с течением времени оказывается все более заметной.

Пафос Просвещения был девальвирован XX столетием, но информационная эпоха и общество знаний конца прошлого века все более свидетельствуют о начале Нового Просвещения. Убедительным свидетельством предугадываемости этой новой формации человеческой цивилизации служат глубокие прозрения П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского о ноосфере.

Ноосферный оптимизм — весьма существенный феномен социальной жизни начала XXI века. Он с трудом пробивается сквозь многообразные формы индивидуального и группового эгоизма, антиэкологического безумия, охватившего техноквилизацию в XX веке. Мысли о «конце истории» напрямую связаны с ощущением тупика, в который зашла техногенная цивилизация настоящего. Ориентация на новые аттракторы бытия — повод увидеть в сумерках мира если не «светлое будущее», то и не «конец истории» [45]. Очень вероятно, что настоящая история человечества еще только начинается и эта история — история ноосферная.

В своей последней работе «Несколько слов о ноосфере» В. И. Вернадский отчетливо выразил мысль о том, что после окончания Второй мировой войны человечество вступит в эпоху ноосферы. Иногда эту мысль рассматривают в контексте других его идей о «начале ноосферы» в разные эпохи истории человечества, однако мысль о ноосферной эпохе второй половины XX века заслуживает особого внимания именно потому, что это своего рода ноосферное завещание «стране и миру».

Вехи: три саммита Земли

За последние 40 лет человечество так и не смогло выйти на орбиту устойчивого развития — «мировая система находится далеко за пределами роста».

Исторические волны второй половины XX века и самого начала века XXI задаются экологическими саммитами 1972 года (Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме), 1992 года (Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, более известная как Саммит Земли) и 2002 года (Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге)¹.

Широкое распространение термин «устойчивое развитие» получил после публикации в 1987 году доклада «Наше общее будущее», подготовленного специально созданной Международной комиссией по окружающей среде и развитию, которую возглавляла тогда премьер-министр Норвегии Гру Харлем Брунтланд. Фактически же идея устойчивого развития зародилась на первой конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде, кото-

¹ Обзор литературы по проблемам глобального и регионального устойчивого развития см.: [28, с. 236—246].

рая проходила в Стокгольме в 1972 году. Уже тогда была отмечена связь экономического и социального развития с проблемами окружающей среды. Подобному пониманию положения вещей способствовали и научные доклады Римского клуба (в частности, доклад «Пределы роста»), в которых были сформулированы идеи перехода человеческой цивилизации от экспоненциального экономического роста к состоянию «глобального динамического равновесия».

Переломным моментом для всего мирового сообщества в этом процессе стал Саммит Земли в Рио-де-Жанейро, состоявшийся в 1992 году. Впервые представители 180 государств на самом высоком уровне продемонстрировали способность сообща реагировать на вызовы времени и грозящие человечеству опасности. Основным документом саммита — «Повестка дня на XXI век» — адекватно отразил переход развития мирового сообщества на основы экономической эффективности, социальной защищенности и экологической безопасности. Процесс, начатый в Рио-де-Жанейро, дал толчок для консолидации усилий всех цивилизационно ответственных слоев человечества — государств и правительств, ученых и философов, общественности и предпринимательских кругов — по разработке концепции устойчивого, бескризисного развития цивилизации.

Саммит в Рио-де-Жанейро был весьма знаковым событием в силу того, что он мог стать поворотным шагом в истории человечества, однако выбор этого аттрактора по целому ряду причин не состоялся. (В 1992 году Россия также выбирала стратегию развития, но отважиться на выбор ориентации экологического благосостояния ей было еще не под силу. Мировое развитие пошло другим — экстенсивным — путем. Через 10 лет оказалось, что экологические иллюзии отложены для России на достаточно долгую перспективу.)

Всемирный саммит по устойчивому развитию 2002 года (ВСУР) был призван стать третьим шагом на пути разрешения системного кризиса человеческой цивилизации. В этом грандиозном по всем меркам событии от нашей страны принимала участие не только официальная правительственная делегация, которую возглавлял премьер-министр России Михаил Касьянов, но и некоторые общественные организации. Неправительственный экологический фонд им. В. И. Вернадского, созданный в 1995 году, спустя три года после конференции в Рио-де-Жанейро, стал одной из немногих российских неправительственных организаций, аккредитованных Организацией Объединенных Наций на саммите, и принимал участие во всех мероприятиях, проходивших в рамках ВСУРа.

На встрече глав государств и правительств генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном было выделено пять приоритетных сфер устойчивого развития, на которых саммит и сосредоточил особое внимание: вода и канализация, энергетика, здравоохранение, сельское хозяйство, биоразнообразие и управление экосистемами.

Фактически же главной проблемой саммита стала проблема бедности и богатства («севера» и «юга»). Последние 10 лет показали, что этот неожиданный поворот был неслучайным: мир уже вползал в затяжной кризис, который был отсрочен распадом СССР.

Стало ясно, что для понимания философской проблемы устойчивого развития следует переходить на синергичную методологию, предполагающую приоритет общественной самоорганизации.

Именно этот последний саммит вызвал всплеск не столько активности государственных структур стран — членов ООН, сколько отклик мировой общественности, что выразилось в организации, наряду с официальными

встречами глав государств и правительств, Всемирного гражданского форума (Global People's Forum), призванного отражать взгляды и интересы в основном неправительственных организаций.

На саммите ясно обозначилась разница в подходах к решению экологических проблем между правительственными и неправительственными структурами. Если первые делают ставку на объективные экономические моменты, то последние отдают приоритет субъективным моментам: воспитанию и образованию. Различие заключается еще и в том, что государства говорят и спорят о том, чего еще не существует, а неправительственные организации имеют под своими заявлениями солидный практический фундамент.

Не нужно думать, что саммит стал в истории экологического движения «большим провалом» или «тощим саммитом», как его определяли некоторые средства массовой информации. Скорее всего, его следует рассматривать как закономерный этап в развитии концепции глобального устойчивого развития. К тому же уже по определению глобальные решения саммита просто невозможно моментально воплотить в жизнь на локальном уровне, тем более такому сложному макроорганизму, как государство.

Полемика вокруг глобальных проблем современности, начавшаяся еще в преддверии этого знакового события, продолжилась и после его завершения. 18—19 сентября 2002 года в Федерации мира и согласия в Москве прошел круглый стол «По горячим следам Саммита РИО+10». 24 сентября в Комитете по устойчивому развитию Государственной думы прошел симпозиум по аналогичной тематике. В первой декаде октября Правительство Российской Федерации совместно с Российской академией наук, общественным объединением «Движение Землян», Росавиакосмосом провело круглый стол на тему «Мировоззрение устойчивого развития» по итогам Саммита Земли (РИО+10) в Йоханнесбурге. Волна от этого интеллектуального общекультурного взрыва стала расходиться по стране.

Однако мировой кризис 2008 года отодвинул в сторону стратегию глобального поворота. Стало очевидным, что 40 лет осмысления проблемы устойчивого развития зафиксировали два аттрактора движения: первый — «стратегия золотого миллиарда», второй — чрезвычайно сложный — «стратегия ноосферного развития». Становится явным, что сейчас начинается процесс перехода от первой парадигмы ко второй; если использовать термин Т. Куна, совершается своеобразная мировоззренческая революция — в этой связи, наверное, правомерно говорить, что настало время «ноосферной революции», хотя, конечно, для констатации этого еще мало эмпирических фактов.

Все отчетливее реальность ноосферной революции будет становиться по мере того, как Россия окажется, наконец, в состоянии выступить «перекидным мостом» между Востоком и Западом, о чем в последнее время много говорят ученые евразийской ориентации.

Вернадскианское возрождение

Формирование ноосферной парадигмы устойчивого развития в России не в последнюю очередь было обусловлено тем, что в 2003 году научная общественность готовилась к празднованию 140-летия со дня рождения российского ученого, философа Владимира Ивановича Вернадского (1963—1945).

В. И. Вернадский всей своей жизнью утверждал лишь одну позицию — позицию клиоптимизма. Даже в самые суровые моменты Второй мировой

войны он был убежден, что «дело Гитлера» безнадежно, поскольку не отвечает естественному ходу всей геологической истории Земли. Именно в этом и усматривается (или угадывается) его понимание ноосферности истории как истории неостанавливающегося роста мысли (для него преимущественно научной).

Это свойство ноосферности истории (а его понимание может колебаться в определенных пределах) может быть обнаружено и в перипетиях конкретно-исторического процесса современности.

Именно с именем В. И. Вернадского следует связывать отечественную традицию «устойчивого мирового существования» — идею, сформулированную им в 1911 году [7, с. 179], более чем за 75 лет до публикации в 1987 году доклада специально созданной Международной комиссии по окружающей среде и развитию, после которой термин «устойчивое развитие» получил мировую популярность. Думается, что именно представление мыслителя об «устойчивом мировом существовании» легло в основу возникших позднее учения о переходе биосферы в ноосферу и концепции ноосферы.

Была своя попытка осмысления реалий ноосферного развития и на Ивановской земле. Именно в Иванове в 1983 году по инициативе Николая Павловича Антонова (в то время заведующего кафедрой философии Ивановского государственного университета) была организована и прошла первая в СССР конференция, посвященная учению о переходе биосферы в ноосферу [44], которая поставила в центр внимания «учение о сущности ноосферы и закономерностях ее становления» [2, с. 199].

Вокруг 2003 года концентрируется большое количество конференций, симпозиумов, семинаров, заседаний различного уровня [6], участники которых предлагают новый общенаучный взгляд (порой достаточно критический) на учение о переходе биосферы в ноосферу с позиций постнеклассической картины мира. В это время публикуется много монографических исследований [1, 10, 14, 20, 24, 31, 40], научных и публицистических статей ([8, 23, 42]; см. также [9, 11, 35]), сборников научных трудов [6, 21] и материалов конференций [19, 22, 25, 26, 27, 29, 30, 41]; защищаются диссертации [4, 17] и начинается работа над новыми [15, 37]. Таким образом, в начале XXI века российская научная общественность сформулировала свое собственное (отчасти автохтонное) видение мирового существования и предложила путь ноосферного развития страны в новом тысячелетии.

В целом интеллектуальная история России показала, что устойчивое развитие следует рассматривать как модус развития ноосферного, модус (в формально логическом смысле), в котором итог, или финал (вывод), не следует с необходимостью по причине неправильности соотнесения исходных посылок «предпосылочного знания» — реалий ноосферного развития.

Реалии ноосферного развития

Размышлениями над этими реалиями открывается одноименный сборник материалов конференции «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия», состоявшейся 21—23 мая 2003 года в Иванове [27]. Автор материала, предваряющего сборник, формулирует пять реалий ноосферного развития, с которыми (или, вернее, в которых) придется существовать человеческой цивилизации. Первая реалья — экономический ноосферный конфликт между «севером» и «югом», преодо-

ление которого создает предпосылки к становлению единопланетной, целостной формы бытия консолидированного человечества. Вторая реалия — духовный ноосферный конфликт как цивилизационное столкновение, выходом из которого может стать только создание общечеловеческого мировоззрения. Третья реалия — космический ноосферный конфликт между техносферным и космобиосферным развитием. Четвертая — антропологический ноосферный конфликт, задаваемый траекториями «культурной сапиентации» и «компьютерной цефализации», детищем которого должен стать ноосферный человек. И наконец, пятая реалия — семиотический ноосферный конфликт, заключающийся в расхождении между реально-данностью и духовно-виртуальностью, требующий культурно-образовательной революции.

Даже поверхностный анализ современного состояния дел показывает, что реалии стали реальностью, причем более пугающей, чем это могло показаться на первый взгляд. К сожалению, государство не приняло ноосферный аттрактор в качестве концепта стратегии развития. И страну повернуло в другое русло, что, в конечном итоге, привело к 2008-му, а затем и к 2012 году. Конфликтогенность не только не ослабла, но, напротив, усилилась: перманентный экономический кризис, столкновения разноуровневых идентичностей, неутрачиваемые стихийные катаклизмы, возрастающая специализация (семиотическая редукция) «человека символического», культурная и образовательная деградация. Во всех этих ответвлениях древа социальной жизни ее «напор» (воспользуемся здесь терминологией П. Тейяра де Шардена) ослабевает, что провоцирует ухудшение ситуации в целом — ноосфера вступает в век глобальных катастроф [33].

В последние годы сформулированы существенные выводы, касающиеся трудностей ноосферного развития. Следует признать, что значительную часть идей можно свести к идее А. Г. Маленкова о том, что «главное препятствие на пути ноосферного перехода — общественное сознание общества потребления» [18, с. 350]. Вместе с тем автор утверждает, что «в XX веке была проведена необходимая для перехода на ноосферный путь развития научно-теоретическая работа» [18, с. 205], формулирует мысль о «ноосферном человеке» («*homo noospheric*») как важнейшем условии ноосферного развития.

Несколько слов о ноосферной истории

Ноосферный прибой последних десятилетий в России и за рубежом [46] позволяет говорить о волнах ноосферного развития в истории человечества. В начале XXI века противоречивость в мировом развитии обещает серьезные испытания не только для стратегии устойчивого развития, но и для развития цивилизации в целом.

Ноосферная история — термин, претендующий на задание максимально широкого смысла истории. Ноосферная история в контексте философского (онто-гносеологического) дискурса предстает как единый процесс: с одной стороны, как онтологический процесс *развертывания материи в формы духа*, а с другой — как гносеологический процесс *подстраивания материи под формы духа* или *подчинения материи формам духа*. Такая постановка проблемы предполагает обращение также к аксиологической и праксиологической составляющим бытия человека в мире. В этом случае ноосферная история представляет собой процесс *обустройства мира под формы духа* [34, № 1, с. 4], то

есть процесс трансформации материального бытия под конкретно-исторические формы сознательной деятельности людей.

Ноосферная история [34, 36, 38, 39] современности предстает тремя волнами: экономической, экологической и антропологической. Волны эти диахронны, то есть не совпадают в частотах, по времени своих «приливов». Экономическая и экологическая волны находятся в противофазах, а антропологическая волна занимает своеобразное срединное место, выравнивающее крайности.

Не нужно представлять себе ноосферную историю упрощенно — как торжество разума в некотором утопическом финале истории. На самом деле ноосферная история длится вне зависимости от нашего желания и фантазии. Для того чтобы понять, что представляет собой модель ноосферной истории, представим ветвящуюся древовидную графику (ризому, куст, дерево). Ветви дерева развиваются по-разному: одни — более интенсивно, другие — менее, иные и вовсе засыхают и отмирают. Ноосферная история всегда предполагает усложнение субстрата, на котором она реализуется. Это эмпирическое обобщение имеет фундаментальные основания как в растительном и животном мире, так и в мире социума. Рост разума и сознания всегда предполагает «цветущую сложность». Если сложность достигает в каком-то ответвлении эволюции предела, то ноосферная динамика останавливается, но не прекращается, ища новые пути усложнения универсума.

Настоящий философ, а В. И. Вернадский относится к мыслителям именно такого масштаба, тем и отличается от своих коллег по цеху, что обладает способностью не только констатировать сущность цивилизационного кризиса, но и видеть (определять) траектории, по которым человечество сможет выйти на новый виток новой, поистине ноосферной истории.

Библиографический список

1. *Адамов А. К.* Ноосферная республика Россия: теория и практика развития. Саратов : Изд-во СГУ, 2001. 265 с.
2. *Аксенов Г. П., Антонов Н. П., Тугаринов И. А.* Год Вернадского // В. И. Вернадский и современность. М. : Наука, 1986. 232 с.
3. *Барлыбаев Х. А.* Интеллектуально-гуманистическая (ноосферная) формация — закономерное будущее человечества. М. : Изд-во РАГС, 2010. 77 с.
4. *Брагин А. В.* Онтологический аспект ноосферного соотношения мира и человека : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2003. 37 с.
5. В. И. Вернадский и современность : материалы торжеств. заседания, посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Вернадского. М. : Ноосфера, 2003. 348 с.
6. В. И. Вернадский и современность. М. : Наука, 1986. 232 с.
7. *Вернадский В. И.* Разгром // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 179—181.
8. Вестник РАЕН. 2003. Т. 3, № 1 : Развитие научных идей В. И. Вернадского. 88 с.
9. *Данилова В. С., Кожевников В. Н.* Естественнонаучные и философские аспекты ноосферогенеза // Филос. исслед. 2001. № 1. С. 159—175.
10. *Димитриев А. В.* Ноосферный вектор развития человечества. Чебоксары : Клио, 2003. 104 с.
11. *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Системный анализ ноосферной динамики России // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2000. Вып. 2. С. 14—33.
12. *Иванов А. В.* Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул : Изд-во АГАУ, 2010. 133 с.
13. *Иманов Г. М.* Ноосферная философия глобальной модернизации. СПб. : Изд-во МФИН, 2011. 284 с.

14. *Казначеев В. П., Трофимов А. В.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск : Наука, 2004. 312 с.
15. *Коваленко С. В.* Философско-антропологические проблемы ноосферогенеза : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2005. 36 с.
16. *Костина Г., Оганесян Т.* Мало не покажется // Эксперт. 2012. № 16. С. 62—66.
17. *Кузнецов М. А.* Философские основания ноосферного мировоззрения : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2001. 32 с.
18. *Маленков А. Г.* Ноосфера и человек ноосферы. М. : Маджерик, 2009. 367 с.
19. Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Природные ресурсы и учение В. И. Вернадского — основа устойчивого развития цивилизации», Тамбов—Моршанск—Ивановка—Вернадовка, 6—8 июня 2003 года. Тамбов : Тамбовский ИПК, 2003. 245 с.
20. *Моисеев Н. Н.* Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2001. 200 с.
21. На пути к устойчивому развитию России : навстречу Всемирному Саммиту в г. Йоханнесбурге : сб. ст. М. : Ноосфера, 2002. 628 с.
22. Научное наследие В. И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации : докл. межгос. конф., Крым, 23—25 мая 2001 г. М. : Ноосфера, 2001. 468 с.
23. Ноосфера. 2003. № 16 (Тематический номер). 61 с.
24. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы / *И. В. Дмитриевская, А. Н. Портнов, Г. С. Смирнов // Ноосферные исследования.* Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 1. 158 с. ; Вып. 2. 177 с.
25. Ноосферное образование в России : материалы межгос. науч.-практ. конф., Иваново, 3—5 окт. 2001 г. : в 2 т. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. Т. 1. 251 с. ; Т. 2. 274 с.
26. Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX века : материалы междунар. науч. конф., Иваново, 20—21 дек. 2000 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2000. Ч. 1. 273 с.
27. Реалии ноосферного развития : материалы межгос. науч.-практ. конф. «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия», Иваново, 21—23 мая 2003 г. М. : Ноосфера, 2003. 395 с.
28. Региональное устойчивое развитие: комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф., Иваново, 22—24 нояб. 2006 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. 252 с.
29. Ресурсы ноосферного движения : материалы междунар. конф. «Междисциплинарное взаимодействие при исследовании фундаментальных и прикладных проблем ноосферного развития: методологическое, информационное и организационное обеспечение». М. : ГЕОС, 2000. Вып. 1. 230 с.
30. Российская интеллигенция и ноосферная динамика : материалы XII междунар. науч.-теорет. конф. «Духовность интеллигенции как фактор устойчивого развития общества», Иваново, 20—22 сент. 2001 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. 132 с.
31. *Сафрошкин Ю. В.* Ноосферное развитие и земная ноосфера. Ульяновск : Изд-во УлГТУ, 2004. 195 с.
32. *Сафрошкин Ю. В.* Системный аттрактор ноосферного будущего и его отражение в национальной идее России. Ульяновск : Изд-во УлГТУ, 2011. 127 с.
33. *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 74—92.
34. *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3—21 ; № 2. С. 4—28.
35. *Смирнов Г. С.* Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник РАЕН. 2003. Т. 3. № 1. С. 57—64.

36. Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ипостаси ноосферной истории // Вестн. высш. учеб. заведений. Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.
37. Смирнов Д. Г. The noospheric mission of Russia in the development of the mankind = Ноосферная миссия России в развитии человеческой цивилизации. М. : Ноосфера, 2002. 36 с.
38. Смирнов Д. Г. Восхождение сознания к разуму: онтогенез и филогенез в ноосферной истории // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2011. Вып. 2. С. 11—26.
39. Смирнов Д. Г. Живая ноосферная история : (по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова) // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 25—35.
40. Смирнов Д. Г. Философско-методологический анализ взаимодействия ноосферы и семиосферы : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2005. 23 с.
41. Социально-философские аспекты ноосферной динамики России : материалы междунар. науч. конф. «Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX века», Иваново, 20—21 декабря 2000 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2000. Ч. 2. 162 с.
42. Труды Клуба ученых «Глобальный мир», 2002 г. М. : Новый век, 2003. Т. 3. 248 с.
43. Урсул А. Д. Переход к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М. : Ноосфера, 1998. 500 с.
44. Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение : в 2 т. М. : Наука, 1990. Т. 1. 236 с. ; Т. 2. 236 с.
45. Янин А. Л. Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. С. 489—502.
46. *LaRouche L. H.* The Economics of the Noösphere: Why Lyndon LaRouche is the world successful economic forecaster of the past four decades. Washington (D. C.) : EIR New Service Inc., 2001. 327 p.

РЕЦЕНЗИИ

О. М. Карпова

Рец. на кн.: **Languages for Specific Purposes in Theory and Practice / ed. by A. Akbarov.** Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. 332 p.

Коллективная монография под редакцией А. Акбарова посвящена проблемам теории и практики обучения иностранным языкам (главным образом английскому) в различных европейских странах и Японии. Хотя в ее названии обозначены языки для специальных целей (которые предполагают изучение в первую очередь терминологии), статьи большинства авторов (за редким исключением) описывают теоретические и практические вопросы, связанные с дескриптивной, сравнительной и прикладной лингвистикой, где акцент делается на новых подходах к обучению иностранным языкам.

Коллективная монография имеет две главы. Гл. 1 *Descriptive Linguistics* включает два раздела: *Discourses Analyses & Comparative Linguistics*, в которых представлено всего три статьи. Следует отметить, что первый раздел объединяет, казалось бы, разные темы. Однако их связывает тема политического дискурса, которая проявляется на уровне разных коммуникантов, их действий и устремлений.

М. Сиврич в статье *Women Soldiers and Male Nurses: Adjustment of Gender Identity* на материале Боснии и Герцеговины рассматривает сходства и различия речевого общения двух гендерных групп: женщин-солдат и мужчин-медбратьев. Это первая попытка не только описать социальный портрет этих личностей, но и выделить особенности их языка, начиная от обычного общения и заканчивая попыткой создать речевые портреты женщин и мужчин, работающих в сфере, не характерной для этих представителей разного пола. Все выводы автор делает на основе анализа ответов информантов из указанных стран, с которыми не всегда можно согласиться. Во-первых, представляется небольшим само число респондентов; во-вторых, не все выводы автора можно принять. Особенно это касается употребления женщинами оскорбительной лексики. На них, как указывает автор, влияет окружение и, соответственно, склонность носителей этих профессий к нетрадиционной сексуальной ориентации в связи с особенностями деятельности.

В данный раздел помещена статья *A Postmodern Study of Doris Lessing's The Golden Notebook in the Light of Jean-Francois Lyotard's Ideas* трех авторов, Ш. Каяий и других, где речь идет о произведении нобелевского лауреата

© Карпова О. М., 2012

2007 г. Д. Лессинг «The Golden Notebook». Дается подробный литературоведческий анализ всех частей книги. Авторы делают акцент на коммунистической идее, которой «заражена» главная героиня, чьи ожидания в конечном итоге превращаются в хаос и терпят крах.

Раздел *Comparative Linguistics* включает статью А. Брадиич *Perceived Lexical Similarities between L2 Italian and L3 English in the Reading Comprehension of Croatian-Italian Bilingual EFL Learners*, посвященную сравнительно-сопоставительному анализу лексических сходств итальянского и английского языков в хорватско-итальянской двуязычной школе. Результаты собраны в информативных таблицах (с. 38—42), а выводы основываются на изучении более 60 предметов, которые преподаются в хорватских школах на итальянском языке. Автор утверждает, что хорватско-итальянское двуязычие основано на тесных межкультурных связях и имеет много сходств в языке общения.

Гл. 2 *Applied Linguistics* состоит из четырех разделов: *Language Development* (три статьи); *Language Assessment* (две статьи); *Language Acquisition* (девять статей); *Language Education* (одиннадцать статей).

Раздел *Language Development* объединяет статьи по проблемам современной методики преподавания иностранных языков в иноязычной аудитории.

М. Е. Галаверна в статье *The Role of Language in the Process of Social Integration: from the Ancient Cena Trimalchionis to the Contemporary World* выдвигает идею анализа древних классических текстов на основе современных социолингвистических и когнитивных подходов, предлагая «плодотворный диалог между классицизмом и современностью» (*fruitful dialogue between classicism and the present*). Она считает свой подход к анализу древних текстов надежным, новаторским и убедительно доказывает свою точку зрения на материале латинского произведения «Cena Trimalchionis», которое анализируется с позиции лингвистического, социолингвистического, экстралингвистического, семиотическо-культурного, текстологического и металингвистического уровней.

А. Боснак в статье *Fostering the Development of Analytical and Critical Thinking Skills in an Undergraduate Reading Course* поднимает важные вопросы, связанные прежде всего с обучением чтению студентов выделяя «критическое чтение» (*critical reading*) в качестве ведущего компонента в обучении. Автор также акцентирует внимание преподавателей иностранных языков на извечной проблеме, связанной с обучением составлению креативных вопросов (*creative questions*).

Дж. Мак-Кэон и М. Дибол в статье *Building a Community of Shared Practice through Educational Cultural Convergence* описывают опыт преподавания английского языка в Сингапуре и Бахрейне с учетом гендерных особенностей слушателей. Рассматривается стратегия обучения английскому языку (*Professional Development*) в условиях межкультурной коммуникации, разработанная в этих странах до 2030 г.

Раздел *Language Assessment* открывается статьей И. Пекканли *Mentor Feedback for the Professionalism of the Teacher Candidate* на материале исследования оценки качества преподавания в турецких университетах. Приводятся данные социологического исследования по таким критериям оценки преподавания, как *mentor effectiveness*, *mentor openness*, *mentor support* и т. д. Эти и другие моменты должны учитываться при подготовке учителей иностранного языка. Девиз «Teaching is a challenge» необходимо использовать как направление подготовки специалистов в деятельности преподавателя.

Г. Вишневецкая в статье *Revision Books in ESP: Myths and Reality* обращает внимание на суть термина ESP и дает его определения, взятые у различных авторов. Термин рассматривается в аспекте обучения языкам для специальных целей. В этой связи автор предлагает обзор учебников по ESP, многие из которых должны быть пересмотрены, т. к. не удовлетворяют запросам и нуждам студентов. Автор выбирает для анализа самоучители английского языка, востребованность которых изучается с помощью анкетирования студентов и преподавателей. Полученные результаты и выводы могут быть полезны преподавателям английского языка не только в неязыковых вузах, но и на филологических факультетах университетов.

Подраздел *Language Acquisition* включает девять статей. Статья турецких авторов А. Сарикобан и других *Using Literature in EFL Classes: the Short Story* носит ярко выраженный методический характер и знакомит читателя с обзором традиционных и новых методов обучения английской литературе (на материале коротких рассказов) в студенческой аудитории. Авторы предлагают свой алгоритм анализа коротких рассказов, который отличается новизной подхода и хорошо иллюстрирован в шести таблицах. К сожалению, статья не имеет выводов, необходимых по закону жанра.

А. Ефтич в статье *Ambiguity in Foreign Language Acquisition and Role of Language Aptitude* поднимает серьезные проблемы, связанные с современным когнитивным подходом к обучению иностранным языкам. Статья, однако, выделяется весьма сложным стилем изложения, излишне теоретизирована, что отличает ее от всех других практически ориентированных статей.

Дж. И. Текес в статье *Have Them Move, See and Speak!* рассматривает шесть грамматических игр, направленных на оптимизацию обучения грамматике, которые представляются оригинальными и вполне могут широко использоваться на занятиях по обучению грамматике. Эта работа, как и предыдущая, предназначена учителям младших классов средней школы.

Объектом изучения С. Селик в статье *An Overview of Case Studies about the Influence of Multiple Intelligences on Teaching Language* являются особенности интеллектуального развития детей, которые обеспечивают эффективное усвоение материала по иностранному языку на начальной ступени обучения иностранному языку. Выводы авторов заслуживают внимания педагогов, занимающихся обучением иностранному языку детей.

Статья Е. Дрльевик *Nastava Leksike Stranog Jezila Na Akademskim Studijama* написана на сербском языке. Ее можно отнести к новым исследованиям по обучению итальянской лексики в сербских университетах. К сожалению, остальные детали исследования остаются непонятными читателю. Видимо, включение статей на иностранном языке в англоязычную монографию не представляется удачным и значительно сужает круг читателей.

А. Памуку и другие в статье *Cognitive Process of Writing For Second Language Young Learners* поднимают одну из важнейших проблем методики преподавания иностранного языка — проблему обучения письменной коммуникации. Однако авторы статьи вряд ли внесли что-то новое в решение этой проблемы. Их выводы сводятся лишь к признанию этой проблемы как ведущей в обучении иностранному языку и не предлагают каких-либо кардинальных решений.

Статья Дж. Пата *Teaching Tourism Terminology: English “Adjectival Tourisms” of the “Adjective + Tourism” Type* посвящена актуальному вопросу обучения английской терминологии туризма, которая сегодня в связи с глобали-

зацией особенно часто рассматривается в различных исследованиях. Объектом изучения автора данной статьи является словосочетание терминов по модели *Adjective + Tourism* и включают все возможные словосочетания такого рода. Среди них: *aboriginal tourism, accessible tourism, active tourism* и т. д. Более того, каждое словосочетание имеет толкования (с. 177—183), например: **halal tourism** — a new product in the tourism industry which provides holiday destinations for Muslim families who abide by Sharia rules.

На мой взгляд, эта статья, в отличие от многих других, соответствует названию коллективной монографии и содержит ценный практический материал для широкого круга читателей. Поскольку сам автор представляет Румынию, интересными являются выводы по аналогичным словосочетаниям в румынском языке (с. 184). Более того, весьма информативен и список интернет-адресов по туризму, приведенный в заключении (с. 184—186), который может быть полезен любому заинтересованному лицу.

В статье В. Манцур *Film Making and Language Learning* рассматривается методика обучения иностранному языку посредством фильмов (*film making*). Автор предлагает собственное программное обеспечение курса и ряд модулей, которые направлены на оптимизацию обучения устной речи. Эта работа представляет особый интерес еще и потому, что методика была апробирована в студенческой аудитории и показала положительные результаты.

М. Арслан в статье *Second Language Acquisition in the Context of Informal Education* продолжает тему использования мультимедийных средств при обучении иностранному языку. Особое внимание уделяется неформальным телевизионным программам, компьютерным и интернет-ресурсам, которые имеются в распоряжении преподавателей английского языка в Боснии и Герцеговине. Автор приводит результаты исследования, в котором получает убедительные данные об эффективности изучения студентами неформального стиля общения посредством электронной почты, участия в чатах и т. п. М. Арслан утверждает, что с появлением Интернета обучение английскому языку резко изменилось в положительную сторону, и предлагает собственные стратегии, которые заслуживают внимания преподавателей и студентов. О глубине исследования свидетельствует и информативный список литературы, который может быть рекомендован для дальнейшего изучения поднятых вопросов.

На мой взгляд, наиболее интересные статьи собраны в разделе *Language Education*. Так, М. Таккач и другие в статье *The Effects of the Syllabus, Methods and Teaching Styles of Foreign Language Courses on the Achievements and Attitudes of Students* подняли актуальные вопросы перестройки курса обучения английскому языку на основании анкетирования студентов и преподавателей, в результате которого получили важные сведения по изменению курса обучения в современных условиях. Особый интерес вызывают спорные и негативные оценки студентов при анализе структуры курса и деятельности преподавателя, которые, безусловно, необходимо учитывать при обучении английскому языку в иноязычной аудитории.

К. Брайтон в статье *The Challenge of Intercultural Communicative Competence for Polish Learners* на материале опросов польских студентов, проживающих в городах и сельской местности, исследует проблемы межкультурной коммуникации в области политики, образования и семьи. Особое внимание уделяется общению студентов в Интернете. Полученные результаты автор предлагает изучить Совету Европы, т. к. они являются

особо актуальными для программы «Erasmus», принятой в европейской системе высшего образования.

М. Асгари в статье *The Role of Using Current Issues of Interest on Vocabulary Learning* продолжает тему использования интернет-ресурсов в обучении иранских студентов английскому языку с акцентом на расширение вокабуляра студентов. Автор приводит схему статистического анализа пройденных тестов, представляет анализ послетестовых действий и предлагает свою собственную методику обучения английской лексике. В заключение автор призывает преподавателей учитывать такие критерии, как аутентичность, мотивация и интерес, необходимые при отборе лексики и изучении английского словоупотребления. Однако, несмотря на большое число респондентов (студентов) и обширный материал, автору явно не хватило ясности изложения при описании полученных результатов.

Г. Картал и другие в статье *Teachers; Professional Development Tools: Importance and Usage* рассматривают важный вопрос о профессиональном росте преподавателя английского языка в глобализованном мире, акцентируя внимание на новых возможностях, которые открываются перед преподавателями английского языка в современном мире. Это семинары, создание портфолио учителя, групп по интересам, самообследования и другие возможности, которые направлены на профессиональное развитие преподавательского состава. Авторы приводят массу данных по этим вопросам и проводят их подробный анализ, выделяя «вызов» (*challenge*) как основную мотивацию повышения квалификации преподавателя в Турции.

С. Сарач в статье *Being an English Teacher in Turkey: Future Teachers' Perspectives* продолжает тему изучения портрета преподавателя английского языка в Турции с трех позиций: что такое учитель вообще? учитель английского языка в частности? и учитель английского языка в Турции? Предлагая свой метод описания портрета преподавателя, автор опирается на такие параметры оценки личности, как терпение, преданность профессии, современность и т. д. Статья, безусловно, представляет интерес для широкого круга преподавателей иностранных языков.

М. Софтич *Cultural Diversity as a Key Factor in Planning Foreign Language Teaching Policy in Bosnia and Herzegovina* на материале студентов из Герцеговины и Боснии показывает культурные различия (*cultural diversity*) в группах обучающихся английскому языку, определяя национальную идентичность как ведущий фактор в процессе обучения. Речь идет о разнице в религии, нормах поведения, моральных ценностях представителей различных национальных групп. Политика образования в этих странах направлена на то, чтобы данные факторы учитывались в процессе обучения различным предметам, в том числе и английскому языку, где знание культуры и обычаев студентов во многом определяют успешность образовательного процесса в многонациональных государствах.

Б. Демонт в статье *Foreign Language Teaching Methodology in the Context of Sociocultural Distance* продолжает тему изучения взаимосвязи культуры и обучения иностранным языкам. Объектом исследования стали студенты университета Киото, изучающие итальянский язык как иностранный, и японцы, изучающие иностранный язык в Генуе. Респонденты отбирались как представители западной и восточной культур, которые различаются средствами невербальной коммуникации и особенностями поведения, которые необходимо учитывать в процессе обучения итальянскому языку.

В статье И. Данкич *Student "Resistance" to Reflection: Pre-service Teacher Training at the Mostar University, Bosnia and Herzegovina* представлены результаты изучения процесса обучения английскому языку в Университете Мостар. Автор критикует практику обучения английскому языку в этом университете, указывая на недочеты социокультурного характера, присутствующие в учебном процессе. Иными словами, на примере данного университета показаны неверные ориентиры, выстроенные преподавателем в учебном процессе.

Статья Е. Картал *French Foreign Language Teacher Candidates' Evaluation of the Computer Assisted Language Teaching Course* посвящена описанию разработанного в одном из турецких университетов курса обучения французскому языку, что вызывает особое одобрение, поскольку проблемы обучения французскому языку все реже обсуждаются в литературе в связи с доминирующей ролью английского языка в мире как языка международного общения. Апробация компьютерного курса проводилась в 2007—2008 гг. и 2010 г. Собранные данные обрабатывались по оригинальной авторской методике, которая вполне может использоваться и в дальнейших аналогичных исследованиях на материале других иностранных языков. Выявленные с помощью опроса студентов недостатки курса будут учтены при модификации курса.

В статье А. Пирич *Adult Education: Using Motivating Strategies and Techniques* анализируется мотивация преподавателя, обучающего взрослых людей иностранному языку. Несмотря на тот факт, что проблема мотивации обучаемых изучена довольно подробно, автор предлагает обратить особое внимание на мотивацию самого преподавателя. Статья носит чисто теоретический характер, а выводы автора могут быть полезны преподавателям иностранных языков, работающим со взрослой аудиторией.

У Дж. М. О. Кабанас статья *Do We Need a Specific Grammar for Non-canonical Expressions? A Description and Analysis of Definitions of Some NC Constituents* посвящена актуальной теме — так называемым неформальным идиоматическим выражениям (*informal idioms*) в английском и испанском языках, которые трудно воспринимаются иностранцами. Автор стремится разрешить эту проблему с помощью комментариев и помет во избежание коммуникационных ошибок.

В заключение отмечу следующие моменты:

1) название коллективной монографии «**Languages for Specific Purposes in Theory and Practice**», безусловно, предполагает рассмотрение прежде всего терминов различных предметных областей. Однако редактор объединил здесь статьи, которые вряд ли уместно помещать под таким названием. В первую очередь замечание относится к первому разделу, где собраны статьи по гендерной и литературоведческой тематике;

2) в связи с этим не вполне удачно распределение статей по главам и разделам. Если глава 1 содержит лишь три статьи, в главе 2 выделено четыре раздела, среди которых разделы *Language Development* и *Language Assessment* включают лишь пять статей, а два последних — двадцать;

3) в заголовке коллективной монографии присутствуют слова «Theory and Practice». Однако порядок подачи статей не всегда удобен для читателя, поскольку чисто практические статьи, которые, безусловно, доминируют в работе, «перемежаются» ярко выраженными теоретическими трудами, требующими от читателя более глубоких знаний.

К сожалению, данная монография структурирована недостаточно четко.

Указанные замечания не снижают общей положительной оценки издания, впервые рассматривающего проблемы обучения не только английскому, но и итальянскому, французскому и другим иностранным языкам в таких странах, как Герцеговина, Босния, Турция, Румыния, Иран, о состоянии обучения иностранному языку в которых известно совсем немного. Вот почему ценность данной коллективной монографии не вызывает сомнений.

С. А. Маник

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Рец. на кн.: **Specialised Languages in the Global Village : a Multi-perspective Approach / ed. by C. Pèrez-Llantada, M. Watson.** Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. 298 p.

Статус языков для специальных целей (Language for Specialised Purposes — LSP), особенно в эпоху мировой экспансии культурно-просветительных мероприятий для обеспечения успешного международного функционирования и сотрудничества, является одним из ключевых вопросов научной дискуссии в последние десятилетия. Поднимаются многочисленные теоретические и практические проблемы LSP, в частности виды коммуникаций в различных профессиональных и институциональных областях, приобретение и совершенствование коммуникативной компетенции при изучении иностранного языка, развитие как лингвистических, так и культурологических знаний, а также восприимчивость к особенностям международного и межкультурного общения. В коллективной монографии «Specialised Languages in the Global Village: a Multi-perspective Approach» под редакцией Кармен Перез-Ллантада и Мейды Уотсон собраны работы, посвященные вопросам влияния глобализации на межкультурную коммуникацию в профессиональных сообществах. Бесспорно, современные языки играют значительную роль в процессе такого общения, но английский язык традиционно является языком лингва-франка в международной коммуникации по всему миру.

Монография представляет собой сборник научных трудов, опубликованный в издательстве «Cambridge Scholars Publishing», по материалам Первого Международного семинара по языкам (1st International Seminar on Languages — A Global Approach), проведенного в Университете Саламанки в Авилье (Испания) с 5 по 6 июня 2009 г. совместно с Университетом Сарагосы (Испания) и Международным университетом штата Флорида (США).

Необходимо подчеркнуть, что многосторонний подход к изучению LSP данной монографии основывается на догмах прикладной лингвистики XXI в., поскольку по своей сути он отражает относительно новые, но уже ключевые, социокультурные направления: возрастающую междисциплинарность, мно-

© Маник С. А., 2012

гочисленность и разнообразие. LSP является самостоятельным направлением прикладной лингвистики и включает как с исследовательской, так и педагогической стороны четыре стратегические области, отмеченным еще К. Кандлином (1999) на рубеже третьего тысячелетия: разнообразие языков (multilingualism); прагматику и коммуникацию; стили обучения (learning styles) и языковую оценку (language assessment). На наш взгляд, достоинством настоящего сборника, безусловно, является охват и освещение ряда сфер воздействия глобализации на профессиональную коммуникацию.

Представляется возможным выделить несколько основных проблем, анализируемых в коллективной монографии. Это в первую очередь социокультурное воздействие процессов глобализации на LSP. Оно довольно подробно описывается и иллюстрируется в первой части *The Socio-Cultural Impact of Globalisation on Specilaised*. Г. Р. Фергюсон в гл. 1 *English as a Lingua Franca of Business: Issues and Challenges* проводит обзор современных исследований относительно расширения употребления английского языка в международном бизнес-сообществе, а также традиционных стратегий коммуникации внутри межнациональных бизнес-корпораций. Автор, справедливо делая акцент на понятия нормы и стандарта, описывает влияние и проявление многообразия культур в подобных коммуникативных ситуациях. Практическая значимость данного исследования бесспорна, поскольку оно продолжает более подробное и проникновенное изучение английского лингва-франка (EFL) в контекстах деловой коммуникации и предлагает некоторые разработанные методы обучения не-носителей языка деловому английскому языку.

Гл. 2 *Social Entrepreneurship and Community Service Learning: Building Sustainable Non-profits and Language Programs* посвящена описанию социального предпринимательства и путей решения проблем некоммерческих организаций, в том числе реализации вузовских языковых программ во время всемирного экономического кризиса. На примере авторского курса «Испанский и социальное предпринимательство» А. Аббот впервые обращает внимание на тот факт, что образовательная составляющая социального предпринимательства в рамках обучения служения обществу может стать неотъемлемой частью языковых программ в ответ на текущий спрос рынка на изучение иностранных языков.

В настоящее время современные образовательные требования и стандарты сфокусированы в основном на требованиях обеспечения качества процесса. В Гл. 3 *The Dynamics of Shared Quality Values in Language Education and Local Endeavours in Times of Change* Л. Муресан демонстрирует их влияние на область преподавания специальных языков на примере Европейской ассоциации по обеспечению качества преподавания языков (EAQUALS). Необходимо особо отметить приведенные в главе рассуждения и мнения ведущих профессионалов в сфере преподавания языков о переменах в запросах и ожиданиях студентов и потенциальных работодателей от языковых программ, о роли глобализации в этом и об инициативах образовательных учреждений. Нельзя не согласиться и с идеями Л. Муресан о социокультурном воздействии языкового образования в эру глобализации, а также о стремлении вузов соответствовать государственным требованиям и гарантировать качество языкового обучения.

Необходимо подчеркнуть, что культурологический компонент является важным не только для общей лексики, но также и для понимания LSP. Поэтому довольно логичным представляется развитие данной темы во второй

части *The Rhetorical View of Specialised Languages: Effective Communication in Intercultural Contexts*. На наш взгляд, обращение к культурологическому компоненту в профессиональных сферах заслуживает особого внимания, поскольку в процессе координирования и унифицирования различных процессов существенно важно учитывать особенности каждой страны, менталитет и культурные традиции общества.

Так, в гл. 4 *Globalisation in the Legal Field: Adopting and Adapting International Commercial Arbitration Rules* на материале юридического английского, в частности языка международного торгового арбитража, М. Готти определяет насущную потребность в согласовании процедур для достижения взаимного понимания в межнациональном общении. Нельзя не согласиться с утверждением автора, что, несмотря на значительные усилия международного сообщества скоординировать и гармонизировать законодательство и порядок осуществления легитимных действий, существует довольно много ограничений местного, социального и культурного характера, разница в терминологии имеет место. Следовательно, это необходимо учитывать в процессе преподавания LSP.

Действительно, роль культурологической составляющей в процессе профессиональной коммуникации является одной из основных. Это также справедливо для коммуникации посредством компьютера. В гл. 5 *Complaining in the Business World: Complaint and Adjustment Emails* М. Ф. Руйз-Гарридо и А. М. Саорин-Иборра на основании анализа корпуса электронных писем испанской компании по аренде автомобилей выделяют случаи писем-жалоб и варианты урегулирования претензии. Весьма ценными, на наш взгляд, представляются педагогические разработки для обучения устной/письменной деловой коммуникации, когда в курсе «Business English» акцент смещается на прагматику. Данные рекомендации могут найти свое применение в академических практических занятиях обучения письменному английскому языку.

Проблема воздействия социолингвистических реалий на LSP поднимается и в гл. 6 *Communication for Maritime Purpose: a Survey-based Study* на материале специального английского языка морского дела. Л. Вангехуштен, У. Ван Перис и А. Ноубл проводят новаторское исследование лингвистических и межкультурных особенностей морской коммуникации руководящего состава судна, затрудняющих или способствующих качественной и продуктивной работе на борту торгового судна. Проводя анализ факторов, характеризующих (не)успешное общение, авторы выдвигают на первый план целесообразность и необходимость такой межкультурной коммуникации, в которой учитываются стандарты фразеологии, в частности Стандартные фразы морской коммуникации (Standard Marine Communication Phrases — SMCP). Безусловно, данная работа позволит разработать ценные практические рекомендации по морской коммуникации, с учетом различных возможных переменных составляющих, и гарантировать безопасность морских перевозок.

Важно отметить, что части 3 и 4 носят прикладной характер. Так, в третьей части *Discourse Practices, Disciplinary Communities and the Construction of Professional Identities* рассматриваются разносторонние точки зрения лингвистов на дискурс профессиональных сообществ и сообществ отдельной конкретной области и, таким образом, на коммуникативные практики и процедуры, распространенные и установленные в них. Как справедливо отмечается в ряде глав данной монографии, языковой барьер является важной преградой в профессиональной среде. В гл. 7 *Beyond Cupcakes and Computers: Foreign*

Languages and Entrepreneurship М. Уотсон изучает различные возможные способы создания определенного «стартового механизма» в сфере иностранных языков. Исследования возможностей предпринимательской деятельности в сфере иностранных языков для удовлетворения растущих запросов на интегрированном многоязыковом рынке немногочисленны. Поэтому большая практическая значимость данной главы заключается прежде всего в описании некоторых существующих и успешно функционирующих бизнес-инициатив (компании по оказанию переводческих услуг в различных сферах, образовательные учреждения по преподаванию иностранных языков, обучение иностранным языкам через социальные сети). Представляется важным и возможным воплощение некоторых идей и заимствование уже накопленного опыта.

Идеи взаимодействия бизнеса и преподавания продолжены в гл. 8 *Languages for Specific Purposes: Strategies for Finding Common Ground in Academia and Business*. К. У. Гросс обращается к примеру одного из факультетов, где осуществляется преподавание специальных языков и предпринимаются все возможные усилия для соединения мира академического и мира бизнеса. В качестве рекомендаций предлагается изучение профессиональных дискурсов и принятых в этом сообществе процедур, а также порядок осуществления действий в конкретной профессиональной области. Более того, К. У. Гросс предлагает пути построения взаимоотношений между преподавателем LSP и профессорско-преподавательским составом кафедр иностранных языков для того, чтобы прийти к пониманию профессии. На наш взгляд, подобные инициативы заслуживают особого внимания и внедрения некоторых аспектов в вузах РФ.

М. Е. Риснер разделяет мнение относительно необходимости построения таких отношений взаимодействия языка, культуры и бизнеса в гл. 9 *A Community Practice of Business and Foreign Language Faculty*. Более того, автор разрабатывает довольно интересную модель профессионального развития в рамках онлайн-сообщества практикующих учителей, объединяющего более сорока преподавателей иностранных языков, бизнеса и технологий из Америки и других стран — NOBLE (Network of Business Language Educators). Основная цель — укрепить сотрудничество между экономическим факультетом и факультетом иностранных языков, показать их взаимозависимость для достижения более качественного уровня образования в сфере LSP. На наш взгляд, данная модель сотрудничества является надежным источником жизненных и долговечных ресурсов и инструментов для преподавателей, а также знаний о профессиональной культуре из «первых рук». Такой подход, безусловно, заслуживает поддержки и широкого внедрения.

Авторы четвертой части *The Impact of Globalisation on Languages for Special Purposes: Reflections on Language Instruction and Language Policy Suggestions* приводят доводы в пользу междисциплинарной применимости LSP и отмечают интеллектуальные сложности, с которыми сталкиваются преподаватели иностранных языков в целом и учителя LSP в частности. В гл. 10 *Separating the Wood from the Trees: Methodologically Speaking in ESP Instruction Today* С. Санчес-Рейес обращается к современным направлениям в обучении иностранным языкам LSP и подчеркивает важность знаний о разнообразии культур и ситуаций, в которых реализуется обучение/изучение языков для специальных целей. Данная работа, безусловно, представляет интерес для

преподавателей, поскольку в ней описываются новые методики обучения специальным языкам.

К. Б. Фик в гл. 11 *Putting Strategy into ESP Materials Development* затрагивает актуальную тему об усовершенствовании материалов по обучению языкам для специальных целей. Автор описывает процесс работы с источниками: планирование, разработку, апробацию и утверждение специально составленных материалов для обучения английскому языку конкретной области. Неотъемлемой составляющей такой системы являются электронные корпуса. Обучение, построенное на работе и извлечении данных из корпусов (*Data-driven corpus* — *DDL*), обязательно должно включать задания, связанные с изучением контекстов, когда студенты также осознают риторическую функцию. Это отвечает новейшим тенденциям развития современной методики и должно отражаться в новых авторских методических разработках нашего вуза.

В гл. 12 *Intercultural Competence and its Complementary Role in Language Education* С. Стедлер делает довольно обширный обзор будущих направлений и общих предложений по развитию языковой политики, чтобы должным образом сформировать у изучающих английский не-носителей языка лингвистическую и культурологическую компетенции. Автор приводит примеры подобных инициатив, когда Единая Европейская структура или современные направления интернационализации в системе высшего образования по всему миру включают межкультурную компетенцию в число обязательных при овладении иностранным языком. Однако, как отмечает С. Стедлер, понимание межкультурной компетенции различно. Поэтому весьма правомерным представляется рассмотрение составляющих этой компетенции: каким образом она дополняет языковые умения и навыки, как она способствует межкультурному успеху. Автор выступает за целостный подход к межкультурной компетенции, который облегчает межкультурную работу. Речь идет не только о вербальном общении, но и об общении как общего, так и специального характера. Бесспорно, эта глава представляет интерес для отечественных методистов, поскольку компетентностный подход нового образовательного стандарта вызывает много споров и обсуждений.

В заключение необходимо подчеркнуть, что данная коллективная монография с ее многосторонним подходом к исследованию языков для специальных целей предлагает новые идеи и методы обучения иностранным языкам в целом и английскому языку как лингва-франка в частности, а также превращает межкультурную коммуникацию в сложную и многогранную тему научного исследования. Хочется надеяться, что многие новаторские идеи и разработки, описанные в данном сборнике, найдут живой отклик и широкое внедрение для обеспечения высокого уровня качества преподавания LSP.

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

Рец. на кн.: **Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии.** СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. (Тр. Гос. Эрмитажа ; т. 44). 388 с. : ил.

В апреле-августе 2002 г. в стенах, точнее в трех залах, Государственного Эрмитажа прошла выставка под лаконичным и емким названием «Зверь и человек», объединившая предметы художественного творчества древнего населения, обитавшего в палеолите-энеолите на просторах современной лесной зоны Европейской части России и в средневековье на полуострове Ямал. Идея и концепция выставки принадлежала А. Н. Мазуркевичу, Е. И. Ояевой и И. В. Калининой.

Открытие выставки предшествовала полуторагодовая, кропотливая работа по ее подготовке. За этот период сотрудники Эрмитажа объездили большинство музеев на указанных территориях и познакомились *de visu* с археологическими материалами, хранящимися в их фондах; провели встречи и консультации со многими археологами, так или иначе имевшими самое непосредственное отношение к обнаружению артефактов мобильного изобразительного искусства эпохи первобытности в культурных слоях археологических памятников. В итоге этого поистине тотального знакомства с вещественными свидетельствами мировоззренческо-эстетических предпочтений древнего человека было решено привлечь на выставку находки из коллекций и собраний, находящихся в 19 научно-культурных учреждениях: в трех федеральных музеях (Государственном историческом, Кунсткамере и Государственном Эрмитаже), в восьми региональных (Владими́ро-Суздальском, Вологодском, Ивановском, Карельском, Псковском, Свердловском, Сергиев-Посадском и Тверском), в одном муниципальном (Нижнетагильском) и в трех университетских (Ивановском, Нижнетагильском и Уральском), а также в двух головных академических институтах (Институте археологии и истории материальной культуры) и в двух профильных филиалах (Карельском и Уральском).

Общее количество экспонатов, представленных на выставке, составило около 1000 предметов. Если ориентироваться по каталожным номерам, то индивидуальных вещей и комплексов — 737 единиц¹. Наибольшее их количество происходит из фондов и стационарной экспозиции Государственного Эрмитажа — 247. Представительство других музеев менее значительно. В частности, из Ивановского краеведческого музея было выставлено 36 предметов, из археологического музея ИвГУ — 37 (включая комплекс из более чем 200 янтарных украшений), а вот из Государственного исторического музея — всего 18.

Основная масса экспонатов связана со скульптурными и графическими изображениями антропоморфных существ, животных и птиц. Материалами для их изготовления служили камень, кремний, глина, дерево, кость, рог, зубы животных, а также цветной металл.

Достаточно широко был представлен фоновый материал (главным образом наконечники стрел, дротиков и гарпунов, орнаментированные костя-

© Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2012

¹ Комплексы содержат от двух-пяти до двухсот предметов. Так, под № 440 объединено чуть более двухсот янтарных украшений с погребальной одежды из захоронения 15 могильника Сахтыш ПА (Ивановская обл.).

ные и каменные изделия, глиняная посуда, украшения), зримо отражающие ту или иную древнюю эпоху.

Как отдельный раздел выставочной экспозиции следует отметить тщательно выполненные экспедицией Эстонского общества изучения доисторического искусства в натуральную величину копии петроглифов Карелии.

По своему значению и территориально-хронологическому охвату представленных экспонатов выставку в Эрмитаже можно сравнить только со знаменитой антропологической выставкой, устроенной в далеком 1879 г. в Москве.

После торжественного открытия экспозиции был проведен круглый стол, где была зачитана серия докладов, в которых освещались экспонаты выставки и их культурно-исторический фон.

Главным итогом этого значимого научно-просветительского мероприятия можно считать издание каталога, осуществленное, к сожалению, лишь через семь лет после проведения выставки.

Каталог состоит из двух частей: это материалы круглого стола (с. 5—129) и собственно каталожная часть (с. 131—381).

* * *

В первой части каталога опубликовано 19 статей, которые неравнозначны как по объему, так и по содержанию, и по научной направленности. Они группируются в четыре блока, в соответствии с которыми располагаются и материалы каталога: эпоха палеолита Восточной Европы, эпоха мезолита Восточной Европы, эпоха неолита — бронзового века Восточной Европы и эпоха каменного века — средневековья Урала и Западной Сибири.

В первом блоке статьи Г. П. Григорьева и С. А. Демещенко имеют сугубо теоретический характер². Непосредственно же к рассмотрению образа человека и зверя в палеолитическом искусстве относятся публикации Н. Д. Праслова, А. А. Сеницына и Г. А. Хлопачева³. Первый из них детально анализирует все известные к настоящему времени фигурки «палеолитических Венер» из слоев Костёнковской группы памятников (Воронежская обл.). Другой — освещает новейшие находки произведений мобильного искусства и украшения со стоянки Костёнки 14, рассматривая их в связи со стратиграфией этого многослойного памятника. Последний из указанных авторов рассматривает особенности орнаментированных пластин из бивней мамонта с поселения Елисеевичи I (Брянская обл.), которые в литературе интерпретируются как «чуринги», имеющие аналогии одноименным сакральным предметам австралийских аборигенов. Наконец, замыкает палеолитический блок публикаций прекрасное эссе, посвященное уникальной находке, обнаруженной в 2001 г. на Зарайской стоянке (Московская обл.)⁴. Находка представляет собой объемное скульптурное изображение бизона, вырезанное из бивня

² Григорьев Г. П. Образ человека и изображения зверя в эпоху палеолита // Зверь и человек : древнее изобразительное творчество Евразии. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2009. (Тр. ГЭ; т. 44). С. 5—10 ; Демещенко С. А. Специфика образности в палеолитическом искусстве // Там же. С. 33—39.

³ Праслов Н. Д. Костёнки — жемчужина русского палеолита // Там же. С. 17—24 ; Сеницын А. А. Палеолитическая стоянка Костёнки 14 (Маркина Гора) // Там же С. 11—16 ; Хлопачев Г. А. Орнаментированные пластины с палеолитической стоянки Елисеевичи I : категориальный состав и особенности орнаментации // Там же. С. 29—32.

⁴ Амирханов Х. А., Лев С. Ю. Скульптурка бизона из Зарайской стоянки // Там же. С. 25—28.

мамонта с удивительно реалистичной передачей деталей внешнего облика этого вида животного.

Мезолитическому изобразительному искусству посвящены четыре публикации. Наиболее фундаментальной выглядит статья С. В. Ошибкиной, характеризующая художественные изделия поселения Веретье I (Архангельская обл.). Среди них доминируют орнаментированные кость и рог, которые обстоятельно рассматриваются автором. Интерес представляет и интерпретация семи скульптурных антропоморфных и зооморфных изображений. К сожалению, автор ограничился лишь представлением материалов Веретья I, не дав даже краткого обзора предметов искусства с соседних памятников — Сухое, Лукинчиха и Нижнее Веретье.

В заметке М. Г. Жилина, написанной на восьми страницах, характеристике произведения мезолитического искусства Верхнего Поволжья отведено только полстраницы. Здесь кратко описываются находки объемной зооморфной скульптуры из рога и дерева, а также профильная скульптура водоплавающих птиц, оформляющая рукояти ножей и шильев со стоянок Ивановское 7 и Озерки 5 (Ярославская и Тверская обл.). Совершенно не рассматриваются представленные автором на выставку богато орнаментированные костяные орудия (Становое 4 Ивановской обл.). Основная же часть текста статьи посвящена палеогеографии региона и адаптации населения к меняющимся условиям существования.

Следующие две заметки написаны В. М. Лозовским в соавторстве с О. В. Лозовской и Н. А. Лапкиной. В первой из них дается общий обзор найденных в мезолитических слоях стоянки Замостье 2 (Московская обл.) многочисленных произведений искусства из кости, рога и дерева. Их описания предельно лаконичны, но достаточно информативны. Вторая заметка посвящена обзору каменных «чуриг» с кратким экскурсом в этнографию туземцев Австралии.

Статьи и заметки, посвященные изобразительному искусству неолитического населения Восточной Европы, наиболее представительны. В двух из них рассматриваются многочисленные и разнообразные образцы художественного творчества населения центра Русской равнины и Русского Севера, выполненные из камня, кремня, кости и рога. Авторы (Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин и С. В. Студзицкая, А. В. Емельянов) дают обстоятельную характеристику скульптурных и графических изображений со стоянок Ивановской (Рыбино-Стрелка, Сахтыш I, II, III, VIII), Ярославской (Ивановское III, VII), Рязанской (Шагара I, Чёрная Гора), Тверской (Пено I), Нижегородской (Володары, Подборице-Щербининская), Архангельской (Кубенино, Верхнее Веретье, Устье Кинемы) областей⁵. Важно, что эта характеристика дана в контексте историко-культурно развития населения рассматриваемых регионов.

В предельно краткой (на полторы страницы) заметке М. П. Зиминной весьма сжато (что называется, «с птичьего полета») представлен обзор двух уникальных коллекций из более чем 12 тысяч янтарных украшений, декорировавших одежду захороненных в двух могильниках — Кончанское и Репище (Новгородская обл.)⁶.

⁵ Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Произведения искусства неолитической эпохи центра Русской равнины // Там же. С. 63—69; Студзицкая С. В., Емельянов А. В. Древнейшие изображения зверя и человека в собрании Государственного исторического музея // Там же. С. 70—76.

⁶ Зимина М. П. Янтарные украшения из могильников Кончанское и Репище // Там же. С. 77—78.

Изобразительная деятельность древнего населения Северо-Запада России рассматривается в весьма обстоятельной статье А. Н. Мазуркевича⁷. Автор дает представление о найденных на поселениях усвятской культуры (Усвяты IV, Дубокрай I и V, Наумово и др.) произведениях древнего искусства на фоне развития мифологии и ритуальной деятельности населения. Он также пытается связать некоторые особенности развития творчества западной части лесной зоны Восточной Европы, в частности, преобладание антропоморфной скульптуры, с влиянием среднеевропейских культур с производящим хозяйством.

Завершает блок публикаций по эпохе неолита — бронзового века Восточной Европы статья, посвященная монументальному творчеству древнего населения Карелии⁸. В ней рассматриваются Онежские и Беломорские петроглифы — история их изучения, основные мотивы и сюжеты, стилистические особенности изображений. Автор, В. Пойкалайнен, отмечая заметные различия в мотивах и стилях петроглифов Онежского озера и Белого моря, указывает и на их сходство, которое объясняется общей мировоззренческой основой и контактами населения.

Последний блок статей начинается также с характеристики монументального творчества, представленного уральскими писаницами. Автор, В. Н. Широков, рассматривает особенности местоположения писаниц, объекты изображений и стиль. В интерпретации мотивов и сюжетов, определении их принадлежности он следует за крупнейшим знатоком уральских наскальных рисунков В. Н. Чернецовым.

Уральские и западносибирские материалы, представленные на выставке, освещаются в статье В. Д. Викторовой и Л. Л. Косинской⁹. Большое внимание исследователи уделяют особенностям развития населения в регионе, его хозяйственной и культовой деятельности, мифологии. Они отмечают близость мифологических сюжетов на обширных пространствах лесной зоны — от Финляндии до Западной Сибири, нашедших отражение в изображениях лося и водоплавающей птицы, широко применявшихся в культовой практике.

В небольшой по объему статье хранителя Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея С. Н. Савченко рассматривается история формирования этого уникального собрания древностей, 35 из которых были представлены на выставке, в том числе знаменитый Большой Шигирский идол¹⁰.

Завершает этот блок сравнительно небольшая заметка Е. И. Оятевой¹¹. Одна ее половина посвящена интерпретации художественных изображений, отлитых из цветных металлов и происходящих главным образом с территории Прикамья и полуострова Ямал.

Другая часть заметки — это философские рассуждения, на одном из которых стоит остановиться чуть подробнее. Так, автор на полном серьезе пишет: «...многочисленные стада травоядных животных были не только не

⁷ Мазуркевич А. Н. Художественное творчество древнего населения Северо-Запада России // Там же. С. 79—87.

⁸ Пойкалайнен В. Петроглифы Карелии // Там же. С. 88—105.

⁹ Викторова В. Д., Косинская Л. Л. Урал и Западная Сибирь в эпоху мезолита-энеолита // Там же. С. 115—120.

¹⁰ Савченко С. Н. Из истории создания Шигирской коллекции // Там же. С. 121—125.

¹¹ Оятева Е. И. Зверь и человек в художественной металлической пластике Прикамья // Там же. С. 126—130.

опасны, но именно их опытом пользовались люди для организации своей жизни. В поисках воды и пищи, спасаясь от пожаров, наводнений и других невзгод группы людей следовали за стадами (мамонтов, бизонов, оленей. — А. У., Е. К.). В случае опасности стадо впускало их в свой *защитный круг*» (с. 126). Что мы можем сказать по поводу этого словесного изыска? Разве что пожать плечами, развести руками и вспомнить старый детский «детектив» «Борьба за огонь», талантливо написанный Жозефом Рони-Старшим¹². В нем представители племени Уламров спасаются от преследующих их кровожадных людоедов племени Кзамов в стаде мамонтов, с которыми они заключают союз. Многотонные животные не причиняют им зла и беспрепятственно пропускают внутрь стада. Уламы живут среди этих великанов, кормят их и даже с их помощью расправляются со своими врагами Кзамами.

Да, подобные ситуации «случаются» только в фантазиях писателей. Наявú их не было и быть не могло по определению. Любые стада животных — будь то северные олени, степные лошади или африканские слоны — при малейшей опасности приходят в движение, срываются с места и, убегая сломя голову, давят всё на своем пути. Даже полуграмотный деревенский пастух никогда не полезет внутрь стада своих буренок, интуитивно понимая, что его или растопчут, или (в лучшем случае) он останется до конца дней своих калекой.

Опубликованные материалы круглого стола дают общее представление о проблемах изучения древнего творчества, динамике его развития, особенностях мировоззрения и культовой практики, а также взаимосвязях населения разных регионов.

* * *

Вторая часть издания — это собственно каталог выставки. В нем нашли отражение все вещи, которые экспонировались. Составлен он по каноническим правилам: краткая характеристика каждого предмета и его обязательное фотоизображение.

Фотографии черно-белые, четкие, предельно информативные. Целая серия артефактов отснята в двух-трех ракурсах. Наиболее сложные по объему и изготовлению, в частности скульптурки «палеолитических Венер», — в четырех (№ 26, 28, 30, 34, 35, 290) и даже в пяти позициях (№ 37). У некоторых скульптурных изображений и орудий труда отдельные детали увеличены (№ 93, 173, 225, 287, 288, 400, 542).

Наиболее эффектные экспонаты представлены на вкладках каталога в цвете. Среди них — роговая маска служителя культа (Сахтыш ПА), комплекты погребальных украшений из янтаря (Сахтыш ПА, Кончанское), отдельные янтарные украшения (Наумово, Дубокрай V, Сертея II), «верхнепалеолитические Венеры» и миниатюрные фигурки мамонтов и носорогов из бивня мамонта и известняка (Костёнки I, Гагарино и Елисеевичи), роговые навершия ритуальных жезлов в виде голов животных (преимущественно лося) и клевцов (Ивановское III, VII, Замостье 2, Становое 4, Шигирский торфяник), многочисленные кремневые скульптурки (Сахтыш I, II, ПА, VIII, Синяя Гора 1, Репище V, Вологда, Пельшма 2, Иловец 1, оз. Кафтино, могильник Репище, могильник Кончанский, собрание Н. К. Рериха), часть скалы с петроглифами

¹² Рони-Старший Ж. Борьба за огонь. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1986. С. 5—178.

(мыс Пери Нос III), бизон из бивня мамонта (Зарайская стоянка) и, наконец, женская статуэтка в ходе раскопок культурного слоя (Костёнки I).

Заслуга фотографов (Д. А. Бобровой, Т. В. Никитиной и Л. Г. Хейфец) во многом состоит том, что они, проводя съемку вещей, проявили творческий подход. Так, янтарные украшения из захоронений древних могильников расположили не рядами и колоннами, а составили из них незамысловатые, но приятные глазу художественные композиции (№ 292, 381—421, 441—473). Впечатляет раскладка янтаря (чуть более 200 экз.) из захоронения 15 могильника на Сахтыше ПА — в том порядке, в каком он был нашит на головной убор и рубаху взрослого мужчины (№ 440). Также в порядке крепления к одежде были отфотографированы и подвески из кости и рога в виде птичьих головок на длинном стержне, за конец которого они и подвешивались. В итоге получилось, что «птички» клювами «смотрят» вниз (№ 305—316, 321, 423), тогда как в археологической литературе сложилась традиция показывать их в горизонтальном положении, т. е. «смотрящими» клювами в сторону (в этой позиции скульптурки более воспринимаемы зрительно).

И последнее. Скрупулезный просмотр каталога не выявил серьезных ошибок и путаницы в атрибуции вещей, материала, из которого они изготовлены, их привязки к тому или иному памятнику, что, казалось бы, неизбежно при таком количестве артефактов. Однако огрехи всё же есть. Так, мезолитический костяной кинжал со сложным резным декором из случайных находок с Ивановского болота (№ 123), по нашему мнению, является льяловским наконечником копья¹³. Четырехзубый гарпун со Станового 4 почему-то атрибутирован как наконечник стрелы (№ 172). Подвеска в виде птичьей головки (гуся) вырезана не из клыка волка, а из рога, и обнаружена в погребении 10 на Сахтыше I (№ 313)¹⁴. Обломок подобного украшения также с Сахтыша I (№ 314) происходит не из захоронения, а из культурного слоя. Как видим, огрехи хотя и есть, но они незначительны и случайны. Их следует принять во внимание, но не заострять его на них.

В целом же необходимо отметить, что изданный каталог выставки уникален. И в первую очередь тем, что в нем на высоком уровне опубликован большой массив древнейших произведений искусства с территории лесной зоны Европейской части России, Урала и Западной Сибири. Причем многие опубликованы впервые. Некоторые известны давно по словесным описаниям или некачественным графическим зарисовкам, но добраться до них и ознакомиться *de visu* многим исследователям по ряду объективных причин порой невозможно. И в этом случае каталог становится настольной книгой археолога, т. е. его фактически можно приравнять к источнику.

¹³ Аналогичные изделия, правда, в обломках, известны из средненеолитического культурного горизонта Сахтыша II. Изображение одного из них опубликовано в рецензируемом каталоге (№ 259).

¹⁴ Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. С. 69 (рис. 4).

Г. С. Смирнов

Математика и МАТЕМАТИКА: размышления над книгой С. Р. Когаловского «Развивающее обучение математике как преобразующее обучение» (Иваново, 2011. Изд. 3-е, перераб. 224 с.)

Недавно я после долгого перерыва случайно встретил профессора Льва Николаевича Маурина — преподавателя экстра-класса, слушая лекции которого еще в школьном возрасте научился эвристически подходить к задачам разной степени сложности. Разговорились, как водится, о настоящем и будущем образования, и я спросил: «Не все ли беды высшей школы от того, что во главе министерства образования стоит математик? За мертвыми числами пропадает человек, теряется гуманитарный смысл образования». Лев Николаевич смущенно (задача-то простая) заметил: «Не математик, а бухгалтер, это же не математический подход, а бухгалтерский».

Об этом я вспомнил, держа в руках книгу профессора С. Р. Когаловского «Развивающее обучение МАТЕМАТИКЕ как преобразующее обучение». Слово «математика» на обложке набрано в два раза крупнее, чем другие слова, а значит, можно прочитать общую методико-педагогическую формулу «Развивающее обучение как преобразующее обучение». Иными словами любой учебный предмет может быть рассмотрен в контексте преобразующего образования. Математика, может быть, самый трудный вариант работы с преобразующейся личностью.

К сожалению, смысл современного образования все больше выражается формулой «наполнение знаниями и механическая проверка этой наполняемости». Книга С. Р. Когаловского в этом плане как нельзя более актуальна, она свидетельствует о том, что самые кардинальные бухгалтерские перестройки образования не уничтожают в личности преподавателя понимания своей ноосферной миссии — стремления дать ВЫСШЕЕ образование.

Книга рассказывает о существовании «развиваемого автором онтогенетического подхода к обучению математике и тех потенциальных возможностей, которые он несет... Если традиционный подход к обучению математике характеризуется направленностью на устранение субъективного начала учащихся, на втискивание их учебной активности в рамки “правильных форм” мышлеповедения, то онтогенетический подход раскрепощает их субъективность... Короче говоря, развитие учащегося как субъекта развивающейся учебной деятельности осуществляется как направляемое саморазвитие его субъективности» (с. 3).

Философия саморазвития субъективности — так, наверное, следовало бы сформулировать суть заявленных подходов. Неразрывность философского (не просто методического и даже не только методологического) и математического мышления в книге органично присутствует, и это делает ее уже не узко методической, а фундаментально-мировоззренческой (поэтому книгу в полной мере можно было бы назвать «Философская математика: саморазвитие субъективности в информационную эпоху»). Не так часто в учебных книгах формулируется сверхзадача современного человеческого бытия как «разумного мышления» (с. 78), своего рода ноосферного саморазвития личности средствами образования, в данном случае — математики.

В числе самых значимых элементов метаматематического ноосферного мышления оказываются процессы восхождения к строгим базисным понятиям, их освоения и усвоения, превращения внутренних форм, понимания субъективности как сложной динамической и самоорганизующейся системы, формирования уровней учебной математической (можно было бы сказать «ментально-ноосферной») деятельности.

Иными словами, есть математика — и Математика. Первая — это конкретная учебная дисциплина, иногда даже похожая на обработку шпигрутенами («все равно не вколотишь знания»), вторая — форма жизни человеческого мышления, переходящего в закрепленные архетипы сознания. В этом втором смысле и идет речь о преобразующем (не преобразующем!) образовании.

В чем же главная идея онтогенетического подхода? «...Учебная деятельность, следующая онтогенетическому подходу, должна строиться так, чтобы изучаемый материал во всем многообразии его связей осваивался как целое. Предполагается неустанное соотнесение с этим развивающимся целым изучаемых и осваиваемых его частей, аспектов, необходимых “технических” средств. Чем более сложна, чем более многомерна структура осваиваемого поля учебной деятельности, тем в большей степени требуются способы, направленные на его освоение как целого» (с. 141). Такая длинная цитата понадобилась в данном случае по той причине, что из нее становится совершенно очевидным философско-методологическое совпадение обозначенного выше подхода с *философской пантономией* Х. Ортеги-и-Гассета, и в том и в другом случае стремление к полноте и целостности является сверхзадачей форм универсального (вселенского) мышления. В книге С. Р. Когаловского не постулируется, а реально показывается (воплощается) неразрывность математического и философского мышления (в этой связи вспоминается сюжет: великий математик, узнав, что ученик не пошел по его стопам, заметил: «У него не хватило воображения, чтобы стать математиком»). «Развивающая математика» — поразительный по глубине образовательно-преобразующий проект автора, это не только природосообразная, но также антропологическая и, вне всякого сомнения, *гуманистическая математика*. (Следовало бы даже сказать о том, что «гуманистическая математика» комплементарна многообразным формам ноосферного образования, в котором полнота образовательного бытия достигается коэволюцией право- и левополушарного мышления в контексте как онтогенеза, так и филогенеза.) Для того чтобы понять подобного рода соразмерность, внимательно вчитаемся. «Высокий уровень их [строгих понятий] логической сложности контрастирует с простотой формирования интуитивных представлений, являющихся истоками этих понятий. Путь к таким понятиям должен быть путем *от целого к целому*, от неразвитого целого к развиваемому и преобразуемому целому. Онтогенетический подход призван органично воплощать такие пути.

Следующий этому подходу путь к такому понятию — это не путь преодоления логической сложности его определения. Это “внелогический” путь. “Логический”, “однополушарный” подход к понятию, природа которого “двуполушарна”, подход, не рождаемый интуитивными представлениями, содержательной стороной дела и не зиждующийся на постоянном и активном взаимодействии с ними, приводит лишь к идиосинкразии к математике» (с. 140). Современная система образования, к сожалению, слишком часто потворствует такой непереносимости учеником сложности знания, хотя в действительности есть «царские» пути «расставания с простотой», о них и рассказывается в книге о человекообразной математике. Целостность ма-

тематики (как формула ментально-модельного видения мира) и полнота ноосферного универсума (выраженная «законом сложности сознания» П. Тейяра де Шардена, «принципом пантономии» Х. Ортеги-и-Гассета, «основным ноосферным законом» И. В. Дмитриевской) взаимодействуют как дополняющие друг друга формы, что и заставляет подумать о своего рода «ноосферной» математике как части теории ноосферного образования. Конечно же, читатель, особенно традиционный математик, может сказать: «Не надо переходить границы дозволенного в интерпретации прочитанного», но наше стремление к максимальной полноте и целостности (как закону преобразования математического мышления) в какой-то мере оставляет такого рода рассуждения в рамках научной этики. Тем более это дозволено по той причине, что представляемая книга не только о математике, она о человеческом мышлении вообще, о том, как российская математическая школа — признанно лучшая в мире — дает возможность для максимальной когнитивной широты в понимании места человека в новом информационном обществе.

По большому счету, многообразная математическая деятельность в значительной степени предстает и как ноосферная деятельность, подтверждением чего является не только то, что знаменитый советский математик Н. Н. Моисеев (1917—2000) был и остается ведущим российским ноосферологом, но и то, что именно математика в теории и многообразных (информационно-компьютерных и мировоззренческих) практических приложениях является «программой на вырост» (В. С. Степин), в значительной степени находит формулу цифрового Дао (пути) современного человечества.

Завершая поверхностный обзор чрезвычайно интересной и насыщенной образовательной философией книги С. Р. Когаловского, хотелось бы, во-первых, извиниться перед читателем за пространное ее цитирование (получается так, что ее следовало бы цитировать всю, а поэтому лучше взять и прочитать, что я рекомендовал бы каждому оканчивающему университет, не обязательно педагогический), а во-вторых, сказать уже не «Математика и математика», а «математика, Математика, МАТЕМАТИКА», используя категориальную триалектику Н. Н. Моисеева, который видел в написании слова три измерения — обыденное, философское и метафилософское (метаметафизическое), что соответствует допредметному, предметному и метапредметному уровням в терминологии, предлагаемой автором книги. Из этой архитектуроники следует, что низшие и высшие формы мышления неразрывны, постоянно взаимодействуют и подпитывают друг друга, а значит, в силу этого должны помогать целостному освоению реальности на всем протяжении развития самого предметного плана.

Так происходит соприкосновение философии и математики, которые в действительности никогда и не разделялись в развитом человеческом мышлении, в ноосферном сознании и мировоззрении.

Р. С. Уже после того, как этот текст был написан, в издательстве «Ламберт» вышла новая книга С. Р. Когаловского, в которой на основе современных синергетических подходов делается вывод о том, что онтогенетический подход отвечает постнеклассической (в смысле В. С. Степина) парадигме педагогики математики, выражаемой словами «становление», «развитие», «преобразование», «синергия». Тем самым открывается новое синергетическое пространство развивающего обучения — пространство самоорганизации преобразующейся субъективности.

**V Международный семинар студенческой интеграции
«A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World
Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists»
(Флоренция, 15—22 апреля 2012 г.)**

15—22 апреля 2012 г. в г. Флоренция прошел V Международный семинар студенческой интеграции «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists», инициатором и руководителем которого на протяжении пяти лет является проректор Ивановского государственного университета доктор филологических наук, профессор О. М. Карпова (<http://ivanovo.ac.ru/vice-rectors/karpova-o-m>). Семинар проводится при непосредственной поддержке фонда Ромуальдо дель Бьянко (www.fondazione-delbianco.org) и некоммерческого портала «Life Beyond Tourism» (www.lifebeyondtourism.org).

В последнее время лексикография расширила рамки составления лингвистических и энциклопедических словарей. Неслучайно в западноевропейской лексикографии появился новый термин «reference science». Именно таким представителем справочников нового поколения и стал разрабатываемый под руководством О. М. Карповой «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists». Концепция словаря основана на принципе «гений места» (*genius loci*), т. е. на описании известных личностей, связанных с Флоренцией. Данный словарь является справочником ассоциативного типа. Он дает читателю возможность познакомиться не только с выдающимися деятелями науки, культуры и искусства, но и с известными достопримечательностями, расположенными во Флоренции и так или иначе связанными с деятельностью описываемых персоналий.

Фонд Ромуальдо дель Бьянко, организующий международные семинары в рамках своей деятельности по содействию межкультурной интеграции в целях укрепления мира во всем мире, в течение нескольких лет поддерживает проект О. М. Карповой. Международный семинар студенческой интеграции проводится с 2008 г. В разные годы в нем участвовали университеты-партнеры из России, Сербии, Хорватии, Венгрии. Участники работают как волонтеры, собирая материал для словарных статей. Такая тенденция сбора и обработки материала в настоящее время является достаточно распространенной, что проявляется на уровне создания открытых словарей в Интернете и справочников по произведениям писателей, составленных поклонниками их творчества, например Дж. Толкиена, Д. Брауна, Дж. Роулинг, Т. Пратчетт, К. С. Льюис и других.

Источниками словаря, как правило, являются тематические энциклопедии, монографии и мемуары известных людей, писательские словари, научные публикации, путеводители по Флоренции, разнообразные интернет-источники.

Словарь организован по алфавитному принципу и содержит антропонимы от А до Z. Микроструктура словаря включает следующие разделы: *Biography* (Биография), *Creative Works* (Творческие работы), *Florentine Influence* (Флорентийское влияние), *Associations* (Ассоциации), *Learn more* (Узнайте больше). Все статьи сопровождаются графическими иллюстрациями (портрет персоналии, репродукции работ и т. д.), хронологическими сведениями (даты жизни), высказываниями и цитатами. Графическое исполнение и разнообразные средства полиграфической семиотики определяют привлекательность словаря для пользователя. Ассоциативность справочника сводится к личным впечатлениям участников международного семинара, а также находит свое дальнейшее отражение в разделе *Learn more*.

Все рассматриваемые персоналии, число которых на данный момент составляет 87 деятелей из 12 стран мира, могут быть разделены по ряду категорий, таких как *Национальность*, *Род деятельности*, *Хронология*. Данные индексы (*Alphabetical Index*, *Index of Nationalities*, *Subject Index*, *Chronological Index*), постоянно расширяющиеся за счет постепенного пополнения словника, находят свое отражение в виде приложений в ежегодных печатных выпусках словаря, которые выходят по результатам работы семинаров. Следует отметить, что уже были изданы три выпуска, подготовленные ИвГУ и университетами-партнерами — Томским политехническим и Владимирским государственным университетами. Среди персоналий можно выделить художников (И. Айвазовский, А. Дюрер, К. Коровин), писателей (А. Ахматова, У. Шекспир, Ф. Достоевский), музыкантов (С. Рахманинов., М. Ростропович, П. Чайковский), ученых (Л. Мечников, А. Герцен, А. Попов) и других деятелей науки и культуры.

В 2012 г. к проекту присоединились студенты и аспиранты из шести российских вузов — Владимирского государственного университета, Ярославского государственного педагогического университета, Южно-Уральского государственного университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, Пермского государственного университета, Национального исследовательского Томского политехнического университета. В проекте приняли участие студенты не только филологического профиля, но и других специальностей (историки, экономисты, учащиеся технических специальностей и др.), хорошо владеющие английским языком. В течение недели волонтерам предстояло доработать, дополнить и представить на заключительном заседании словарные статьи, посвященные тем или иным деятелям.

На церемонии открытия семинара выступил генеральный секретарь фонда Ромуальдо дель Бьянко Симоне Жиоветти, познакомивший участников с деятельностью фонда и культурно-образовательными программами, реализуемыми при его поддержке, а также руководитель проекта О. М. Карпова с докладом об истории проекта и достигнутых результатах. Университетские команды выступили с презентациями персоналий, выбранных для словарных статей. На встрече был представлен третий выпуск словаря «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of Dictionary for Guides and Tourists», составленный

проректором ВГУ доктором филологических наук, профессором Н. В. Юдиной (отв. ред. О. М. Карпова).

В заключение состоялась презентация портала «Life Beyond Tourism», который является важным направлением деятельности фонда Ромуальдо дель Бьянко, нацеленной на развитие диалога культур и стимулирование преобразования «услуг потребления» в туризм «культурных ценностей». Подчеркнем, что в данной ситуации туризм рассматривается как инструмент, направленный на развитие общения и обмен знаниями между представителями разных народов. Это становится возможным благодаря повышению культурной ценности и уровня туристических предложений, осознанию своей культурной и социальной ответственности со стороны компаний и отдельных специалистов, работающих на конкретной территории. По окончании семинара участники, разделяющие философию фонда, получили возможность зарегистрироваться на сайте.

Впоследствии были сформированы четыре группы студентов, включающие по представителю от каждого вуза. Перед участниками встала сложная задача по совместной доработке словарных статей. Они продолжили исследование выбранных ими персоналий, проверяя и дополняя информацию и факты, найденные до командировки во Флоренцию, посещая места, непосредственно связанные с жизнью и творчеством того или иного выдающегося деятеля. Используя различные мультимедийные технологии, составители словаря разрабатывали туристические маршруты, создавали интерактивные карты, в которых указывались культурные объекты с подробной расшифровкой того, какую роль они сыграли в жизни и деятельности персоналии. Важно отметить уникальность подобной информации, т. к. она отсутствует в каких-либо иных источниках.

В последний день работы семинара участники выступили со своими финальными презентациями, представив не просто макеты словарных статей, которые составят следующий выпуск словаря, но и новые идеи по совершенствованию основных принципов построения справочника.

Следует отметить, что одновременно с проведением международного студенческого семинара прошло заседание комитета ИКОМОС по сохранению памятников и достопримечательных мест. На заседание комитета были приглашены О. М. Карпова и руководители студенческих групп проекта. В рамках конференции выступил господин Паоло дель Бьянко, который начал свою речь с высокой оценки деятельности руководителя проекта О. М. Карповой, предложившей уникальную модель словаря, которая может применяться при создании справочника к любому городу мира. Многие гости встречи высказали свою заинтересованность в проекте, а некоторые посетили финальную презентацию групп на заключительном заседании семинара.

Символичным событием для участников проекта стало посещение старейшей европейской Академии делла Круска. В ее стенах был разработан первый словарь итальянского языка, который впоследствии стал своего рода образцом для составления словарей других национальных языков. Нельзя не отметить, что благодаря О. М. Карповой, крупному специалисту в области лексикографии, фонд Ромуальдо дель Бьянко установил тесные контакты с Академией.

Участники семинара выражают большую благодарность президенту фонда Ромуальдо дель Бьянко господину Паоло дель Бьянко и руководителю

проекта О. М. Карповой. Созданный проект, с одной стороны, вносит весомый вклад в изучение итальянской культуры, исследование судеб людей, которые тем или иным образом связаны с Флоренцией, а с другой стороны, способствует межкультурной и межличностной интеграции, что делает его особенно важным и ценным в настоящее время. Данный тип словаря помогает по-новому описать с помощью разнообразных лексикографических средств богатое культурное пространство Флоренции, ежегодно привлекающей тысячи людей. Такой словарь может быть полезен не только туристам, но и гидам для составления экскурсионных программ.

В заключение отметим, что участие в проекте открыто для всех желающих, которые на конкурсной основе могут пробовать свои силы в составлении словаря. По всем вопросам обращайтесь к координатору проекта доценту Е. А. Шиловой (florenceworkshop2013@gmail.com).

***Е. М. Григорьева,**
аспирант кафедры английской филологии,
Е. А. Шилова,
координатор проекта*

Сведения об авторах

ГОРЮНОВА Аспирантка кафедры
Алёна Геннадьевна новой отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
algor87@mail.ru

ЖУЛЬКОВ аспирант кафедры философии,
Михаил Вячеславович старший преподаватель,
Ивановский государственный университет.
mzh1@mail.ru

ИЛЬИН доктор исторических наук, профессор
Юрий Александрович кафедры новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет
Iyin37@mail.ru

ИСЕНИНА доктор психологических наук,
Елена Исааковна профессор кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
davese@mail.ru

КАЛИНИН аспирант кафедры философии,
Павел Евгеньевич Ивановский государственный университет.
kalinin_pe@mail.ru

КАРПОВА доктор филологических наук, профессор,
Ольга Михайловна проректор по связям с общественностью
и воспитательной работе,
заведующая кафедрой
английской филологии факультета РГФ,
Ивановский государственный университет.
olga.m.karpova@gmail.com

КОРНИКОВ доктор исторических наук, профессор,
Аркадий Андрианович декан исторического факультета,
Ивановский государственный университет.
istfak@ivanovo.ac.ru

КОСТЫЛЁВА кандидат исторических наук,
Елена Леонидовна доцент кафедры дореволюционной
отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru

МАНИК кандидат филологических наук,
Светлана Андреевна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
Svetlana_manik@yahoo.com

- РЕДКОВ** кандидат педагогических наук, доцент,
Сергей Константинович начальник кафедры уголовного права
и уголовного процесса,
Ивановский филиал Владимирского
юридического института Федеральной
службы исполнения наказаний России.
(4932) 38-56-01
- СМИРНОВ** доктор философских наук,
Григорий Станиславович профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
gssmirnov@mail.ru
- СМИРНОВ** кандидат философских наук, доцент,
Дмитрий Григорьевич заведующий кафедрой философии,
Ивановский государственный университет.
dissovet_212@mail.ru
- СТРАДЫМОВА** кандидат филологических наук,
Валентина Ивановна доцент кафедры романской филологии
и латинского языка,
Ивановский государственный университет.
stra-valentina@ya.ru
- УТКИН** сотрудник археологического музея,
Александр Витальевич Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.